

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

**Выпуск № 2
2015**

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2015

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. А. Левитская – ректор СКФУ (председатель); **Д. А. Сумской** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **В. Ш. Авидзба** – канд. филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **А. В. Гладышев** – д-р ист. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **А. М. Ерохин** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **В. И. Карасик** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Крюссман** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **И. В. Крючков** – д-р ист. наук, профессор; **В. В. Мамонов** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Мелконян** – д-р ист. наук, член-корр. НАН Республики Армения; **Л. П. Репина** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Ф. Саваи** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **Ю. Н. Стариков** – д-р юрид. наук, профессор; **О. И. Федотов** – д-р филол. наук, профессор; **Д. Д. Фролов** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии

Редакционная коллегия

И. В. Крючков – д-р ист. наук, профессор (председатель); **В. Ю. Апрыщенко** – д-р ист. наук, профессор; **К. Р. Амбарцумян** – канд. ист. наук (отв. секретарь); **В. В. Василенко** – д-р ист. наук, доцент; **Л. Н. Величко** – канд. ист. наук, доцент, (отв. секретарь); **Е. В. Галкина** – д-р полит. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **Е. Н. Ежова** – д-р филол. наук, профессор; **А. Г. Кибальник** – д-р юрид. наук, профессор; **И. Н. Ключовская** – д-р юрид. наук, профессор; **М. Е. Колесникова** – д-р ист. наук, профессор; **С. И. Маловичко** – д-р ист. наук, профессор; **О. И. Лепилкина** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Н. Ломтева** – д-р пед. наук, профессор; **Н. Л. Москвитина** – д-р пед. наук, профессор; **И. В. Мухачев** – д-р юрид. наук, профессор; **Э. С. Навасардова** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Серебряков** – д-р филол. наук, профессор; **С. В. Серебрякова** – д-р филол. наук, профессор; **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **В. П. Ходус** – д-р филол. наук, профессор; **Т. А. Шебзухова** – д-р ист. наук, профессор; **О. С. Шибкова** – д-р филол. наук, профессор

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Заплетнюк О. А. Пограничные стелы «Позднего провозглашения» в Ахетатоне.....	7
Иванов В. В. Взаимосвязь искусства и религии у народов Северного Кавказа.....	13
Пикалов Д. В. Зороастризм и храмовая архитектура скифов Северного Кавказа.....	17
Польская С. А. «... как добрый судья ...»: проблема делегирования функции правосудия французской короны.....	23
Скиррипа П. Колдовство в залах суда. Некоторые рефлексии о постколониальной Африке.....	27
Смагина С. М. Российский либерализм начала XX века: теория и практика. Историографические сюжеты.....	36
Стрекалова Е. Н. Черты «советскости» в повседневности интеллигенции Ставрополя начала 1920-х гг.	44
Тимченко В. В. К вопросу об институте <i>zofones</i> и его роли в вооруженных силах городов Северной и Средней Италии XIII–XIV вв.	50
Чернов М. С. Развитие морского и речного судостроительства и судоходства в Австрии во второй половине XIX – начале XX вв.	53

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовая политика республики Северная Осетия-Алания в сфере информатизации.....	60
Сумской Д. А. Новеллы гражданского законодательства о юридических лицах.....	65

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Иванова И. Н., Сазонова А. С. Геопоэтика «новой северной прозы» в современной отечественной литературе.....	70
Иванова И. Н., Сафарова К. Р. Идея счастья в контексте христианства в прозе М. Кучерской.....	74
Кучугурова В. М. Влияние фактора гендерной принадлежности адресата на структуру и языковые особенности делового письма первой половины XIX века (на примере деловой переписки А. С. Пушкина).....	79
Останкович А. В., Пономаренко Е. Н. Поэма «Гибель Атлантиды» Г. В. Голохвастова как поэтический феномен русской цивилизации.....	82
Останкович А. В., Фокина А. Д. Цивилизационные концепты «Русь», «государство» и «правитель» в художественном выражении общероссийской идентичности: сонеты на исторические сюжеты Г. В. Голохвастова.....	87
Черная Т. К., Бервененко Т. В. Аспекты философских поисков эпохи 1830-х годов в концепции романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».....	94
Штайн К. Э., Петренко Д. И. Филология и естественнонаучное знание.....	98

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Галкина Е. В. Исследования гражданского общества в трудах зарубежных мыслителей XVIII–XIX веков.....	106
Иванова С. Ю. Гражданская идентичность и политические ценности молодежи России.....	112

РЕЦЕНЗИИ

Каменева Г. Н. Убушаев В. Б. «Всех калмыков переселить» ... в Сибирь. (О депортации калмыцкого народа в сибирские регионы: 1943– 1957 гг.).....	116
Сведения об авторах	118

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Zapletniuk O. A. The boundary stelae of «later proclamation» in Akhetaten.....	7
Ivanov V. V. The relationship between art and religion among the peoples of the North Caucasus.....	13
Picalov D. V. Zoroastrianism and temple architecture of Scythians of the North Caucasus	17
Polskaya S. A. «... As a good judge ...»: the problem of delegation of judicial powers of the French crown.....	23
Schirripa P. Witchcraft in courtrooms. Some reflection on post-colonial Africa.....	27
Smagina S. M. Russian liberalism of the early 20th century: theory and practice. Historiographic themes.....	36
Strekalova E. N. The features of «sovetskost» in everyday life of intelligentsia in Stavropol region at the beginning of the 1920-s.....	44
Timchenko V. V. On the question about the institute of zofones and its role in the armored troops of the cities of North and Central Italy in XIII–XIV centuries.....	50
Chernov M. S. The development of marine and river shipbuilding and navigation in Austria in the second half of the XIX – early XX centuries.....	53

LEGAL SCIENCES

Koybaev B. G., Zoloeva Z. T. Legal policy of the North Ossetia-Alania Republic in the information sphere.....	
Sumskoy D. A. Novels of civil legislation on legal entities.....	

PHILOLOGICAL SCIENCES

Ivanova I. N., Sazonova A. S. Geopoetics of «new northern prose» in modern native literature.....	70
Ivanova I. N., Safarova K. R. The idea of happiness in the context of christianity in M. Kucherskaya's prose.....	74
Kuchugurova V. M. The influence of a gender identity of an addressee on the structure and language features of the business letter in the first half of the XIX century (the case of business correspondence by A. S. Pushkin).....	79
Ostankovich A. V., Ponomarenko E. N. The poem «Death of Atlantis» by G. V. Golokhvastov as a poetic phenomenon of Russian civilization.....	82
Ostankovich A. V., Fokina A. D. Civilization concepts of «Russia», «state» and «governor» in the artistic expression of Russian national identity: sonnets by G. V. Golokhvastov on historical subjects.....	87
Chernaya T. K., Bervenenko T. V. Some aspects of philosophical searches in the 1830-s in the concept of the novel by m. Yu. Lermontov «a hero of our time».....	94
Stain C. E., Petrenko D. I. Philology and natural-science knowledge.....	98

POLITICAL SCIENCES

Galkina E. V. The studies of civil society in works by foreign thinkers in the XVIII–XIX centuries.....	106
Ivanova S. Y. Civic identity and political values of the youth of Russia.....	112

REVIEW

Kameneva G. N. Ubushaev V. B. «All Kalmyk's people have to be resettled» ... in Siberia. (The deportation of the Kalmyk's people in the Siberian region: 1943– 1957).....	116
Information about the authors	120

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(32):008

О. А. Заплетнюк

ПОГРАНИЧНЫЕ СТЕЛЫ
«ПОЗДНЕГО ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ» В АХЕТАТОНЕ

Статья посвящена общей характеристике, истории создания и архитектурным особенностям пограничных стел, которые окружали древнеегипетский город Ахетатон в период правления фараона Эхнатона (1355–1338 гг. до н. э.). Рассматриваются политические и религиозные предпосылки их уста-

новления. Значительное внимание уделяется изучению отличительных черт, особенностей иконографии и роли пограничных стел в формировании новой государственной идеологии.

Ключевые слова: Египет, Эхнатон, Амарнский период, Ахетатон, пограничные стелы.

O. A. Zapletniuk

THE BOUNDARY STELAE OF «LATER PROCLAMATION»
IN AKHETATEN

The article is devoted to general characteristics, history and architectural features of the boundary stelae that surrounded the ancient Egyptian city Akhetaten in the reign of the pharaoh Akhenaten (1355–1338 BC). We consider the political and religious preconditions

of their mounting. Considerable attention is paid to the study of distinctive features, iconography and the role of the boundary stelae in forming a new state ideology.

Key words: Egypt, Akhenaten, Amarna period, Akhetaten, boundary stelae.

В ходе религиозной реформы египетского фараона XVIII династии Аменхотепа IV (Эхнатона) (1355–1338 гг. до н. э.) [4, р.14] была основана новая столица государства, посвященная культу бога солнечного диска Атона, заменившего целую плеяду египетских богов. Одной из причин такого переворота стало усиление фиванского жречества в идеологическом, политическом и материальном плане. И хотя первые очаги противостояния царской власти и жрецов Амона заметны уже во времена правления Тутмоса IV, радикальные действия были предприняты лишь его внуком Аменхотепом IV. Уже с первых лет правления молодого фараона намечается курс на ослабление фиванского жречества. Аменхотеп IV противопоставляет ему новую идеологию, центром которой должен был стать бог солнечного диска Атон и сам фараон. Период царствования Аменхотепа IV получил назва-

ние *Амарнского периода* в истории древнего Египта.

На втором году правления Аменхотеп IV строит грандиозный храмовый комплекс солнечному богу в Фивах. Однако в древней столице Египта, по мнению американского египтолога Николаса Ривза, молодой фараон столкнулся с жесткой оппозицией, что привело, в конечном счете, к его решению основать новую столицу, построенную вдали от консервативных Фив и полностью посвященную новой идеологии [10, р.111].

На пятом году правления Аменхотеп IV выбрал место для своего города в 400 км к югу от Фив и дал ему название Ахетатон («Горизонт Атона»). В тексте пограничных стел фараон утверждает, что сам Атон указал ему место солнечной столицы, чтобы умиротвориться там [7, р. 21]. Для обозначения границ будущего города Аменхотеп IV приказал установить пограничные стелы (eg. wD, ist).

Эти каменные стелы были высечены в скалах, каждая из них имела прямоугольную форму с закругленной вершиной. Рядом со стелами были высечены также скульптурные композиции фараона Аменхотепа IV, его супруги царицы Нефертити и принцесс. Стелы были покрыты вертикальными и горизонтальными линиями иероглифического текста с изображением царской семьи в поклонении богу Атону в виде солнечного диска. Когда стелы были завершены, они имели яркий белый цвет и наблюдать их можно было издали [4, р. 33]. Сегодня насчитывается *шестнадцать пограничных стел*. Три из них находятся на западном берегу Нила (стелы A, B, F), другие на восточном (стелы J, K, L, M, N, P, Q, R, S, U, V, X и H).

В XIX веке первой была открыта стела A. Она была известна сэру Джону Уилкинсону, писателю, путешественнику и пионеру египтологии. В частности, стела A упоминается в его труде «Топография Фив», которая вышла в Лондоне в 1835 году [12, р. 383]. Также стелу A изобразил в 1827 году шотландский ученый Роберт Хэй (рис. 1). Об этой стеле упоминали в своих трудах такие выдающиеся египтологи, как Карл Лепсиус [5, р.18] и Жорж Даресси, который в 1893 году перевел фрагмент ее текста [2, р. 37]. Стела U, которая находится у Северных гробниц, была открыта в 1840 году египтологом Джорджем Глиддоном.

Впоследствии стелы были изучены археологом Флиндерсом Питри в 1891 году, который назначил каждой из них букву английского алфавита [9, р. 6]. Лично им было открыто шесть из них, остальные нашел Перси Ньюберри в 1893 году [8, р.141–142]. Стела X была добавлена в список Норманом Дэвисом в 1901 году, и H в 2006 году Генри Фенвиком. Норман Дэвис в 1908 году в своей монографии «*The Rock Tombs of El Amarna*» впервые опубликовал тексты и описания всех найденных на то время четырнадцати стел, включая стелы P, V и F, которые сегодня уничтожены [3, р. 27–29]. Также иероглифический текст пограничных стел был издан в 1938 году Майей Сэндмен [11, р. 23–36]. Советский египтолог Юрий Перепелкин в своей монографии «*Перевоорот Амен-хотпа IV*», вышедшей в 1967 году, приводил перевод некоторых отрывков текстов пограничных стел, исследуя изменение титулатуры Эхнатона и членов его

семьи [1, с. 74–75]. В 90-х годах XX века на базе Исследовательского Комитета при Американском Философском обществе был создан проект по исследованию пограничных стел Амарны. Этот проект возглавил египтолог Уильям Мюрнейн, результатом этой экспедиции стала его работа «*The Boundary stelae of Akhenaten*», которая вышла в 1993 году [7].

Все пограничные стелы делятся на две группы, в зависимости от даты их установки. Первыми появились стелы K, X и M, которые датируются пятым годом правления Аменхотепа IV и носят современное название «*Раннего провозглашения*», другие стелы – «*Позднего провозглашения*» – были установлены на шестом и восьмом годах правления.

Основной целью создания первых трех пограничных стел было не только определение границ будущего города на севере и юге, но и официальное утверждение новой идеологии. В текстах стел «Раннего провозглашения» впервые объявляется новое имя фараона – Эхнатон («Угодный Атону») и новая царская титулатура. Смена имени в египетской традиции была революционным шагом, так как имя давалось при рождении, оно защищало своего обладателя даже после смерти. Бог Атон также получает новую титулатуру, подобно царской. В текстах первых стел фараон подчеркивает, что это место указал ему сам бог Атон и принадлежит оно только ему. Он обещает повседневные подношения солнечному богу, а также говорит, что именно в Ахетатоне он построит гробницы себе, царице Нефертити и дочери Меритатон. Эхнатон просит похоронить его в Ахетатоне, а если он умрет в другом городе, то приказывает доставить его тело для погребения в солнечный город. На стелах перечисляются культовые сооружения, которые должны быть возведены в городе в честь Атона. В частности, два храма: «Дом Атона» (ег. *Pr-ltn*) – главный храмовый комплекс в Ахетатоне и «Имение Атона» (ег. *Hwt-ltn*) – малый храм, который располагался на юге от главного царского дворца. Интерес представляют строки 33–34 стелы K, где Эхнатон говорит, что делает подношения Атону собственноручно, а если фараон отсутствует в городе, то ритуалы не проводятся [7, р. 29]. То есть, царь выступает в роли главного жреца, воплощая в себе светскую и духовную власть.

Стелы «Позднего провозглашения» составляют наиболее количественную группу

и насчитывают сегодня тринадцать копий, десять из которых находятся на восточном берегу (стелы *J, N, P, Q, R, S, U, V, H, L*), остальные три на западном (стелы *A, B* и *F*).

Первый исследователь текстов пограничных стел английский египтолог Норман Дэвис определил, что стелы «Позднего провозглашения» состоят из трех частей. Основная часть – официальный декрет шестого года правления Эхнатона, сопровождающийся двумя короткими текстами, добавленными двумя годами позднее: «обновление клятвы», датированной восьмью годом правления и «новая клятва», которая появляется лишь на стелах *A* и *B* на западном берегу Нила [3, р. 22]. Все стелы «Позднего провозглашения» содержат похожие тексты и, как копии, отличаются только надписью и добавлением или пропуском неважных фраз. Текст сегодня полностью восстановлен, благодаря сравнениям с разными фрагментами различных стел, которые сохранились до наших дней.

Все пограничные стелы имеют одинаковую модель и структуру. В высоту они составляют около 6 метров и 2 метра в ширину. Условно структуру каждой из них можно разделить на три регистра: *иконографическая часть, вертикальные колонки и горизонтальные строки* иероглифического текста (рис. 2).

Иконографическая часть стел «Позднего провозглашения» располагается наверху стелы и содержит, как правило, изображение Эхнатона, его жены Нефертити и двух принцесс Меритатон и Макетатон у алтаря классической формы, который наполнен мясом, птицей, овощами, цветами и тарелками с ладаном. Фараон стоит перед лучами бога Атона, изображенного в образе солнечного диска. На стеле *A* и *B* имеется фигура третьей дочери царской четы – Анхесенпаатон, которая была добавлена позже к общей композиции. В скульптурных группах этих двух стел также присутствуют три принцессы [7, р. 70].

Изображение царской семьи на пограничных стелах исполнено в новом революционном стиле, характерном для амарнского периода. На всех стелах фараон Эхнатон изображается в голубой короне *хепреш*, которую иногда называют «военной», потому что фараоны XVIII династии изображались в ней часто на рельефах о военных кампаниях. В Ахетатоне почти на всех изображениях фараон носит именно голубую корону, хотя в

первые годы правления Аменхотеп IV появляется в белой и красной коронах, также носит *кхат* и *немес* на талататах и колоссах из храма Атона в Карнаке. [6, р. 23]. Предпочтение короне *хепреш* Эхнатона, который не принимал участия в военных экспедициях, является дискуссионным среди египтологов.

В отличие от своего мужа, царица Нефертити на стелах «Позднего провозглашения» изображалась в разных головных уборах, составляющих соединение парика и короны. В руках царица и дочери держат египетский музыкальный инструмент *систр*. Систр использовался в ритуальных целях для успокоения божества, что связывалось с мифом о приручении дикого льва дочерью бога Ра – Хатхор. Чаще всего систр на изображениях держат женщины. Это объясняется тем, что по отношению к солнечному божеству, как его пара, или дочь, Хатхор играет значительную роль, которую выполняли женщины царского дома. По другим мифам Хатхор стимулировала родительскую, мужскую зрелость, добавляя также вдохновение и силу для его работы, как создателя всего живого [6, р. 15].

Таким образом, культ Хатхор продолжался и в Амарнский период, однако с некоторыми отличиями. В храме Атона в Карнаке, построенном Эхнатонам в начале правления, на «пилонах Нефертити» мы видим царицу без сопровождения мужа, которая протягивает систр к лучам Атона. Это символизирует, по словам Лиз Манниш, связь царицы с солнечным богом, как дочери и отца через культ богини Хатхор [6, р. 18]. Пограничные стелы выполняли сразу несколько функций, таким образом, выступая, как маркеры границ будущего города, они также служили декретом пропагандистского характера, закрепляя официальное установление в стране нового порядка, при котором значительно усиливается царская власть, которая присвоила себе функции жречества.

Все стелы «Позднего провозглашения» имеют разное количество вертикальных колонок и горизонтальных строк иероглифического текста. Также различается количество иероглифических знаков в строках на каждой из стел. Например, стела *A* содержит 25 горизонтальных строк текста, тогда как стела *Q* – 27 строк, при том, что тексты их почти идентичны. Сопоставление сохранившихся копий указывает на разницу не только в набо-

ре иероглифических знаков, но и в вариациях текстов и слов, которые могут передаваться в пропуске целых фраз, что и приводит к изменению в количестве иероглифических групп в каждой строке.

Каждую пограничную стелу сопровождала группа статуй царской семьи. Даже сегодня, возможно, отметить впечатляющие детали статуй, выполненных в амарнской манере. На остатках статуй возле стелы *N* сохранились фрагменты короны и одежды. Две статуи принцесс изображены почти обнаженными. Они держат друг друга за руку, а Меритатон другой рукой касается своей матери.

Однако почти на всех статуях пограничных стел были сбиты лица. Даже Норман Дэвис отмечает этот факт, хотя при нем статуи были в более хорошем состоянии [3, р. 26]. Фрагменты лица находили в песке возле стел *N* и *Q*. Уничтожение лиц является результатом ненависти к самому царю и его религиозному перевороту.

Стелы и статуи пострадали от естественной эрозии и от руки человека. Норман Дэвис отмечал, что стела *P* была подорвана несколько лет назад коптами, которые считали ее входом в пещеру сокровищ. Также, он писал, что лучше других сохранилась стела *S* [3, р. 27].

Некоторые стелы разрезали на куски и вывозили из страны для продажи. Фрагменты стелы *R*, например, были куплены в 1940 году Лувром в Париже. Впоследствии такая

же участь постигла и стелу *S*, куски которой разошлись по всему миру. А в 2004 году стела *S* вместе со статуями была подорвана взрывчатыми веществами. Ее куски были впоследствии собраны местной инспекцией Высшего совета по древностям с целью восстановления стелы. Стела *F* сегодня почти полностью уничтожена. Только несколько строк ее текста можно прочитать. Стела *J* также в руинах, Норман Дэвис писал о ее плохой сохранности еще в 1908 году. Одной из причин этого является плохое качество камня, из которого она была сделана. Египтологи считают, что стела начала осыпаться еще в древности.

Таким образом, стелы «Позднего провозглашения» являются важным источником для изучения 17-летнего правления фараона Эхнатона. Воздвигнутые вокруг новой столицы Египта Ахетатона на шестом и восьмом годах правления фараона Эхнатона, эти стелы являются также официальным декретом об установлении в стране новой религиозной идеологии, укрепляющей власть царя, надевая его, как сына Атона, полномочиями верховного жреца. Иконографический регистр и скульптурные композиции пограничных стел «Позднего провозглашения» возносят в божественный ранг также всю семью фараона, посредством использования ритуальной атрибутики, и демонстрируя разительно новый стиль изображения, резко контрастирующий с традиционным древнеегипетским стилем.

Литература

1. Перепелкин Ю. Я. Переворот Амен-Хотпа IV. Ч. I. – М.: Наука, 1967.
2. Daressy G. Tombeaux et steles-limites de Hagi-Qandil // Recueil de Travaux relatifs a la philologie et a l'archeologie egyptiennes et assyriennes. – Paris, 1893.
3. Davies N. de G. The Rock Tombs of El-Amarna. – Vol. V. Smaller tombs and boundary stelae. – London, 1908.
4. Kemp B. J. The city of Akhenaten and Nefertiti: Amarna and its people. – London, 2012.
5. Lepsius K. R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. – Berlin, 1849.
6. Manniche L. The cultic significance of the sistrum in the Amarna Period // Egyptian culture and society. Studies in honour of Naguib Kanawati. – London, 2010.
7. Murnane W. J., van Siclen III C. C. The Boundary Stelae of Akhenaten. – London and New York: Kegan Paul International, 1993.
8. Newberry P. Beni Hasan, Part I. – London, 1893.
9. Petrie Flinders W. M. Tell El Amarna. – London, 1894.
10. Reeves N. Akhenaten. Egypt's False Prophet. – London, 2005.
11. Sandman M. Texts from the time of Akhenaten. – Bruxelles, 1938.
12. Wilkinson J. G. Topography of Thebes and General view of Egypt. – London: John Murray, Albemarle st., 1835.

ПРИЛОЖЕНИЕ

рис. 1
Стела А. Рисунок Роберта Хэя
1827 год

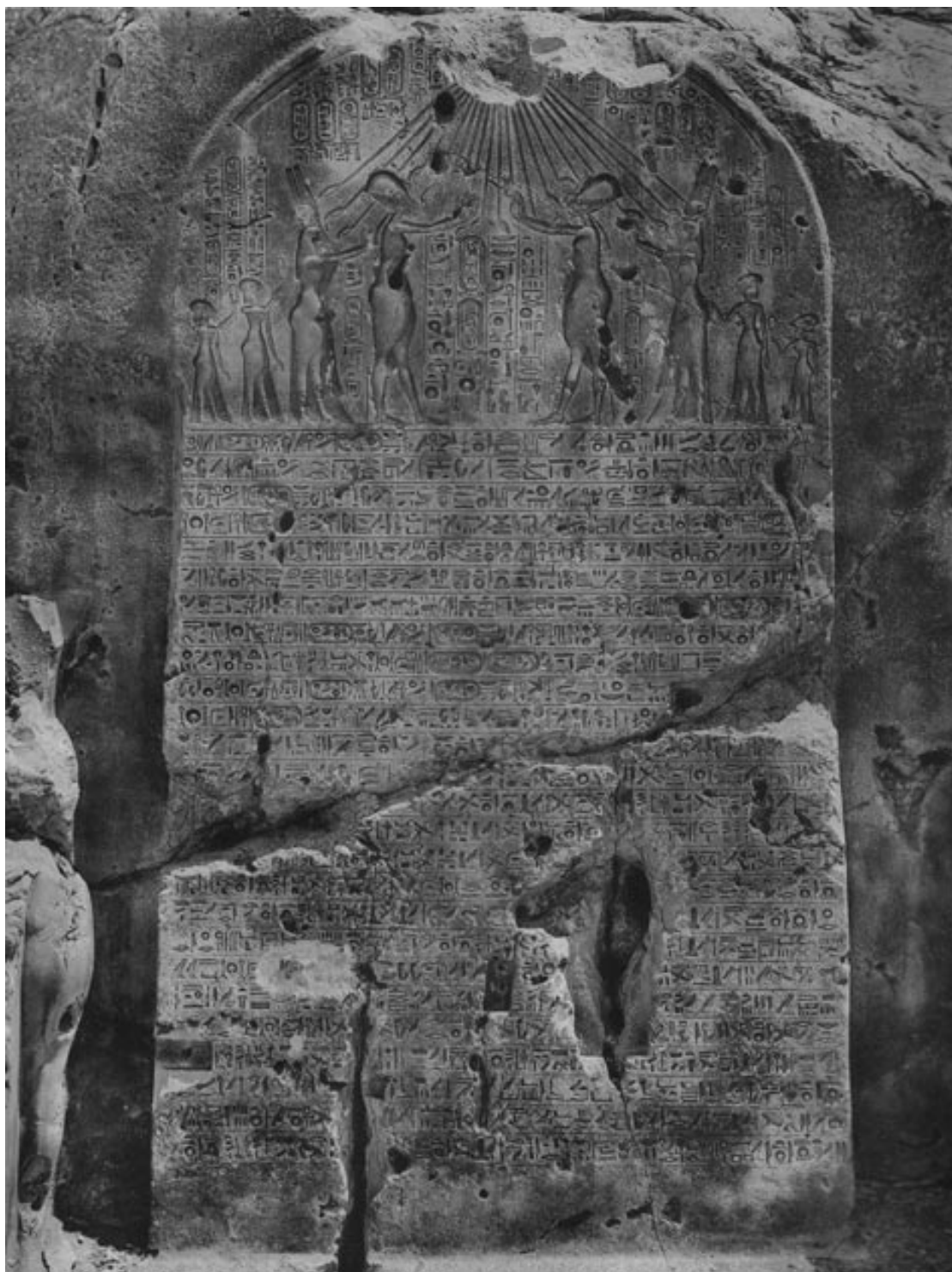

рис. 2
Стела S. Фото Нормана Дэвиса
1908 года

УДК 94(32):008

В. В. Иванов**ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСКУССТВА И РЕЛИГИИ
У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

В статье рассматривается взаимосвязь народного искусства на Северном Кавказе с исламом, его влияние на традиции и культуру региона в исторической ретроспективе. Обосновывается вывод о том, что развитие эстетической культуры любого народа – это

объективный процесс, разворачивающийся под влиянием исторических, политических и религиозных факторов.

Ключевые слова: искусство, религия, ислам, Северный Кавказ, взаимодействие культур, история культуры.

V. V. Ivanov**THE RELATIONSHIP BETWEEN ART AND RELIGION AMONG
THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS**

The article deals with the problem of relationship between folk culture and Islam in the North Caucasus as well as the impact of Islam on the traditions and culture of the region in historic retrospect. The author corroborates a thesis that development of esthetic culture of a people is an

objective process under the influence of historic, political and religious factors.

Key words: art, religion, Islam, North Caucasus, interaction of cultures, the history of culture.

Вопрос о взаимосвязи религии и культуры является весьма сложным и крайне слабо освещенным. Мировая наука рассматривает его апологически, признавая за религией значительную роль в развитии духовной культуры человечества в целом и в истории этнической культуры в частности. В научной литературе распространены термины «культура христианских стран», «мусульманская культура» и другие, являющиеся отражением указанной выше точки зрения.

Исламская религия содержит в себе почитание и уважение красоты. Но в этом религиозном учении принципы нравственности важнее эстетических принципов, хотя связь между ними признается. Приоритет нравственного над эстетическим распространяется на все формы искусства и творчества. К любому виду творчества применимо следующее положение ислама: «Прекрасное в нем – доброе, неприличное в нем – дурное». В ряде строк Корана содержатся утверждения о совершенстве и гармоничности мироздания. Не верны утверждения, что ислам отвергает искусство, в нем отвергается только дурное и аморальное, а прекрасное признается и принимается. Искусство и творчество должны

вызывать в людях возвышенные чувства, совершенствовать человеческую природу. Произведения искусства, пробуждающие в человеке «темные стороны», ислам не принимает.

Показательно взаимоотношение ислама и искусства северокавказских народов. История искусства, как и в целом культуры, народов Северного Кавказа уходит своими корнями в глубокую древность. Для примера возьмем развитие искусства многонационального Дагестана [2, с. 57–65]. Эта стратегическая зона была ареной многочисленных кровопролитных сражений, ею стремились овладеть северные и южные соседи Дагестана. Но это не означало, что в Дагестане смешалось все и вся. Естественно, все эти походы, нашествия и связи повлияли на развитие культуры дагестанских народов, но удивляет то, что, несмотря на все это, малочисленные народы этой горной страны развивались, сохранив свой неповторимый облик, язык и самобытную культуру. Но эти народы развивались не только на своей этнокультурной основе. Контакты с другими народами, взаимовлияние культур, творческое восприятие опыта других народов обогащают внутреннее развитие каждого из этих народов [6]. Из-

древле в Дагестане известны такие сложные приемы обработки металла, как фигурная ковка, волочение, лужение, чеканка, инкрустация, художественное литье. Еще древнее гончарное производство. Здесь наблюдается относительное постоянство художественно-эстетических представлений народа. В основе развития дагестанского искусства с древних времен наблюдаются устойчивые национально-специфические компоненты, которые порождены общностью хозяйственно-бытового уклада и эстетическими потребностями того или иного народа. Искусство, будучи формой общественного сознания, выступает как часть практической деятельности, вызванная к жизни специфически человеческими потребностями – эстетическими. Отсюда, возникновение и развитие искусства – это объективный процесс в жизни любого народа, в том числе и народов Северного Кавказа, независимо от каких бы ни было религиозных верований. Но вопрос в том, каково влияние религии на развитие искусства, каково взаимоотношение искусства и религии в процессе исторического развития?

Процесс взаимодействия искусства и религии сложный и длительный. Он берет свое начало с древнейших времен и приобретает наиболее систематизированную форму на уровне взаимодействия искусства и мировых религий: буддизма, христианства и ислама. Отношение этих религий к искусству, использование его в своих интересах несколько различно. Одна из мировых религий, ислам, как монотеистическая религия возникла в процессе объединения разрозненных мелких племен в большие племенные союзы. А это требовало создания единобожной религии. Процесс становления монотеизма в Аравии шел в борьбе с политеизмом, т. е. необходимо было преодолеть идолопоклонство (каждое племя имело своего идола), избежать его. Это требовало определенных запретов. В исламе, прежде всего, был выдвинут запрет изображать живые существа (человека, животных, птиц, насекомых и т. д.) во избежание идолопоклонства и из опасения отрицания единого бога. И еще, не менее важная причина запрета изображений живых существ мусульманской религией – не допускать человека своим творчеством конкурировать с богом, ибо ислам, как и другие религии, считает, что создание живого существа – дело Аллаха. Человек,

если и изображает живое существо, никогда не может одушевить его и привести в движение. Бог – вот «кто придает вам форму в утробах, как пожелает». Изображать же растения, вещи и геометрические фигуры ислам разрешает. Запрещение ислама изображать живые существа не означало отказ ислама вообще от искусства. В странах распространения ислама гражданские сооружения и культовые здания были украшены богатейшей резьбой, геометрическими и растительными орнаментами. Даже само «священное» писание и богословские книги имеют богатое орнаментальное оформление переплета и многочисленную орнаментовку в тексте, в выполнении которой восточные мастера достигли высокого мастерства. Запрещение ислама изображать живые существа в определенной мере пагубно сказалось на развитии изобразительного искусства в странах мусульманского Востока. Именно следствием этого запрета является то, что мы не имеем представления о том, как выглядели известные поэты, средневековые философы, правители, полководцы. В настоящее время запрета на изображение живых существ практически не существует. Как же относились к этому запрету народы, среди которых насаждался ислам, в частности народы Северного Кавказа?

Как уже выше было отмечено, исламизация Северного Кавказа, начавшись со второй половины VII века, заканчивается в XVIII веке. Она оказывает свое влияние на все историко-культурное развитие северокавказских народов, особенно народов Дагестана. Дагестан включается в орбиту преимущественного влияния мусульманской культуры Востока. Известно, что арабская культура, которая наряду с византийской сыграла значительную роль не только в сохранении античных традиций, но также внесла заметный вклад в общемировую цивилизацию, способствовала формированию своеобразной дагестанской средневековой культуры. Арабская культура – это не только культура арабских народов. Она вобрала в себя достижения цивилизаций Средней Азии, Кавказа, Ирана, Турции и многих других стран. Мусульманская религия способствовала распространению арабской письменности среди этих народов, у которых не было своей письменности. Это в свою очередь давало толчок развитию и распространению научных знаний, знакомству с культурой арабского Востока.

На Северном Кавказе одновременно с процессом исламизации распространяются и специфические формы искусства, присущие культуре мусульманских стран Востока. Запреты ортодоксального ислама изображать живые существа, жесткие рамки религиозных канонов и правил в определенной степени дали толчок развитию народного декоративно-прикладного искусства, поиска народными умельцами разработки самых разнообразных орнаментальных мотивов. Вместе с тем, отступления от норм религиозных канонов и правил в искусстве, особенно в сфере народного декоративно-прикладного искусства, не были исключением, а изобразительные сюжеты и мотивы, в какую бы сложную орнаментальную связь не были облачены и опутаны, явственно проступали и в архитектурном декоре, и в художественном убранстве самых различных произведений народного искусства.

Если христианская религия и буддизм широко использовали изобразительное искусство для пропаганды и утверждения в народе своих идей и учений, то мусульманская религия отказалась от этого. Бог в исламе рассматривается как некая духовная сущность, лишенная реальных, земных качеств, не имеющая человеческих черт, единого, всемогущего, вездесущего, всезнающего, милосердного и т. д. (всего 99 атрибутов) [3, с. 5–6].

Как под влиянием различных орнаментальных композиций развивалось изобразительное творчество, наглядно показывают произведения искусства Северного Кавказа – каменные рельефы, резьба по дереву и разнообразные металлические украшения, относящиеся как к средневековью, так и более позднего периода. Ислам так и не смог осуществить на Северном Кавказе абсолютный запрет на изображение живых существ.

Для выяснения вопроса об отношении ислама к изобразительному искусству ценным и важным источником служат каменные рельефы, украшающие культовые и светские постройки аулов Северного Кавказа, особенно южных районов. Средневековые каменные рельефы с изображениями людей, различных животных, птиц, сцен охоты, состязаний, единоборства, орнаментальных и графических мотивов и т. д., хранятся в крупнейших музеях страны (Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге и др.).

Многочисленные памятники камнерезного искусства и художественного брон-

зового литья с изобразительной тематикой, относящиеся к XIV–XV вв., созданы в мусульманской среде. Поэтому можно полагать, что до XV в. ислам не оказал сколько-нибудь заметного воздействия на развитие изобразительного искусства народов этого региона. Даже на каменном тимпане 1404 г., находящемся когда-то над входом в здание мусульманского учебного заведения – медресе в с. Кубачи Дагестана, имеется профильное, рельефное изображение двух львов (головы их отбиты позднее) наряду с арабской надписью.

Рельефные изображения животных и птиц имеются и на резных деревянных дверях, хранящихся ныне в Дагестанском объединенном историко-архитектурном музее. На восточных двухстворчатых дверях, на их левой створке показаны размешенные крест-накрест, обращенные головами в противоположные стороны, обобщенно трактованные львы с элементами растительного орнамента. На правой створке имеется масштабно более крупное изображение двух орнаментально трактованных львов в геральдической композиции с обращенными к зрителю головами.

Резные деревянные двери калакорейшской мечети, наряду с каменным саркофагом с изображениями животных, птиц и орнаментов, воочию показывают, что ислам не прибегал к изобразительному искусству как средству пропаганды, привития и утверждения в массах своего вероучения и догматических предписаний. Более того, он негативно относился к нему, а то и прямо отвергал его. Тем не менее, на многих произведениях искусства народов Северного Кавказа, как и на произведениях искусства мусульманских стран Востока, на различных памятниках художественной резьбы по камню и дереву, даже на тех, которые непосредственно связаны с культовыми зданиями (мечети, медресе, мавзолеи), на памятниках, связанных с культовыми поклонениями (надмогильные памятники типа описанного выше каменного саркофага из Калакорейша), довольно часто воспроизводили изображения живых существ.

Таким образом, запрещение изображать живые существа, несомненно, связано со становлением ислама как монотеистической религией. Единобожие развивалось в жесточайшей борьбе с идолопоклонством и язычеством. Этот процесс принес огромный вред развитию изобразительного искусства и

эстетическому воспитанию народов, принявших ислам. Мусульманская религия нанесла определенный ущерб национальной культуре народов Северного Кавказа, сдерживая и унифицируя согласно канонам ее самобытные сюжеты.

Нельзя согласиться с утверждениями, которые в категорической форме отмечают, что ислам отрицательно относился вообще к искусству. Несомненно, мусульманская религия тормозила развитие самобытной культуры народов Северного Кавказа, а с другой стороны – она способствовала распространению арабской письменности среди этих народов, у которых не было своей письменности. Это в свою очередь давало толчок развитию и распространению научных знаний, знакомству с культурой арабского Востока.

Вопреки запретам ислама искусство народов Северного Кавказа развивалось. Это объективный процесс в истории любого народа. Мусульманская религия не смогла до конца внедрить эти запреты среди горских народов. Даже на мусульманских культовых зданиях и на памятниках культового искусства, как выше отмечено, встречаются разного рода изображения живых существ. Их исполняли на самых различных изделиях декоративно-прикладного искусства: на металлических изделиях, на керамической посуде, на резном дереве и т. д.

В настоящее время служителями культа делаются усиленные попытки доказать, что изображение живого существа никогда не было полностью запрещено шариатом. Более того, в современных условиях для верующих мусульман настолько обычными стали рисунки живых существ, портреты и т. д., что мусульманские проповедники всячески оправдывают, освящают естественное стремление человека наслаждаться искусством [1, с. 119–121].

Вопреки религиозному запрету в прошлом, значительное развитие получили на Северном Кавказе народная музыка, фольклор, архитектура, а также различные виды декоративно-прикладного искусства, в которых отразились лучшие устремления народа, его светлые думы и чаяния, высокий талант и художественное дарование.

Во второй половине XIX века на Северном Кавказе наметились известные прогрессивные интенсивные перемены в развитии народной архитектуры, зодчества,

формируются крупные очаги строительства и архитектурной резьбы. Хотя многонациональность, особенности образа жизни разных народов и многие другие факторы влияли на общий культурно-исторический процесс, которым и определяется многообразие культуры и исключительное богатство локальных отличий мотивов и форм в искусстве, но в своей основе культура северокавказских народов, особенно дагестанских, в наиболее существенных и определяющих признаках составляет единую художественную систему, культурные особенности отдельных районов не всегда обусловлены этническими различиями. В народной архитектуре, зодчестве эти особенности являются следствием специфики природно-географических зон расселения. Зачастую они обусловлены изначальными художественными традициями, наличием сырья, материалов, способом ведения хозяйства и занятости населения.

Как выше было отмечено, мусульманская религия не оказала какого-либо существенного влияния на развитие народной архитектуры. Но она широко использовала эстетические средства в религиозном культе. В целях эмоционального воздействия на верующего и утверждения своих принципов ислам не отказался от использования эстетических способов и средств пропаганды.

Таким образом, эстетическое отражение действительности у народов Северного Кавказа, как у любого народа, возникает на ранних ступенях их развития. Оно складывалось и развивалось, как и мировоззрение в целом, на основе и в зависимости от уровня материального производства, социально-политических отношений и от географических условий на базе древнего синкретического мышления, мифологического сознания. И структура его соответственно выражалась в конкретных исторических формах. Эстетические представления северокавказских народов в древности не были зафиксированы в памятниках духовной культуры ввиду отсутствия собственной письменности.

Развитие эстетической культуры любого народа – это объективный процесс. Оно развивалась и в период проникновения и укрепления исламской религии на Северном Кавказе. Ислам проникает во все сферы жизни северокавказских народов, вносит свои коррективы в их жизнедеятельность, особенно в

семейно-бытовые отношения, и выполняет в первую очередь свою регулятивную функцию. Эта религия оказывает сильное эмоциональное воздействие на верующих, постепенно формирует у них свой эстетический идеал - веру во всемогущего и всесильного Аллаха, стремление к нему и почитание священной книги мусульман Корана. Под влиянием ислама у северокавказских народов постепенно формируются представления об окружающей

действительности, особое мусульманское мировосприятие. Источником красоты и добра в сознании у них выступает Аллах. При этом в сознании мусульманских народов переплетались нравственные и эстетические категории. Правда, нравственные и эстетические категории проявлялись в сознании северокавказских народов в единстве и до принятия ими исламской религии. Но ислам еще больше укрепил это единство.

Литература

1. Авксентьев А. В. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь: Кн. изд., 1973.
2. Айдемиров Н. Г. Эстетическая культура народов Северного Кавказа. – Ставрополь: ГП «Ставропольская краевая типография», 1999.
3. Ислам. Краткий справочник. – М.: Наука, 1983.
4. Искусство Дагестана (исторический очерк). – М., 1984.
5. Климович Л. Ислам в царской России. – М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1936.
6. Колосовская Т. А. Идеи и проекты военной администрации в контексте интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства (конец XVIII – начало XIX вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2014. – №1.

УДК 908

Д. В. Пикалов

ЗОРОАСТРИЗМ И ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА СКИФОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Уникальный храмовый комплекс скифского времени у хутора Красное Знамя Ставропольского края, построенный по канонам зороастрийской храмовой архитектуры, до сих пор является объектом острой научной дискуссии. С одной стороны, влияние зороастризма на само появление храмового ком-

плекса не вызывает сомнений, с другой – само расположение храма близ места погребения, факт возведения его скифами-кочевниками противоречит зороастрийским канонам.

Ключевые слова: скифы, храмовая архитектура, зороастризм.

D. V. Picalov

ZOROASTRIANISM AND TEMPLE ARCHITECTURE OF SCYTHIANS OF THE NORTH CAUCASUS

The unique temple complex of the Scythian period by the farm of Krasnoe Znamya in Stavropol Krai, which was built in accordance with the canons of Zoroastrian temple architecture, has been an object of heated scientific debate. On the one hand, the influence of Zoroastrianism on the origin of the temple

complex seems undoubted. On the other hand, the location of the temple near a burial place, as well as the fact that it was constructed by Scythian nomads contradicts Zoroastrian canons.

Key words: Scythians, temple architecture, Zoroastrianism.

На сегодняшний день науке практически неизвестны храмовые комплексы скифов,

за исключением культового сооружения у хутора Красное Знамя (Александровский район

Ставропольского края), построенного по всем канонам иранской храмовой архитектуры, и имеющего многочисленные аналогии в ахеменидском Иране. План постройки большого кургана, под насыпью которого располагался храм, так же несет в основе своей формы солярную символику. Большинство найденных в кургане предметов инвентаря связаны с солярным культом и содержат изображения свастики и т. д. Вероятнее всего, храмовый комплекс у хутора Красное Знамя посвящен зороастрийскому Ахурамазде, а не скифской богине огня Табити. Факт отсутствия храмовых комплексов богини огня у скифов подтверждает и Геродот: *«У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения»* [4, с. 253].

Геродот также оставил нам описание храма скифского Ареса. *«Аресу же совершают жертвоприношения следующим образом. В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в три стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка, три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и поэтому приходится ежегодно наваливать сюда по полтораста возов хвороста. На каждом холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса»* [4, с. 254].

Такие детали как применение дерева (хвороста) для его сооружения, четырехугольная форма площадки на вершине жертвенника в сочетании с вертикально укрепленным на вершине мечом, находят многочисленные типологические параллели. В нартском эпосе рассказывается о восхождении Батрадзе, образ которого алановед Ж. Дюмезиль трактует как мифологическую ипостась бога войны, на костер-жертвенник, сооруженный нартами по его приказанию из сотни возов древесного угля, что имеет аналогию с сооружениями в честь скифского Ареса [4, с. 254]. Батрадзе всходит на этот костер, а когда огонь разгорается, мечом отрубает головы и запястья у людей, раздувавших этот костер, что также отсылает нас к «Истории» Геродота: *«...у заколотых жертв отрубает правые руки и бросают их в воздух; затем, после заклания других животных, заканчивают обряд и удаляются»*.

Рука же остается лежать там, где она упала, а труп жертвы лежит отдельно» [4, с. 255].

Четырехугольная форма характерна для древнейших ритуальных сооружений многих индоевропейских народов. Наиболее полно концепция четверичных форм исследована по отношению к древнеиндийскому ритуалу, где она напрямую связана с символизмом мирового дерева. Скифские «алтари» можно сравнить с ритуальными сооружениями народов Сибири, символизировавшими шаманское древо. В основе тех и других сооружений лежала одна общая идея общения с верхним и нижним миром посредством вертикального столба, дерева, мировой оси [8, с. 32–35].

Четырехугольность скифских «алтарей» Ареса находит аналогии в четырехугольных очертаниях Скифии в рассказе Геродота: *«Если принять Скифию за четырехугольник, две стороны которого вытянуты к морю, то линия, идущая внутрь страны, по длине и ширине будет совершенно одинакова с приморской линией»* [4, с. 268].

Концепция соотнесения рассказа Геродота с реальной географией давно подвергнута критике и вполне обоснованно. Представление о четырехугольной стране имеется и в «Авесте». В поэме Фирдоуси «Шахнаме» Иран имеет форму четырехугольника. В основе этих представлений лежит мифологема о том, что равносторонний четырехугольник есть простейшая модель организованного мира. Эта модель находит выражение в общераспространенных представлениях о четырех сторонах света.

Практически у всех народов структура храма воспроизводила структуру мироздания. У вавилонян зиккурат представлял собой уменьшенную модель мира, его ярусы символизировали членение космоса (подземный мир, земля, небеса). Зиккурат являл собой мировую гору, священный символ мироздания у семитских народов (шумерское название храма U-Nir – гора). Христианская базилика, а позднее и собор подхватывают и продолжают эту мифологему. Четыре части внутреннего помещения церкви символизируют четыре стороны света. Внутреннее помещение – это вселенная. Согласно концепции Козьмы Индикоплова, земля – это прямоугольник, ограниченный четырьмя стенами, над которыми возвышается купол.

Аналогичные представления существовали и у индоевропейских народов. В ве-

дической Индии законное вступление во владение землей осуществлялось посредством возведения алтаря в честь Агни. Сам процесс сооружения алтаря Агни являл собой космогонический процесс «сотворение мира». Вода для замешивания глины – это первовода творения; глина, лежащая в основание алтаря, – земля; боковые приделы обозначают атмосферу. Более того, каждый этап постройки жертвенника сопровождается рецитацией объяснительных строф, в которых уточняется, какой космический ярус только что был создан, т. е. алтарь (храм) являлся точной копией мироздания.

Исходя из выше сказанного, можно предположить, что в скифской религиозной традиции, четырехугольные алтари Ареса воспроизводили архетипическую модель самой Скифии (четырёхугольность которой является отражением мифологических представлений), а также символизировали мировое древо. В этой связи интересна и планировка храма у хутора Красное Знамя, в плане это квадрат в квадрате. Внутреннее помещение имело у основания квадратную глинобитную платформу с северной стороны, а с южной большая часть стены его была выдвинута вперед. Между наружным и внутренним помещением имелся узкий обводной коридор. Стены внутреннего помещения были выложены из каменных плит, а внутренняя часть его оказалась засыпана землей. На ней в центре стоял каменный корытообразный жертвенник, на котором разводили огонь. От земли жертвенник отделяли две каменные плиты, положенные одна на другую. Стены наружного помещения были тщательно обмазаны глиной, а с севера и юга имели следы окрашенности красной краской. Но даже если и предположить, что храм посвящен зороастрийскому Ахурамазде, а не какому-то скифскому божеству, то все равно его архитектурная форма не противоречила парадигме скифского храмового зодчества.

Однако утверждение Геродота о том, что скифы строят храмы Аресу из хвороста, относится к IV в. до н.э., а каменный храм у хутора Красное Знамя датируется VII–VI в. до н. э. Конечно, можно предположить, что если бы скифы ранее строили храмы из камня, этот факт должен был быть зафиксирован кем-то из античных авторов. Но до нас дошло лишь одно упоминание каменного храма Ареса в поэме «Аргонавтика» Аполлония Родосского,

но в тексте идет речь не о скифах, а об амазонках [9, с. 361].

Да и данные археологии не позволяют говорить, что скифы строили каменные храмы в VII–VI в. до н.э., так что сооружение у хутора Красное Знамя на сегодняшний день единственный пример скифского каменного храмового зодчества. Да и сами религиозные воззрения скифов за два столетия могли претерпеть некоторые изменения, о чем косвенно свидетельствует сам Геродот, упоминая имя Ареса в конце скифского пантеона [4, с. 253], что возможно, говорит о его более чем скромной и незначительной роли в момент сложения скифской религии. В то же время, среди прочих скифских культов, Геродот особо выделяет культ Ареса, что уже само по себе свидетельствует об особой роли культа бога войны в IV в. до н.э. Именно Аресу скифы сооружали алтари, а жертвоприношения ему отличались особой пышностью и жестокостью.

Первой же ряду скифских богов Геродот упоминает богиню огня – «скифы почитают... прежде всего Гестию» [4, с. 253]. Далее он приводит скифское имя этой богини – Табити. Тот факт, что, по словам Геродота, скифы более всего чтут богиню огня, прямо указывает на центральное место данного культа в религиозной традиции скифских племен. Это подтверждается и анализом археологических источников. О значительной роли огня в религиозных представлениях скифских племен VII–VI вв. до н. э. говорят ритуалы очищения огнем курганов у хутора Красное Знамя на Ставрополье, рядом с одним из которых и обнаружен каменный храм.

В индоевропейской мифологии различаются два вида огня: женский, символизируемый кругом, и мужской, символизируемый прямоугольником, то храм у хутора Красное Знамя, скорее всего, посвящен зороастрийскому Ахура-Мазде, символом которого также является огонь, а не скифской богине. Символом же скифской богини огня Табити в таком случае предположительно являются круглые и овальные жертвенники-алтари, находимые в погребениях жриц. Возможно, что у скифских племен жрицы являлись хранительницами священного огня, как это было у римлян в храмах Весты. Стоит также отметить, что храмы римской Весты, как и ее греческого аналога – Гестии, были круглыми.

И все же больший интерес вызывают причины, побудившие скифов Северного

Кавказа возвести зороастрийский храм близ кургана 1 у хутора Красное Знамя. Учитывая тот факт, что сам храм был засыпан после погребального ритуала, указывает на то, что его не предполагалось больше использовать, а значит, среди скифов иных зороастрийцев, кроме самого погребенного вождя не было. Тот факт, что для погребения вождя скифы используют как собственный традиционный погребальный ритуал, так и зороастрийский, указывает на то, что именно вождь и являлся последователем учения Заратуштры. Однако, зороастризм чужд прозелитизма, и хотя как утверждают исследователи, в ранний период существования учения Заратуштры, его последователи активно проповедовали свое учение, оно так и не стало мировой религией, по целому ряду причин. И в первую очередь потому, что проповедь зороастризма была ограничена ираноязычной ойкуменой. Скифы – ираноязычные племена, и вполне возможно, что проповедники зороастризма действовали и среди них. Но в то же время, иных свидетельств проникновения зороастризма в скифскую среду, кроме храма у хутора Красное Знамя пока не известно. Да и сам этот храм, как уже говорилось нами выше, был создан для единичного погребального ритуала вождя. Логично предположить, что если бы зороастрийские проповедники вели агитацию среди скифов, то сохранились бы и другие материальные свидетельства распространения учения Заратуштры. Учитывая опыт других прозелитических религий, видно, что их проповедники идут в первую очередь не к вождям и правителям, а в народные массы.

Кроме того, социально-экономическое содержание религиозного учения Заратуштры, изначально отвечало потребностям борьбы оседлых скотоводов и землевладельцев с кочевниками, коими как раз и были скифы. Последние, скорее всего, воспринимались зороастрийцами как противники Ахура Мазды и божественного порядка, поэтому, по нашему мнению, проповедники учения Заратуштры игнорировали скифские племена.

Тогда вопрос о принятии скифским вождем учения Заратуштры так и остается открытым. Но мы знаем, что до сегодняшнего дня среди консервативных кругов зороастрийского духовенства сохранилось убеждение, что учение Заратуштры могут принять лишь те, чьи родители зороастрийцы. Вот здесь на

наш взгляд, и скрыт ответ о причинах появления храма огнепоклонников у хутора Красное Знамя на Ставрополье.

В то же время Геродот пишет, что скифы избегают иных религиозных обрядов: *«Скифы, как и другие народы, также упорно избегают чужеземных обычаев, притом они сторонятся не только обычаев прочих народов, но особенно эллинских. Это ясно показала судьба Анахарсиса и потом Скила»* [4, с. 259]. Анахарсис, по рассказу Геродота был убит скифским царем Савлием, за то, что участвовал в греческом празднике в честь Матери Богов: *«навесил на себя маленькие изображения богини и бил в тимпаны»*. Более показательна судьба Скила, сына Ариапифа - царя скифов. Матерью его была не скифянка, а истриянка. Очень важное для нас замечание, прямо указывающее, что скифские цари и вожди брали в жены чужеземок. Став царем скифов, Скил, как пишет Геродот *«...вовсе не любил образа жизни этого народа. В силу полученного им воспитания царь был гораздо более склонен к эллинским обычаям и поступал, например, так: когда царю приходилось вступать с войском в пределы города борисфенитов (эти борисфениты сами себя называют милетянами), он оставлял свиту перед городскими воротами, а сам один входил в город и приказывал запираť городские ворота. Затем Скил снимал свое скифское платье и облачался в эллинскую одежду. В этом наряде царь ходил по рыночной площади без телохранителей и других спутников (ворота же охранялись, чтобы никто из скифов не увидел царя в таком наряде). Царь же не только придерживался эллинских обычаев, но даже совершал жертвоприношения по обрядам эллинов. Месяц или даже больше он оставался в городе, а затем вновь надевал скифскую одежду и покидал город. Такие посещения повторялись неоднократно, и Скил даже построил себе дом в Борисфене и поселил там жену, местную уроженку»* [4, с. 260–261].

Закончилось все это для него печально, как повествует Геродот, царь скифов решил принять посвящение в таинства Диониса Вакха, но про это прознали скифы, провозгласили царем Октамасада и подняли восстание против Скила. *«Октамасада велел тут же отрубить голову Скилу. Так крепко скифы держатся своих обычаев и такой суровой каре они подвергают тех, кто заимствует чужие»* [4, с. 262].

Интересно, что в качестве причины неприятия скифами греческих традиций Геродот пишет: *«Скифы осуждают эллинов за вакхические исступления. Ведь, по их словам, не может существовать божество, которое делает людей безумными»* [4, с. 258]. Однако мы знаем, что религиозные обычаи скифов восходят к шаманистской традиции, с ее обязательным исступлением и трансовым опытом. Платон, Геродот и Пиндар, а также другие древнегреческие авторы упоминают о пришедшем в Афины с севера Абариде Скифе, умевшем, как рассказывали, летать верхом на стреле, подобные представления до сих пор характерны для сибирского шаманизма. Абарид Скиф был настолько опытен в технике поста, что мог почти совсем обходиться без человеческой пищи. Он избегал эпидемий, предсказывал землетрясения, слагал религиозные гимны и учил поклоняться северному богу, которого греки называли «гиперборейским Аполлоном». На север к скифам по приказу бога Аполлона отправился Аристей, некий грек с побережья Мраморного моря; возвратившись, он поведал о своих необычных переживаниях в поэме, которая вполне могла быть создана по модели психических путешествий северных шаманов. Совершил ли Аристей свое путешествие в теле или в духе, не совсем ясно; но в любом случае, как заметил Эрик Доддс в своей работе «Греки и иррациональное», «его одноглазые аримаспы, его грифоны, сторожащие сокровища, являются характерными персонажами центрально-азиатского фольклора» [5, с. 209]. В дальнейшем традиция наделила его шаманскими способностями к трансу, так, душа Аристее, превращаясь в птицу, могла по своей воле оставлять тело [4, с. 240]; когда он умер или вошел в транс дома, его в то же время видели в Кизике; много лет спустя он был замечен вновь – на этот раз в Метапонте.

Кроме того, сам Геродот указывает на факт использования скифами психоактивных веществ для достижения измененных состояний сознания: *«В Скифской земле произрастает конопля – растение, очень похожее на лен, но гораздо толще и крупнее... Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой ба-*

ней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия» [4, с. 259]. Факт использования скифами психоактивных веществ для достижения измененных состояний сознания подтверждается и археологически. В 2014 г. при раскопках кургана «Сенгилеевское-2» в Ставропольском крае, на обнаруженных в погребальной камере золотых сосудах имелся черный налет. Анализ налета показал, что в нем содержатся следы опиума и конопли, что подтверждает слова Геродота.

Понятно, что скифы *«вопят от удовольствия»* по причине интоксикации психоактивными веществами, содержащимися в конопле, о которых Геродот не знал вовсе. Этнография приводит множество свидетельств дошедших до нас архаических техник достижения экстаза, будь то танцы, музыка или ритуалы употребления психостимуляторов и галлюциногенных веществ природного происхождения [6]. Грибные и пейотные культы в Африке, Сибири и Южной Америке, сома (хаома) древних ариев, питури австралийских аборигенов, греческий культ Диониса, учившего виноделию, дзенский чай, пятая чашка которого очищает, а шестая «зовет в область бессмертия», ладан, используемый христианской церковью – все это лишь немногочисленные дошедшие до нас факты использования психоактивных веществ для достижения религиозного экстаза и «потустороннего мира» [10, с. 67]. «Большинство шаманов по всему миру активно употребляет разного рода психоактивные вещества, – пишет антрополог Майкл Рипински-Нексон, – это этнографический факт представляет подлинный аспект шаманизма. Галлюцинаторный опыт, обретаемый во время таких сеансов, является ключевым в их религиозной практике» [3, р. 147].

Но помимо многообразных фармакологических веществ, известный специалист по изучению измененных состояний сознания Арнольд М. Людвиг указывает и такие способы достижения транса, как «снижение остроты сенсорных восприятий, повторяющуюся монотонную стимуляцию организма», «возбужденное эмоциональное состояние, достигаемое с помощью сенсорных перегрузок, которые могут сопровождаться активной физической деятельностью и значительным напряжением сил», «душевные состояния, являющиеся результатом фокусируемой или избирательной концентрации внимания» [1,

р. 225–234]. Как отмечает один из исследователей шаманизма Майкл Рипински-Нексон: «Настоящий шаман обретает свои знания благодаря трансу, видениям и духовному странствию в «иные миры». Все это достигается путем изменения состояния сознания, а отнюдь не с помощью изучения и целенаправленного применения корпуса систематических знаний» [2, р. 69].

Можно с полной уверенностью утверждать, что способность к переживанию измененных состояний сознания является одним из основополагающих свойств человеческой психики, а соответствующая потребность – одной из базовых человеческих потребностей. По меткому выражению М. Элиаде: «Опыт экстаза неотривен от человеческой сути» [11, с. 23].

То есть дело не в том, что скифы сторонились экстатических ритуалов, которые так же присутствовали и в самой скифской религиозной практике, скифы именно избегали участия в чужеземных религиозных ритуалах. Но факт зороастрийского храма огня у хутора Красное Знамя позволяет говорить, что и об исключении из правил. Мы видим, что скифского вождя хоронят по традиционному скифскому ритуалу – погребение в кургане, а не по зороастрийскому. Для зороастрийцев неприемлемы зарывание трупов в землю и трупосожжение, которые признаются большим грехом. Иранская «Видевдата» указывает, что в случае смерти человека, люди должны искать «дахну» – естественный холм или курган, поэтому традиционным способом погребения у сохранившихся общин зороастрийцев Ирана и Индии является выставление трупа на открытом, специально подготовленном месте или в специальном сооружении для утилизации птицами и собаками. Такой обычай объясняется тем, что зороастрийцы не испытывают к трупу никакого почтения. По представлениям зороастрийцев труп – это не человек, а оскверняющая материя, символ временной победы Ахримана

в земном мире. Однако в кургане 1 у хутора Красное Знамя мы видим совсем иное отношение к погребенному, его хоронят в земле, со всеми почестями, предположительно богатым инвентарем (погребение разграблено), с антропоморфным каменным изваянием, что противоречит учению Заратуштры. Но дополнительно, к скифскому погребальному ритуалу добавляются еще и элементы зороастрийского культа, причем не погребального. Так как в зороастризме место захоронения считается «считается одним из несчастливших мест на земле», и никаких храмов там не возводятся [7, с. 102].

Диодор Сицилийский отмечает, что священный огонь персы гасили при похоронах царей. Александр Македонский приказал сделать подобное во время похорон Гепестииона. Вполне возможно, что подобный же ритуал мог происходить и в храме огня у хутора Красное Знамя, когда священный огонь был погашен после похорон скифского царя, а сам храм огня засыпан землей вместе с курганом.

Согласно устоявшимся научным представлениям скифы в VII в. до н. э. возвращаются на Северный Кавказ после ряда успешных походов в Переднюю Азию, где собственно и мог состояться их контакт с зороастризмом. Однако, на наш взгляд, учение Заратуштры, не оказало серьезного воздействия на скифские племена. Факт единичного памятника, а именно храма у хутора Красное Знамя, возведенного исключительно для погребальных церемоний вождя, как раз об этом и говорит. Кроме того, мы можем предположить, что сам факт создания подобного сооружения говорит не о проповеднической деятельности последователей Заратуштры в скифской среде, а скорее о династическом браке знатного скифа с зороастрийкой, во время походов в Переднюю Азию. Мы не можем это утверждать со стопроцентной уверенностью, однако других логических причин появления зороастрийского храма на Ставрополье пока нет.

Литература

1. Arnold M. Ludwig. *Altered States of Consciousness* // *Archives of General Psychiatry*. – 1966. – Vol.15 (3).
2. Ripinsky-Naxon M., *The Nature of Shamanism: Substance and Punction of a Religious Metaphor*. – State University of New York Press, 1993.
3. Ripinsky-Naxon M. «Shamanistic Knowledge and Cosmology» in Helmut Watishcher, *Tribal Epistemologies: Essays in the Philosophy of Anthology*, Ashgate Publishing. – Aldershot, 1998.
4. Геродот. *История*. – М.: АСТ, 1999.
5. Доддс Э. Р. *Греки и иррациональное*. – СПб.: Алетейя, 2000.

6. Маккенна Т. Пища богов. – М.: ТПИ, 1995.
7. Мейтарчийн М. Б. Погребальный обряд зороастрийцев. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2001.
8. Пикалов Д. В. Храмовая архитектура и мифогеография скифов. // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии. Материалы межрегиональной научной конференции «VI Минаевские чтения». – Ставрополь: СГУ, 2003.
9. Прокопенко Ю. А. Связи населения Центрального Предкавказья (вторая половина I тыс. до н. э.). В кн.: Lap Lambert Academic Publishing, 2011.
10. Сафронов А. Г. Религиозные психопрактики в истории культуры. – Харьков: ХГАК, 2004.
11. Элиаде М. История веры и религиозных идей. – М.: Кретеион, 2008.

УДК 940.1: 34.037

С. А. Польская

«... КАК ДОБРЫЙ СУДЬЯ ...»: ПРОБЛЕМА ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ФУНКЦИИ ПРАВОСУДИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ КОРОНЫ

Статья посвящена анализу процесса делегирования судебных полномочий, в частности, права королевского помилования, французской короной на протяжении XIII–XV вв. Основой выступает содержание общей христианской концепции правосудия и правовой доктрины королевских судебных прерогатив.

Ключевые слова: Королевское правосудие, право королевского помилования (*le droot de grvce royal*), грамоты о помиловании (*les lettres de rémission*) королевская юрисдикция (*les cas royaux*), Парижский Парламент, судебная корпорация.

S. A. Polskaya

«... AS A GOOD JUDGE ...»: THE PROBLEM OF DELEGATION OF JUDICIAL POWERS OF THE FRENCH CROWN

The article analyzes the process of delegation of judicial powers, in particular the right of Royal pardons, of the French crown during the XIII–XV centuries. The basis is the content of the Christian's concept of justice and legal doctrine of royal judicial prerogatives.

Key words: The king's justice, the king's pardon (*le droot royal de grvce*), certificates of pardon (*les lettres de rémission*) royal jurisdiction (*les cas royaux*), the Paris Parliament, judicial corporation.

Судебные полномочия в средневековой Европе достаточно долгий период оставались практически единственным средством отправления высшей политической власти. Что касается Франции, то с эпохи Людовика IX они становятся главной опорой, поддерживающей монархию и связывающей ее и с сакральной, и с публично-правовой функцией власти. Эта практика развивается начиная от предписаний «*Establisements*» с их гарантией мира (*l'asseûrement*) [26, p.147] до орлонанса Людовика XI, утверждающего, что «управление и охрана общественного блага нашего Ко-

ролевства [...] главным образом заключается в правосудии...», понимаемом как часть «ремесла короля» (*«métier de roi»*) [20, p.62].

Своей целью королевское правосудие полагало сохранение справедливого порядка, во многом опираясь и на августиновскую концепцию, представляющую его как опору общества и монарха как гаранта социального спокойствия. В противном случае, согласно св. Августину: «... при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки ...» [1, с.160]. Эта идея станет основой для обоснования непреложной спра-

ведливости суда короля на фундаменте единой правовой нормы, публично исходящей от фигуры будущего суверена. Таков образ христианского монарха, как в подражание Августину, подчеркивает ордонанс Карла VII о судебной реформе 1454 г.: «Полагая, что королевство не сможет долго просуществовать без доброго справедливого порядка, лишенное всякой опоры [...] желаем править нашими подданными как добрый судья ...» [7, р. 285].

Этот постулат варьировался от карающего и попирающего до милосердного и прощающего. Но в любом случае основополагающим становится принцип: «Всякое правосудие исходит от короля». Особое место в его системе занимало право королевского помилования (*le droit de grâce royal*).

Для его собственно правового обоснования требовалась сугубо юридическая теория, имеющая своей опорой не только ветхо- и новозаветную традиции, патристику и античные (римские) начала. В итоге сложившихся в единую систему параметров сформировалось право королевского помилования, получившее во Франции свое документальное выражение в специальной форме грамот – *les lettres de rémission*.

Достаточно рано формируется вопрос о перечне лиц, имеющих доступ к *le droit de grâce royal*. При этом корона заявляет о собственных прерогативах: так, уже Филипп IV в 1308 г. предпринимает попытку монополизировать право помилования как регальное право короля: «Это подвластно только ему (королю – С. П.), и всякий подлежит испытанию и одобрению всех милостей, прошений и помилований для любых покорных ему людей, даже в случае преступления или злоупотреблений...» [18, р. 100–101]. Вторая дефиниция последовала в ордонансе дофина Карла 1358 г., вызванном его попыткой в условиях вынужденного регентства монополизировать право помилования. Однако получившая отказ Генеральных Штатов, она будет повторяться и оттачиваться в формулировках в серии ордонансов 1356, 1357, 1358 и 1359 гг., уточнявших перечень лиц, вовлеченных в королевское правосудие под присягой: «Канцлер, мэтр прошений и прочие офисье... должны направлять просителя помилования Его Величества в Большой Совет» [22, р. 819]; «Король никому не предоставляет помилование за совершенное преступление без обсуждения на Большом Совете и постановления, подписан-

ного тремя его членами» [23, р. 14–15]. Судьи, как делегированные королем субъекты, даже не упоминаются. А преемник Карла V, Карл VI, возможно, находясь под влиянием мармузетов [I], в специальном постановлении Парижскому Парламенту предписывает: «Никакой судья не должен узнавать о помиловании иначе как от короля. Членам Счетной Палаты запрещается утверждать грамоты о помиловании» [11, р. 17]. Означает ли это возможность для судей на местах осуществлять *le droit de grâce royal*?

Следует помнить, что грамота о помиловании представляла собой акт, отправления правосудия короля, независимо от решения местного суда, т. е. поддерживал собственную юрисдикцию, придавая ей высший характер.

Она формировалась на вариативности: от строгости к милосердию, играя на конъюнктуре которых монарх получал право распоряжаться жизнью и смертью подданных, виновных [6, р. 495–510] в преступлении. При этом статус виновности, установленной судом, оставался обязательным для осуществления *le droit de grâce royal*, чтобы не допустить его трансформации в произвол и нарушение королем же установленного закона. Поэтому только признание подсудимыми своей вины и раскаяние в ней в ходатайстве о королевском помиловании влекло за собой возможность получения соответствующей грамоты.

Примером служат события в Руане в июне 1364 г., когда въехавший в город Карл V помиловал несколько десятков человек, но одновременно распорядился четвертовать захваченного в сражении при Кошереле наваррца Пьера де Сакенвилля [17, р. 123]. А в 1382 г. в ходе аналогичного коронационного въезда уже Карл VI произвольно решил судьбу 12-ти участников восстания «Гарель» [II], одну половину из них помиловав, а вторую осудив на смерть [10, р. 236–248; 13, р. 53–61]. Можно предположить, что равное число означает справедливый и беспристрастный выбор короля, однако он не распространился на другие прецеденты (например, в случае с парижскими Майотенами [III] санкции отличались особенной жестокостью, а о помиловании даже не упоминалось [8, р. 297–302]).

Одновременно теоретические изыскания юристов XIV–XV вв. ратовали за строгое соблюдение правил *le droit de grâce royal*. Сам институт прощения не оспаривается правовой мыслью эпохи: опасение вызывает

другое – степень взвешенности, аргументированности королевского решения при предоставлении указов о помиловании и преодоления с их помощью произвола судей на местах [16, р. 283–310].

Дело в том, что делегированная королем судебная власть была действительно не свободна от ошибок и намеренного попиранья закона. Из чего следовало, что «Судьи сомнительны и поэтому всегда должны быть более склонны к отпущению грехов, которые они осуждают, исходя из того правила, что следует дважды покарать виновных и не наказывать невинного человека, а если судьи имеют большую склонность к смирению и состраданию, то их следует закалять строгостью. Поскольку справедливость без милосердия жестока, а милосердие без справедливости трусливо» [18, р. 650]. Признавалось, что судьи – это часть королевской корпорации подотчетной монарху («*pars corporis régis*»). Но они имеют человеческую природу и потому могут неизбежно ошибаться при выслушивании сторон в ходе процесса и, как следствие – вынесении приговора. А это уже ставит под сомнение авторитет королевского правосудия и самого монарха. Поэтому действия судей могут быть оспорены, сами же они – подвергнуты наказанию, особенно в случае осуждения невинного [14, р.15; 4]. В итоге сформировался специальный покаянный ритуал, применяемый, например, к судье, отправившем на виселицу невинного: «он должен был просить прощения у повешенного, возможно, даже целуя его в губы, а затем, одетый, как кающийся грешник, отнести тело казненного и похоронить в освященной земле ...» [14, р.15]. Заметим, что все эти случаи квалифицированы как с духовной стороны, и деликт судьи определен как святотатство, но и с собственно правовой. Как восклицал канцлер Парижского университета, теолог Жан Жерсон: «Содеянное ими, разве это не убийство?» [15, р. 612].

В этом случае король выступает посредником между судом и обвиняемым, он – гарант высшего правосудия, которое понимается в признании греховности собственной природы и потому – в полном прощении виновного, согласно библейскому: «Припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтобы оправдаться. Я, Я сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого, и грехов твоих не помяну» [3].

Не случайно монарх зачастую сопровождал указы о помиловании полной отменой уже наложенной судебной санкции осужденного или виновности подозреваемого. При этом право королевского помилования даже в случаях с заслуженно осужденными не ставит под сомнение полномочия суда. Нет, оно трактуется выше их, ведь «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут», «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» [2]. Одновременно, в сугубо практическом духе, посредством *les lettres de rémission* можно исправлять недостатки системы правосудия, прежде всего, уголовного.

Последнее же оказалось вынуждено дифференцировать прецеденты на, требующие вмешательства короля, и на те, которые не могут подлежать его помилованию. Так появились деликты, подлежащие только королевскому суду (*les cas royaux*). Среди них: нарушение гарантии мира (*l'asseïurement*), безопасности (*la sauvegarde*), изготовление фальшивых денег, разбой на дорогах, похищение и изнасилование, ношение оружия, измены, колдовство и богохульство; позже – оскорбление величества (*la lèse-majesté*). Критерием отбора именно этого перечня, на наш взгляд, выступало явное нарушение порядка, идущее в разрез с честью короля (*l'honneur du roi*), поскольку оно попирало общественные основы, гарантом которых выступал именно монарх.

В этих случаях разбирательство повторялось в королевском суде, что сразу вызывает вопрос: ставила ли эта реприза под удар деятельность поместных светских или церковных судов; вызывала ли она нарушения королем же утвержденного закона? Сложная практика правосудия приводила к тому, что члены Парижского Парламента нередко находили возможность отказывать королю в его милосердии, что становилось причиной целого ряда конфликтов [12, р. 83–593; 5]. Легисты советовали государю не уступать право помилования, но и не применять его слишком часто, чтобы не приобрести репутацию тирана и попираателя права в глазах собственных чиновников. Так, советник Карла V Филипп де Мезьер рассуждал в своем «Сновидении старого паломника», что королева Истина, которой служит монарх, велит ему выслушивать жалобы, но не вести себя, как тиран, а оказывать милосердие, перепоручая его ко-

ролевским офисье, дабы не отдалять правосудие от призванных служить ему должностных лиц [21, р. 320–325].

Но достичь предписываемой гармонии на практике оказалось гораздо сложнее, поскольку право королевского помилования, учрежденное королевской же властью, с точки зрения монархии, было предназначено для подтверждения полномочий и репутации короны. И в этом позиция высшей политической власти расходилась с точкой зрения судебной страты, ратующей за соблюдение правовых норм. Именно поэтому обе стороны выработали своего рода компромисс, когда поступившая грамота о помиловании должна была быть принята местным судом, который прове-

рял ее содержание, затем доводил его до сведения потерпевшей стороны и обеспечивал мировое соглашение ответчика и истца. Согласие потерпевшей стороны выступало общим условием для осуществления королевского помилования. Изначально предоставление официального прощения от потерпевшего или его представителей являлись необходимым пунктом, но начиная с правления Филиппа VI, король требует только соглашения сторон. Теперь прощение от истца больше не является постулирующей нормой для предоставления *le grâce royal*, оно (при наличии) только подтверждает его эффективность и ничуть его не умаляет (при отсутствии) [25, р. 350].

Примечания

- I. Мармузеты (от фр. «*les marmousets*» – мальчуганы, ирон. – коротышки, ничтожества) – презрительное прозвище бывших советников Карла V, ратующих за продолжение его реформ в правление Карла VI и приближенных последним к управлению страной в 1389 г.
- II. Восстание «Гарель» 1382 г. было поднято горожанами против увеличения налогов в условиях Столетней войны.
- III. Восстание Майотенов 1382 г. аналогично восстанию «Гарель».

Литература

1. Августин Блаженный. О граде Божием. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000.
2. Ев. Матф. 5:6-7,9.
3. Ис. 43:25-26.
4. Тогоева О. И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. – М.: Наука, 2006.
5. Щатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. – М.: Наука, 2012.
6. Charbonnier P. Culpabilité et criminalité dans les lettres de rémission de la seconde moitié du XVe siècle // La culpabilité / Éd. J. Hoareau-Dodinau, P. Texier. – Limoges, 2001.
7. Charles VII, aux Montils-lès-Tours en Avril 1454 après Pâques. Lettres de Charles VII, pour la réformation de la justice // Ordonnances des rois de France de la troisième race / Éd. D.-Fr. Secousse: 22 vol. – Vol. XIV. Contenant les ordonnances depuis la vingt-cinquième année du règne de Charles VII, jusqu'à sa mort en 1461 / Éd. Bréquigny L.G. de. – Paris, 1790.
8. Cheyette F. La justice et le pouvoir royal à la fin du Moyen Âge français // Revue historique de droit français et étranger. – 1962. – № 40.
9. Chronique des quatre premiers Valois / Éd. C. Luce. – Paris, 1862. Chronique du religieux de Saint-Denis / Éd., trad. L.F. Bellaguet: 6 vol. – Vol.1. – Paris, 1839.
10. Constitution portant que le parlement et autres juges, n'obtiennent pas aux ordres verbeaux du Roi, sur l'élargissement des prisonniers en matière civile et criminelle. Paris, avril 1403 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. A. G-L. Jourdan, Decrusy, F. A. Isambert: 29 vol. – Paris, 1821–1833.
11. Gauvard C. Les officiers royaux et l'opinion publique en France à la fin du Moyen Âge // Histoire comparée de l'administration (IVe–XVIIIe siècles) / Sous la dir. de W. Paravicini, K. F. Werner. – München, 1980.
12. Gauvard C. Les révoltes du règne de Charles VI: tentative pour expliquer un échec // Révolte et société, actes du IV colloque d'Histoire au présent (mai 1988): 2 vol. – Vol.1. – Paris, 1989.
13. Gauvard C. Pendre et dépendre à la fin du Moyen Âge: les exigences d'un rituel judiciaire // Histoire de la justice. – 1991. – № 4.
14. Gerson J. Diligite iusticiam // Gerson J. Œuvres complètes / Éd. M. Glorieux. – T. 7. – Paris, 1968.
15. Giordanenco G. Le pouvoir législatif du roi de France (XIe–XIIe siècles), travaux récents et hypothèses de recherche // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. – 1989. – Vol. 147. – № 147. P. 283–310.

16. Histoire de Charles V / Éd. R. Delachenal: 5 vol. – Vol. 3. – Paris, 1911.
17. Le grand coutumier de France / Éd. E. Laboulaye, R. Dareste. – Paris, 1868.
18. Lettres par lesquelles le Roi donne pouvoir au Bouteillier de France, d'accorder des lettres de rémission et de pardon, même pour crime de lèse-majesté, sauf confirmation par le Roi. Melun. 29 août 1366 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. A.G-L. Jourdan, Decrusy, F. A. Isambert: 29 vol. – Paris, 1821–1833. – T. V.
19. Louis XI, a Paris, Septembre 1463 (6). Lettres de garde pour Saint-Framboust de Senlis // Ordonnances des rois de France de la troisième race / Éd. D.-Fr. Secousse: 22 vol. – Vol.XVI. Contenant les ordonnances rendues depuis le mois de juin 1463 jusqu'au mois de juin 1467 / Éd. E. Pastoret. – Paris, 1814.
20. Mézières Ph. de. Songe du viel pèlerin / Ed. by G. W. Coopland: 2 vol. – Vol.2. – Cambridge, 1969.
21. Ordonnance du lieutenant général, rendue en conséquence des demandes des États généraux. 3 mars 1356 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. A. G-L. Jourdan, Decrusy, F. A. Isambert: 29 vol. – Paris, 1821–1833. – T. IV. – Paris, 1824.
22. Ordonnance en conséquence des États-généraux de Compiègne. Compiègne, 14 mai 1358 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. A. G-L. Jourdan, Decrusy, F. A. Isambert: 29 vol. – Paris, 1821–1833. – T. V. 1357–1380. – Paris, 1824.
23. Perrot E. Les cas royaux. Origine et développement de la théorie aux XIIIe et XIVe siècles. – Paris, 1910.
24. Texier P. Rémission et évolutions institutionnelles // Le pardon / Éd. J. Hoareau-Dodinau, X. Rousseau, P. Texier. – Limoges, 1999.
25. The «Etablissements de Saint Louis»: thirteenth-century law texts from Tours, Orleans, and Paris / Trans., ed. F.R.P. Akehurst. – Philadelphia, 1996.

УДК 94(671.1):2-545

П. Скиррипа

КОЛДОВСТВО В ЗАЛАХ СУДА. НЕКОТОРЫЕ РЕФЛЕКСИИ О ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ АФРИКЕ¹

Колдовство и оккультные практики составляют в настоящее время значительную часть социальных взаимодействий, а также экономических и политических процессов в современной Африке. Теоретической основой статьи выступают идеи современных этнологов и антропологов, рассматривающих магию и колдовство как социальные системы, регулирующие напряженность и поддерживающие равновесие в постколониальных обществах африканских стран. Исходной точкой является тезис о множественности моделей модернизаций в современных обществах, что предопределяет представление о колдовстве и магии как неотъемлемой части отдельных модернизаций. Колдовство, таким образом, проявляется не столько как пережиток прошлого, сколько как изменчивая парадигма, содержание которой

может варьироваться и обретать другие конфигурации, оставаясь действенным началом в постколониальном социуме. В статье приводятся аргументы в виде судебных казусов и политических феноменов в современных африканских государствах, доказывающих действенность колдовства, как элемента продуцирования дискурсов в оппозиционной прессе, а также в изустно передающихся слухах и сплетнях, как своего рода оружия в социально политическом противостоянии официальной власти и общества.

Ключевые слова: постколониальная Африка, феномен колдовства, антиколдовские культы, множественность модернизаций, судебные практики, альтернативные источники власти.

P. Schirripa

WITCHCRAFT IN COURTROOMS. SOME REFLECTION ON POST-COLONIAL AFRICA

Today witchcraft and occult practices are a significant part of social interactions, economic and political processes in Africa. The theoretical basis of the given article is ideas of modern ethnologists and anthropologists who consider magic and witchcraft as a social system regulating tension and maintaining balance in post-colonial African societies. The starting point is the thesis about multiplicity of modernization models in contemporary societies, which allows to determine witchcraft and magic as an integral part of some modernizations. Thus witchcraft appears not merely as a relic of the past, but mostly as a volatile paradigm, the content of

which may vary and take on other configurations while remaining effective force in the post-colonial society. In the article some judicial cases and political phenomena of modern African states are used as arguments in order to prove the efficacy of witchcraft as part of discourse production in opposition press and in oral rumors and gossip and as a kind of weapon in social and political confrontation between official authorities and society.

Key words: post-colonial Africa, the phenomenon of witchcraft, anti-witchcraft cults, multiplicity of modernizations, litigation, alternative sources of power.

процессов по обвинению в колдовстве, некоторые социальные и культурные динамики, которые характерны для постколониальной Аф-

1. Антропология колдовства

В этой статье я хотел бы проанализировать в особой перспективе, через посредство

¹Перевод осуществлен по изданию статьи: Schirripa P. La stregoneria nelle aule di giustizia. Alcune riflessioni sull' Africa postcoloniale // Diritto e Religioni. I. 2008. P. 13–24.

рики. Избранный мной ракурс исследования может показаться слишком периферийным, поскольку тема колдовства обычно указывает на архаичные сценарии, находящиеся в процессе исчезновения под воздействием современной модернизации. Поэтому возникает вопрос о том, насколько аргументы, кажущиеся рудиментарными, могут стать инструментом для понимания актуальных социальных динамик.

На самом деле колдовство, несмотря на тех многих, которые думали, что оно – пустой феномен на стадии угасания, вызванного современными городскими обществами и технологиями, – кажется наполняющимся сегодня обновленной силой. Она не столько в анализах антропологических и других социальных исследований, сколько в практиках и, прежде всего нарративах, которые ежедневно конструируются в главных африканских городах. Наконец, многие антропологи, и не только они, известили, как в последние 10–15 лет возросло число преступлений, связанных с подозрениями в колдовстве, и мы увидим, как оно входит в залы суда¹.

Колдовство вместе с тем составляет значительную часть социальных взаимодействий и процессов в современной Африке, а также привлекает внимание таких исследователей, как например, Серж Латуш, который, отражая казус Камеруна, вынужден был отметить, что невозможно сегодня говорить об экономике без обращения к колдовству [15].

Стремясь лучше обосновать свое исследование, я хотел бы сначала предложить краткое введение в тему колдовства, рассмотрев, как ее изучают ведущие антропологи, чтобы потом базироваться на наиболее современных методах анализа. Далее я затрону казус Камеруна, приступив к специфике отношений между колдовством и залами суда.

Еще до выхода труда «Колдовство, орakулы и магия у Азанде (Занде)» (*Stregoneria, oracoli e magia tra gli Azande*) Э. Э. Эванса-Притчарда [7], но, разумеется, в еще большей степени после публикации этого текста колдовство оказалось часто представленным на видном месте в рефлексиях антропологов-африканистов. Оно стало одним из наиболее оптимальных ракурсов для того, чтобы понимать и исследовать социальные и культурные динамики африканских обществ.

¹ Объем литературы по этой теме в настоящее время очень велик, для краткости сошлюсь на Moore H. L., Sanders T. 2001.

Текст Эванса-Притчарда определенно явился осуждением примитивных толкований, которые усматривали в колдовстве совокупность суеверных практик или же зеркало дологического менталитета; он ввел в сообщество антропологов, и не только их, более комплексный уровень рефлексии, учитывающий недостаток рациональности этих практик, но также их природную систему и ту социальную логику, которая ими управляла. «Разрывая с предыдущими этнографическими соглашениями, конвенциями, согласно которым магические и мистические идеи представлялись как некий каталог несвязанных иррациональных верований, он выявил, что они не были гетерогенным множеством несходных сведений, но скорее систематическим комплексом идей о социальной причинности несчастья» [18, р. 41].

Короче говоря, Эванс Притчард показывает, исходя из своего этнографического казуса, что колдовство является связной системой идей, базирующейся на причинности того, что происходит; системой, которая, помимо всего, оправдывает себя и сопротивляется эмпирическим попыткам, могущим поместить ее в цепь причин и следствий. В целом, на языке К. Р. Поппера, колдовство согласно Эвансу-Притчарду является «замкнутой системой», конечная цель которой состоит в том, чтобы истолковать негативные события и прежде всего смерти, которые невозможно объяснить по-другому. В этом случае оно заявляет о себе как комплекс идей и практик, которые позволяют обосновать объяснение, социально приемлемое и разделяемое [другими], негативных явлений.

Последовательно рассеянные этнографические отчеты первой половины XX в., которые главным образом концентрировались вокруг образа жизни традиционных поселений, содержа попытки реконструировать туземные общества – насколько они являлись социальными системами, – какими они пребывали еще «прежде» установления западного господства, помещали их в кадр вневременной, сильно оспариваемый в последние десятилетия [8], – в котором динамики изменений, связанных с колонизацией, были отброшены за пределы исследований. В таком познавательном горизонте практики колдовства понимались прежде всего, как механизм, регулирующий социальную напряженность для поддержания равновесия в обществе:

«Обвинения в колдовстве, социальное напряжение, распад преемственности между поколениями почти литературно творили историю. Во всяком случае, сфокусированность на нормативных и моральных аспектах, – рассматриваемых как механизмы поддержания стабильности общества, – имела результатом выраженность саморегуляций: колдовство, как значение давления, средства разрешения напряжения занимало такое место, которое невозможно заменить» [16, р. 8].

Это являлось также той парадигмой, в русле которой велись исследования Винниджи Гроттанелли о колдовстве у нзема [13; 14].

Когда главный интерес ученых сместился от механизмов сохранения сплоченности и социального равновесия к исследованию динамики изменений, способ, посредством которого к нам приходило понимание колдовских практик, а также антиколдовских культов, радикально изменился. Это сопровождалось и было отчасти спровоцировано констатацией того факта, что социальные и экономические изменения в состоянии африканских колоний не несли в себе ни малейшего следа «доверия» в отношении колдовства. Однако, напротив, в различных ситуациях оно оказывалось более чем живучим и экспансивным, как например, в некоторой части Ганы, которая оказалась бурно втянутой в экономическое и социальное развитие, происходящее вследствие введения интенсивного культивирования какао и притока рабочих, мигрирующих из бедных районов страны [9; 10]. Идеологический горизонт и практики, относящиеся к колдовству, не могли, тем не менее, быть изгнаны из жизни поселений, но рассматривались как остаточные, прадедовские явления, предназначенные к вырождению. Такие ученые, как Маргарет Филд, Одри Ричардс [21] и другие, осознавали прочную связь между распространением комплексов идей и практик, относящихся к колдовству, и новыми социальными порядками, вызванными модернизацией. Устойчивость и распространение таких идей и практик рассматривалось как результат трудностей модернизации, как ответ, которым туземный мир реагировал на наступление нового социального строя, которое неотвратимо вызывало в нем кризис. Если колдовство оказывалось устойчивым в новом социальном контексте, то не потому ли, что оно позволяло отвечать на ненадежность условий им вырабатываемую, и в еще

более общем смысле оно являлось симптомом беспорядка и нестабильности, производимыми быстрым изменением социального равновесия и власти.

В 90-е гг. интерес антропологов к колдовству возобновился [5; 6; 12]. Очень часто стали проводиться исследования в урбанистических ареалах, местах, в которых такого рода практики распространялись более всего. То, что отмечала Мисти Бастиан в негритянских городах, являлось без сомнения ценностью для большей части реальности африканских столиц: «Города и их пригородные спутники фактически заменили многие из старых лесных поселений в южной Нигерии... Исчезновение деревьев и подлеска, не вызванное особой необходимостью, в воображении южных нигерийцев воспринималось как исчезновение духовных сущностей, которые время устраняло из тех зон, где находились их дома. Но будучи освобожденными от старой волшебной магии: лесные твари теперь конструировались как предприниматели..., находящие наилучший способ, чтобы поймать в силки свои древние жертвы: человеческие существа [4; р. 75].

Современные исследования колдовства открыто отказались от идеи, что его устойчивость связана с «недостатками модернизации», как и от идеи, что африканские общества завершили путь от «традиции» к «модерну».

Во введении к труду «Modernity and its malcontents» Джона и Джин Комарофф [5; 6] утверждается, что идея модернизации была последней великой сказкой современного Запада. Единственной, которая еще пульсирует. Великая сказка в понимании Лиотара² являлась и инструментом, который на современном Западе, придавал социальную и политическую прочность знанию. Великие наррации есть ни что иное, как великие теоретические и риторические системы, которые легитимизируют общества или их критику (реализация Духа; равенство и согласие граждан в рыночном обществе, бесклассовое общество), а также ориентируют действия. Сегодня великие системы находятся в кризисе, не обеспечивая универсальной легитимности и надежно-

² Имеется в виду Жан-Франсуа Лиотар (фр. Jean-Francois Lyotard; 1924–1998) – французский философ-постмодернист и теоретик литературы, определявший постмодерн, как кризис метанарративов (прим. переводчика).

сти и не ориентируют действия. «Действие условий постмодерна совпадает таким образом с недоверием в отношении к метанарративам и с началом процесса делигитимизации». Упадок нарратива и кризис легитимизирующего измерения, задуманного как фундамент и всеобъемлющая нарративная, являются объективным доказательством, но и нарастающим признаком постмодерна [20, р. 31].

В нашу эпоху постмодерна всеобъемлющее и тотальное знание великих нарративов делает шаг назад перед знаниями частичными, локальными, временными. Все же, как говорят нам Комарофф, великая нарративная модернизации сопротивляется. Она существует «в одном нарративе, который заменяет изменчивые отношения и неравенство между «мы» и «другие» в мировой истории простой эпической историей о переходе от дикости к цивилизации, от мистического к мирскому» [6, р. XII].

Полемической мишенью Комарофф выступает имплицитная телеология парадигмы модернизации, которая рассматривается собственно как прогресс, приближающийся к западной модели. Вступление в рыночное общество, и еще более, восприятие ценностей Запада влечет за собой тенденцию к модернизации, а при ее восприятии, включение в евроамериканский Запад. Подобный взгляд сегодня ставится под вопрос теми, кто настаивает на множественности моделей модернизаций (понимаемых как английский неологизм *modernities*). Принять множественность модернизаций (толкуемых в данном случае как особенные и неповторимые где бы то ни было исторические опыты) означает фактически признать, что производятся конструкции и реконструкции разных культурных программ и множества социальных порядков, которые нельзя рассматривать как последовательно упادочные варианты по отношению к доминирующей модели. Но в таком смысле понятие множественности модернизаций включает в себе скрытый отказ от парадигмы модернизации.

В таком теоретическом контексте метод интерпретации колдовства радикально меняется: «Точка зрения, в соответствии с которой в эти последние годы работали ученые, исследующие тему колдовства, отличается от метода их предшественников, не столько в настойчивости утверждения социальных изменений, не столько в понимании того, что кол-

довство есть ответ на социальные изменения, сколько в признании факта, что оно действует как неотъемлемая часть отдельной модернизации. Другими словами, современные исследователи явлений колдовства расценивают верования и оккультные практики не просто как нечто смежное с модернизацией, но как начало, конструирующее модернизацию» [17, р. 11–12].

Колдовство поэтому более не рассматривается как ответ на отсталость модернизации, но как конституирующая часть того особенного исторического опыта, который есть модернизация, ибо через его посредство она встраивается, если исходить из множественности, в африканскую реальность. Колдовство таким образом проявляется не столько как пережиток прошлого и замкнутая система, сколько как гибкая идиома, изменчивая парадигма, содержание которой может варьироваться и обретать другие конфигурации. И в этом смысле оно может, меняя контексты, оставаться действенным. Колдовство более чем иное верование может являться инструментом социального диагноза.

И в этой аналитической перспективе следует понять случай Камеруна, который описывается здесь далее.

2. Случай Камеруна: колдовство как тормоз развития или политическое оружие?

В течение многих лет Петер Гешьер, голландский антрополог, который среди первых предложил инновационные исследовательские подходы к феномену колдовства [12], развернул исследования на территории Камеруна, выполнив серию отчетов, ряд которых были написаны совместно с коллегой Киприаном Ф. Физи. Исходя собственно из одного отчета, составленного совместно двумя антропологами, [11], я буду рассматривать случай Камеруна.

Как во многих африканских странах, в Камеруне в последние десятилетия продуцирование дискурсов о колдовстве, кажется, становится задачей фундаментальной важности, и нет сферы публичной жизни, в которую бы они не вторгались. Даже дискурсы о политической власти передаются на языке колдовства. Так имеется случай распространяющихся голосов³, которых опасается современный

³Я перевожу таким образом английский термин «rumors», который в последние годы становится все

президент Камеруна Бийа⁴ и его партия («Демократическое объединение народа Камеруна»): «...Мертвецы из семьи президента (к примеру, Жанна-Ирена Бийа⁵) и семей близких сотрудников президента Бийа (Мотазе Роджер, Жан Ассиуму и Жан Фокиве) ассоциируются с голосами, которые настаивают на том факте, что они явились жертвами для оккультных сил, с помощью которых президент преодолевал политические затруднения. Его политическая устойчивость, согласно голосам, гарантировалась человеческими жертвами оккультным силам. В контексте, в котором глас были оказывается неэффективным из-за жажды власти и других факторов, легитимность должна подтверждаться механизмами менее зримыми, нежели формальные выборы» [19, р.36].

Колдовство в таком контексте может рассматриваться как полностью амбивалентная сила: с одной стороны, она позволяет аккумулировать власть, с другой, является механизмом уравнивания. Тот, кто использует колдовство, может посредством магических обрядов и жертв, – включая и человеческие жертвы, – сосредотачивать богатство и власть (как это видно по голосам, ассоциируемым с президентом), но в то же время колдовство есть оружие, используемое против успешных людей соседями, а также бедными и завистливыми родственниками. В последнем случае колдовство, или вернее страх быть атакованным магическими силами, насланными ревнивыми родственниками и соседями, функционирует как регулирующий механизм, поскольку препятствует выпячиванию собственной удачи, и еще более, побуждает того, кто достиг успеха, из-за страха перед магическими обрядами разделить ее со своими родичами.

Камерун, как большая часть африканских стран, унаследовал законы от колониального периода. Я вернусь далее к колониально-более используемым в африканской этнографии. Под эти термином следует понимать в указанных контекстах не столько пересуды (сплетни), сколько, напротив, разговоры, которые распространяются не официальными путями, но в повседневном общении обычных людей, а также частными медиа-средствами, каковыми являются радио и популярная печать, и которые приобретают часто характер контрнарративов, противостоящих официальным и гегемонистским интерпретациям.

⁴ Поль Бийа (род. 1933) – президент республики Камерун с 1982 г. (прим. переводчика).

⁵ Первая супруга президента Поля Бийа (прим. переводчика).

му законодательству относительно колдовства, теперь же, касательно постколониального периода, достаточно сказать, что камерунский уголовный кодекс от 1967 г. предусматривал, что колдовские действия должны быть наказуемы, если они нарушают общественный порядок и являются попытками насилия в отношении физической целостности или собственности других людей [11, р. 234]. В этом случае закон склонялся к наказанию тех, кто сознательно пытался вредить другим магическими средствами, но также и тех, которые публично утверждали, что кто-то использует колдовство.

Логика, которой соответствует такая амбивалентность, это логика, стремящаяся противостоять однопартийному режиму, остающемуся в Камеруне вплоть до 90-х гг., это возможность власти, которая избегает контроля со стороны государства: «Каждый альтернативный источник власти, не опосредованной государственными институтами, рассматривался – особенно местной бюрократией, префектами и субпрефектами – как нечто, что может взорвать нервные узлы команд и контроля. Изменчивая и загадочная природа колдовства, как и отсутствие материальности в его практиках и проявлениях, делала его еще более угрожающим в глазах администрации. Оно воспринималось, как противостоящая сила, которая не могла контролироваться официальной властью» [11, р. 235]. Колдовство потому преследовалось, что оценивалось как сила, угрожающая общественному строю своим потенциально бунтарским характером, обусловленным невозможностью официальной власти держать его под контролем.

С этой точки зрения уголовный кодекс 1967 г. обнаруживает определенную преемственность с законодательством колониального периода. Действующий колониальный кодекс изначально основывался на двойственности: с одной стороны он признавал, что колдовство может подлежать сфере суда, с другой, отрицал его как реальность. Толкование колдовства в кодексе неизменно включалось в более широкий дискурс о модернизации. Прежде всего, чтобы судить о том, как случаи колдовства могли предстать перед судом, был необходим конкретный казус. Утверждалась материальность акта, которая противоречила изменчивой и невидимой природе колдовства. При всем том имела место иду-

шая из глубины убежденность части колониальных законодателей в том, что колдовство являлось результатом магических обрядов примитивных умов и было подчинено донаучной логике; с этой точки зрения образование, продвижение по пути цивилизации и развитие технологий позволяло избавляться от подобных верований. Таким образом, в подобном дискурсе заключалось не только игнорирование социальной природы колдовства, но и всего его символического содержания, которое, напротив, следовало толковать и оценивать в том культурном контексте, в каком оно действовало. Такая установка приводила к парадоксальному последствию. При том, что отрицалась реальность колдовства, карали тех, которые обвинялись в его использовании; а кроме того были запрещены магические акты, призванные распознать колдунов и любые карательные действия в отношении них. Таким образом, в глазах многих аборигенов, колониальное правительство виделось, пусть даже и не в полной мере, покровителем их же колдунов.

Уже говорилось, что кодекс 1967 г. поддерживал ту же двойственность. Следовательно, также и в этом случае вставала проблема материальности колдовства. С одной стороны, его нематериальность воспринималась как угроза, поскольку она избегала петли правительственного контроля; с другой стороны, его невозможно было свести к судебной проблеме именно из-за нематериальности, поскольку не имелось позитивных, то есть вещественных доказательств его функционирования. В действительности, закон более всего карал того, кто обвинял кого-либо в колдовстве, – ибо таким образом происходило нарушение общественного порядка, – нежели того, кто обвинялся в использовании магических средств с целью навредить другому, поскольку такое обвинение было очень трудно доказать, используя позитивную терминологию [11, р. 237].

Это стало подвергаться изменению только в 80-е гг., когда с одной стороны, начали выступать в залах суда как свидетели признанные традиционные целители в ипостаси witch-finder⁶, то есть распознаватели колдунов. Поскольку активность witch-finding по

существу базировалась на магических процедурах, то пришла в упадок идея позитивности и материальности в судебных расследованиях.

Физи и Гешьер приводят другой пример, еще более интересный, судебного процесса, в котором мужчина обвинял свою любовницу в том, что она сделала его импотентом: «В заключении апелляционного суда было записано: “Учитывая тот факт, что колдовство не может быть научно доказано, принимая во внимание, что современная медицина неэффективна в этом случае, следует утверждать, что только твердой убежденностью судьи мог руководствоваться судебный процесс”. Это классический пример того, как суды пытались примирить полярные формы знания. Если известно, что колдовство не может быть доказано научно, то как возможно в то же время утверждать, что современная медицина не может распознать, вызвана или нет импотенция колдовством. Суд решил..., что обвиняемая была виновна, и осудил ее на 8 лет тюремного заключения. Окончательным доказательством в этом случае, как и во многих других, явился такой туманный довод, как твердая убежденность судьи» [11, р. 235].

3. Колдовство, критическое воображение и политическое несогласие

Как рассматривается подобное изменение перспективы? Вероятно, его причины были многочисленны, но полагаю, что следует подчеркнуть, как это делали Физи и Гешьер, что определено среди всего остального действовало все более усиливающееся восприятие актов колдовства, действующих как сила, противостоящая развитию страны. Здесь возвращается двойной концепт колдовства, как уравнивающей силы и как инструмента власти. Тот, кто в новых экономических условиях мог обогащаться, тотчас же рассматривался как субъект, пользующийся оккультными силами; в то же время там возникал страх в деле предприятия частных инициатив, поскольку боялись, что завистливые соседи и родственники в случае успеха этих инициатив могли воспользоваться колдовством. Сколько слухов распространялось в отношении «новых богачей», столько же и опасений у людей, что успешное предпринимательство может вызвать негативные последствия, и властью они интерпретировались как тормоз развития. Таким образом, использование юстиции как

⁶ Дословный перевод на русский язык: «следователь по делам лиц, обвиненных в колдовстве» (прим. переводчика).

средства для выявления колдовства, становилось существенным политическим оружием.

В судебные залы, как кажется, переместилась конфронтация, которая существовала в реальности многих африканских стран. Неолибералистская модель, которая в последние десятилетия укрепила позиции, углубила уже заметную социальную дифференциацию; в то же время поступление широкого ассортимента товаров порождало желания и потребности, которые не могли быть удовлетворены у большей части населения. Язык колдовства способствовал культурному опосредованию сложности этой социальной и экзистенциальной ситуации.

Сама его преходящая и многообразная природа, как и дискурсы о колдовстве, способны были продуцировать все новые значения. Говорить сегодня о колдовстве означает дискутировать о новых возможностях накопления денег (поскольку колдовство, открыв доступ могущественным оккультным силам, способствует тому, что аккумулируются богатства), и по той же самой причине при усиливающемся неравенстве получать доступ к ресурсам. Оккультные силы становились при производстве дискурсов и в повседневных голосах, распространяющихся в городской и сельской реальности, естественным посредником для проникновения в параллельный оккультный мир великих экономических сил, управляющих планетой.

Этот анализ базируется на различных способах прочтения содержания дискурсов, по сути фантастических, и на различии оценок воображения, важного как социальная практика и форма социальной критики. Во многих трудах двух последних десятилетий воображение понимается не просто как фантазия или способ бегства от трудно осмысливаемой и принимаемой реальности, но скорее как средство, посредством которого индивиды пытаются понять собственную социальную реальность, и стараются осмыслить возможные перемены. К примеру, А. Аппадурай⁷ писал: «Образ, воображение, воображаемое: речь идет во всех случаях о терминах, которые ведут нас к чему-то изначально критиче-

ски воспринимаемому в глобальных культурных процессах: *воображению как социальной практике*. Не более чем фантазия (опиум для народов, воздействия которого всегда реальны, где бы то ни было), не более чем путь бегства (из мира, определяемого, прежде всего, конкретными целями и структурами), не более чем пережиток прошлого для элиты (и потому не подходящий для жизни простых людей), не более чем созерцание (не соответствующее по изначальным формам стремлению и субъективности), воображение становилось полем, организующим социальные практики, формой действия (в двойном смысле физических действий и культурной организующей практики) и формой взаимодействия между выполняющими действие (индивидами) и глобальными сферами, определяющими возможности [2, р. 50, дословное высказывание автора].

Итак, воображение не есть способ маскировки, чтобы скрывать, используя марксистский термин, социальные условия, экономические и политические, характерные для данного периода истории и особой группы людей. Воображение скорее является полем, в котором индивиды продуцируют социальные смыслы, возводящие воображаемое в состояние критического анализа их условий жизни. Воображение, хотя и понимается как фальшивое знание, становится, скорее, осознанием возможного.

Более не ограниченное сферой семейных и родственных конфликтов, колдовство и производство дискурсов о нем с такой точки зрения позволяет давать приемлемые объяснения изменениям социального контекста. Не следует поэтому удивляться тому, что оно может стать оружием в социальных противостояниях, – как это очевидно в случае слухов о президенте Бийя. Таким образом, колдовство, вопреки своей нематериальности, столкнувшись с судебными доктринами, базирующимися на реальности доказательств, может получить доступ в залы суда. Тогда оно больше не фальшивое верование, чары которого развеивает прогресс, но скорее способ выражения политических противоречий.

Перевод И.А. Красновой

⁷ Арджун Аппадурай (род. 1949) – американский социально-культурный антрополог, социолог и философ индийского происхождения. Известен разработкой теории «воображаемых ландшафтов» в рамках феномена глобализации. Теоретик социокультурных аспектов глобализации (прим. переводчика).

Литература

1. Anderson B. Comunità immaginate. Origini e diffusione dei nazionalismi. Prefazione e cura di M. D' Eramo, traduzione dall' inglese di M. Vignale. – Roma, 1996. (Edizione originale *Imagined communities. Raftlections on the origin and spread of nationalism*. London, 1983).
2. Appadurai A. Modernità in polvere. Traduzione in inglese di P. Vereni. – Roma, 2001. (Edizione originale: *Modernity at Large: Cultural Dimension of Globalization*. Minneapolis–London, 1996).
3. Bastian M. L. «Bloodhounds who have no friends»: witchcraft and locality in the Nigerian popular. P. 129–166 // *Modernity and its malcontents. Ritual and power in postcolonial Africa* / Cur. Komaroff J. – Komaroff J. Chicago–London, 1993.
4. Bastian Misty L. Vulture men, campus cultists and teenaged witches. Modern magics in Nigerian popular media. P. 71–96 // *Magical interpretations, material realities. Modernity, witchcraft and the occult in postcolonial Africa* / Cur. Moore H. L. – Sanders T. – London – New-York, 2001.
5. Comaroff J. – Comaroff J. L. *Modernity and its malcontents. Ritual and power in postcolonial Africa*. – Chicago–London, 1993.
6. Comaroff J. – Comaroff J. L. Introduction. P. XI–XXXVII // *Modernity and its malcontents. Ritual and power in postcolonial Africa*. – Chicago–London, 1993.
7. Evans-Pritchard E. E. *Stregoneria, oracoli, magia tra gli Azande*. Traduzione dall' inglese di B. Bernardi, F. Angeli. – Milano, 1976. (Edizione orig. *Witchcraft, Oracles and Magic among the Azande*. Oxford, 1937).
8. Fabian J. Il tempo e gli altri. La politica del tempo in antropologia. Traduzione dall' inglese di L. Rodeghiero. – Napoli, 2000. (Edizione orig. *Time and the other. How anthropology makes its object*. New-York, 1983).
9. Field M. J. Some new shrine of the Gold Coast and their significance // *Africa. Journal of the International African Institute*. – 1940. – Vol. 13.
10. Field M. J. Search for security. An ethno-psychiatric study of rural Ghana. – London, 1960.
11. Fisiy C. F. – Geschiere P. Witchcraft, development and paranoia in Cameroon: interactions between popular, academic and state discourse P. 226–246// *Magical interpretations, material realities. Modernity, witchcraft and the occult in postcolonial Africa* / Cur. Moore H. L. – Sanders T. – London–New-York, 2001.
12. Geschiere P. *Sorcellerie et politique en Afrique. La viande des autres*. – Paris. 1995.
13. Grottanelli Vinigi L. Witchcraft an allegory // *Medical Anthropology* / Cur. F. X. Crollig – Haley H. B. – Paris, 1976.
14. Grottanelli Vinigi L. Una società guineana: gli Nzema. 2. Ordine morale e salvezza terrena. – Torino, 1978.
15. Latouche S. L' altra Africa. Tra dono e mercato. Traduzione dal francese di A. Salsano. – Torino, 2000. (Edizione orig.: *L' autre Afrique: entre don et marchй*. Paris, 1998).
16. Moore H. L. – Sanders T. *Magical interpretations, material realities. Modernity, witchcraft and the occult in postcolonial Africa* / Cur. Moore H. L. – Sanders T. – London–New-York, 2001.
17. Moore H. L. – Sanders T. *Magical interpretations and material realities. An introduction*. P. 1–27 // *Modernity, witchcraft and the occult in postcolonial Africa* / Cur. Moore H. L. – Sanders T. – London–New-York, 2001.
18. Moore S. F. *Antropologia e Africa*. Traduzione dall' inglese di A. Bellagamba e M. Scala. – Milano, 2004. (Edizione orig.: *Antropology and Africa. Changing perspective on a changing scene*. Charlottesville – London, 1994).
19. Nyamnjich F. B. Delusions of development and the enrichment of witchcraft discourse in Cameroon. P. 28–49 // *Magical interpretations, material realities. Modernity, witchcraft and the occult in postcolonial Africa* / Cur. Moore H. L. – Sanders T. – London–New-York, 2001.
20. Patella G. Sul postmoderno. Per un postmodernismo della resistenza. – Roma, 1990.
21. Richards A. I. A modern movement of witch-finder // *Africa. Journal of the International African Institute*. – 1935 – Vol. 8. – № 4.

УДК 94(47): 329.12

С. М. Смагина

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

В статье исследуется процесс формирования научного знания по проблеме становления и развития либерализма в начале XX века, выделяются его основные этапы и характеризуется их содержание. Обосновывается вывод о том, что данный процесс в основном носил поступательный характер, изучение которого формирует представление о российском ли-

берализме как разноплановом историческом, политическом и идеологическом явлении.

Ключевые слова: историографический факт, аксиологический принцип, системно-генетический метод, неолиберализм, конституционные демократы, оппозиционность, демократизм, традиционализм, радикализм.

S. M. Smagina

RUSSIAN LIBERALISM OF THE EARLY 20TH CENTURY: THEORY AND PRACTICE. HISTORIOGRAPHIC THEMES

The article deals with the formation of scientific knowledge on the problem of formation and development of liberalism in the early 20th century. The author defines its main periods and characterizes their content. The point is made that the process had the progressive nature. Another conclusion is that Russian liberalism is

multifaceted historic, political and ideological phenomenon.

Key words: historiographic fact, axiological principle, systemic-genetic method, neoliberalism, Constitutional Democrats, opposition, democratism, traditionalism, radicalism.

Как свидетельствует история, системообразующей основой либерализма всегда являлось понятие *прав личности*: в этом его фундаментальное единство и причина постоянного возрождения во все новых условиях и формах.

Либерализм большинством граждан воспринимается как чувствительный индикатор состояния общества, для значительной части которого характерно, с одной стороны, стремление к изменениям к лучшему, с другой – неприятие крайних методов, грозящих потерей и тех прав личности, которыми она уже обладает.

В начале XX века либерализм для русского «образованного класса» стал идеологией, обрисовавшей приемлемую формулу социального прогресса для России.

Среди значительного массива работ, написанных в начале XX в. и посвященных российскому либерализму, выделяются произведения самих либералов, большинство из которых были непосредственными участниками

ми политического процесса (И. И. Петрункевич [12], П. Н. Милюков [1], Б. Н. Чичерин [33], П. Б. Струве [29] и др.). Поэтому их работы являются одновременно и историографическим фактом, и источником. Они несли интересную фактическую информацию, но в то же время содержали оценки и характеристики, выходившие на уровень концептуальных обобщений.

Прежде всего, либерализм начала XX в. рассматривался ими как феномен, возникший в дворянской среде; будучи производным земского либерализма, он, по мнению И. П. Белоконского, автора труда «Земство и Конституция» [4] на том этапе выражал «интересы всех прогрессивных сил» русского общества. *Во-вторых*, критикуя марксистскую теорию социального прогресса, особенно предписанный им революционный метод исторического действия, данные авторы обосновали эволюционную парадигму развития общества, даже в сложных условиях модернизационного тупика начала 90-х годов XX века. *В-третьих*,

рассматривались проблемы, связанные с популяризацией общедемократического содержания партийных программ либеральных партий, раскрытием понимания их роли, в первую очередь – кадетов, как внеклассовой силы, выражавшей интересы всех слоев общества. *В-четвертых*, большое внимание уделялось освещению деятельности кадетской партии, подчеркивался ее оппозиционный по отношению к правительству характер, формы и методы действий партийных фракций в Государственных думах. *В-пятых*, в их работах нашел отражение процесс разработки теоретической модели правового государства, определения основных черт, сущности и взаимодействия различных ветвей будущей демократической власти, условий ее легитимности. *В-шестых*, одновременно ставился вопрос об уровне сочетания либеральных и традиционных ценностей; более того, некоторыми авторами (как правило, октябристами) пропагандировалась модель взаимоотношений между общественными структурами и властью, основанная на конструктивизме (В. М. Петрово-Соловово [11] и др.).

В период первой российской революции либеральные партии оказались в центре политической жизни. Общественным сознанием они воспринимались неоднозначно, особенно партия конституционных демократов. С точки зрения правительства, консерваторов партия кадетов воспринималась как *левая*; согласно оценкам лидеров РСДРП, эсеров – как *правая* политическая сила. Такие теоретики русского консерватизма, как Л. А. Тихомиров [30; 31], с одной стороны, признавали необходимость «положительной программы» борьбы с бюрократией, реформ «сверху», расширения общественных свобод, с другой – резко отрицательно относились к кадетской платформе «вестернизации», их приверженности к европейским формам демократии как образу будущего государственного устройства России.

Определенное внимание освещению деятельности кадетов в тот период уделяли неонароднические публицисты (С. И. Бондарев, Л. М. Брамсон, Т. В. Локоть, И. И. Субботин и др.) в связи с работой кадетской фракции в первой-второй Государственных думах и ее аграрным проектом; последний, естественно, подвергался серьезной критике, как и партия в целом. В оценочном ключе харак-

теристику ей дал профессор Т. В. Локоть [8], в свое время бывший депутатом I Думы. Он назвал партию кадетов *конституционной*, но не *демократической* на том основании, что в революционный период конституционно-демократическая партия не могла не быть революционной, причем – «стихийно революционной» [8, с. 109, 119].

Аналогичные оценки характера деятельности либеральных партий, в частности кадетов, имели место и в работах социал-демократических авторов, хотя уровень критики, содержащийся в меньшевистской и большевистской литературе, был различным. Авторы – меньшевики (Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, А. Н. Потресов и др.) исходили, *во-первых*, из того, что либеральная буржуазия являлась активной оппозиционной силой в борьбе с самодержавием и связывали развитие революционного процесса в значительной степени с ее деятельностью. Как заметил Г. В. Плеханов еще в 1892 г., «только два направления могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое» [15, с. 138]. Причем, в определенной степени оппозиционности меньшевики, в частности, авторы статьи (Ф. И. Дан и Н. Череванин) «Союз 17 октября» специального издания «научного характера» «Общественное движение в России в начале XX века» [10] не отказывали и октябристам, не исключив их из либерального лагеря. *Во-вторых*, партию кадетов авторы-меньшевики однозначно считали демократической. В статье, помещенной в выше обозначенном издании и посвященной конституционным демократам (кстати, с данной статьи начинался третий том), ее автор А. С. Мартынов дал развернутую характеристику кадетской программы, сделав вывод о том, что программа была рассчитана на объединение демократии, не идущей под определению социалистическим знаменем [10, с. 4–5]. *В-третьих*, с присущей марксистским аналитикам определенностью меньшевистские авторы пытались оценить социальную природу кадетской партии и характер видения ею формулы социального прогресса для России. Тот же автор назвал кадетов партией «нового третьего сословия», приверженцами «социальных реформ», сторонниками «буржуазного прогресса», приветствуя их требования знаменитой «4-х-членной формулы» выборов, «8-часового

рабочего дня, принудительного отчуждения частновладельческих земель» [10, с. 1–4].

Иные оценки либералов содержались в работах большевистских авторов (В. В. Воровского, А. В. Луначарского и др.) и главным образом В. И. Ленина, сыграв главную роль в формировании весьма мощной историографической традиции, ставшей единственной в советской России и выполнявшей, скорее, не научную, а идеологическую функцию. В условиях первой русской революции Ленин оценивал либералов в свете своей концепции трех политических лагерей (правительственного, революционного, и промежуточного – либералов), жестко оговорив характер тактики последних названием статьи «Пока пролетариат борется, буржуазия крадется к власти» [7]. В период бурных революционных потрясений Ленин был еще в какой-то степени корректен по отношению к идейным противникам, допуская наличие у них элементов оппозиционности и желание «освободить» Россию «сверху» [кавычки у автора – 7, с. 175], но «не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков...» Однако оставаясь на позиции строго классового подхода и в целом оценивая либералов как «идеологов буржуазии, ... которая боится революции», Ленин доказывал историческую бесплодность либерализма и в конечном итоге его контрреволюционность. Причем, согласно оценкам вождя, уровень «реакционности» либералов, в том числе – и кадетов, возрастал по мере усиления интенсивности нападков на них слева.

Таким образом, в дооктябрьский период начали формироваться несколько историографических традиций освещения проблемы. Это многообразие, как правило, было связано с различием идеологических позиций, мировоззренческим плюрализмом авторов, принадлежавших к тем или иным политическим (партийным) группировкам и разделявших их взгляды и предпочтения. К сожалению, в России после октябрьских (1917 г.) событий получила развитие лишь большевистская концепция. Остальные были вытеснены вместе с их носителями за пределы Родины и реализовывались в трудах эмигрантов, а со временем – трудах западных ученых.

Второй период историографии проблемы связан с утверждением и функционированием однопартийной политической си-

стемы. Он характеризуется наличием одной методологической парадигмы (марксистско-ленинской) в исследованиях отечественных историков, предопределившей отношение к кадетам, по существу единственной литеальной партии, сохранившей свой статус на момент октябрьских событий, как к контрреволюционной силе. Принятием Совнаркомом 28 ноября 1917 года «Декрета об аресте вождей гражданской войны» кадеты объявлялись партией врагов народа, члены ее руководящих учреждений подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов.

В советской историографии утвердились подходы, превращенные с помощью официальной идеологии в «научные» штампы: классовость, стала основным критерием в оценке характера деятельности кадетской партии, как партии «буржуазной», реакционной. Данные оценки содержались в работах авторов 1920-х годов: С. Е. Сефа, С. Г. Томсинского, В. Стального и др. [24], посвященных анализу программы и тактики либеральной буржуазии в годы революции 1905–1907 гг. и признававших ее действия «заодно с царизмом». Среди работ этих лет обособленной выглядит позиция М. Н. Покровского, не рассматривавшего либеральную буржуазию в качестве самостоятельного политического лагеря, а включавшего ее в структуру общего оппозиционного фронта наряду с революционной демократией [16, с. 134–135]. Обратил он внимание и на размежевание в либеральной среде, связывая кадетов с либеральной интеллигенцией и прогрессивной промышленной буржуазией, а октябристов с интересами более консервативной торгово-финансовой ее части.

В последующие годы в отечественной исторической науке утвердилась сталинская интерпретация изучаемой проблематики. «Краткий курс истории ВКП (б)» закрепил положение о контрреволюционности всей либеральной буржуазии, соглашение с которой считалось равносильным предательству народа. Официально закрепился возобладавший в 30-е годы взгляд на противостояние в первой русской революции двух политических лагерей – пролетариата и крестьянства против царизма, помещиков и буржуазии. Проблематика либеральных партий «растворилась» в последнем. Основное внимание историков было сосредоточено на освещении борьбы

большевиков со всеми другими российскими партиями и течениями.

Критика культа личности Сталина, попытка переосмысления отдельных исторических фактов усилили интерес к изучению непролетарских партий в конце 50–70-е годы. Восстанавливалась ленинская концепция трех политических лагерей в первой русской революции, что повысило интерес к истории либерализма в России. Вышел ряд работ историков (Н. П. Киреев, М. С. Симонова, К. Ф. Шацлло, С. В. Тютюкин и др.), которые, оставаясь в рамках марксистско-ленинской парадигмы, расширили границы (масштабы, направления) изучения российского либерализма. И хотя он по-прежнему не рассматривался как самостоятельное явление, а поражение либералов в политической борьбе оценивалось как закономерный результат, изначально заложенный в реформистской теории и практике, но, тем не менее, был сформулирован ряд вопросов, позволивший углубить имевшееся знание по проблеме.

Прежде всего, либерализм стал рассматриваться как целостное явление, корнями уходившее в земский либерализм, т. е. была поставлена проблема взаимосвязи «старого» пореформенного земского либерализма с «политическим течением российской буржуазии» накануне и в период первой русской революции (К. Ф. Шацлло, Н. М. Пирумова и др.) Авторы (Н. М. Пирумова [13; 14]), в известном смысле, восстановив дооктябрьскую либеральную историографическую традицию, обосновали вывод о том, что земство 1864–1895 гг. выражало многообразие либеральных идей и являлось организационной базой русского либерализма в целом, при этом оно было подвержено влиянию народничества, в идеологическом смысле находясь на платформе либерально-народнических взглядов. Во-вторых, была уточнена периодизация процесса становления либерализма в России как комплексного явления идеологии, политики и организации (К. Ф. Шацлло [37]). В своей монографии «Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.» Шацлло К. Ф. одним из первых обратил особое внимание на «новый либерализм», появившийся в России к началу XX века и ведущий свое начало от «легального марксизма»; в лице которого впервые проявили себя силы, непосредственно

связанные с буржуазией, активно включившиеся в политическую борьбу и попытавшиеся соединить свою судьбу не с правительственными силами, а с либеральным движением. Согласно Шацлло, кроме традиционного земского либерализма, в начале XX в. в России появился «новый либерализм», отличавшийся радикализмом программы и тактики («освобожденчество»), приобретающий конституционный характер и при необходимости не гнушавшийся нелегальщиной, хотя и сохранивший теснейшие контакты с земским либерализмом [37, с. 127–128]. Таким образом, авторы обосновали мысль о том, что на смену традиционному земскому либерализму, постоянно апеллировавшему к верховной власти, к 1904–1905 гг. приходит «новый либерализм». В-третьих, был опубликован ряд работ (П. Н. Киреева, С. В. Тютюкина, В. В. Шелохаева и др.), авторами которых предпринималась попытка выявить уровень оппозиционности российских либералов, в частности кадетов накануне и в ходе первой русской революции, т. е. была поставлена проблема характера переплетения оппозиционных и соглашательских тенденций в программных установках и тактической линии либералов, хотя объективно в тех условиях она не могла быть решена.

В-четвертых, сама логика изучения истории политических партий либерального направления в период первой российской революции привела к тому, что исследователи начали разрабатывать вопросы их социального состава и численности. Это, в первую очередь, монографии В. В. Шелохаева о партиях кадетов и октябристов в революции 1905–1907 гг. [35; 36]. Исходя из признания указанных лет в качестве переломного этапа в истории русского либерализма, выразившегося в завершении поисков программных и тактических установок и превращения его из идеологической и политической партии в широком смысле в блок чисто буржуазных политических партий, автор использовал систему методик для воссоздания полной картины и численного состава партий, и их территориального размещения.

В-пятых, уже в этот период развития историографии был получен ответ на дискуссионный вопрос о месте октябристов в системе либеральных политических партий (В. В. Шелохаев, К. Ф. Шацлло и др.): в своей

программе они выражали по преимуществу «фракционные» интересы умеренно либеральных помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии. Названные отличия предопределили место октябристов на правом фланге либерального лагеря, что стало достоянием научной мысли и последующего этапа историографии.

В-шестых, была предпринята попытка изучения либералов в комплексе с другими российскими партиями в контексте решения ими тех или иных проблем (аграрной и т. д.) и в более широких временных рамках: деятельность в годы первой мировой войны (Н. Г. Думова [6]), в четвертой Государственной думе и т. д.

Таким образом, к концу 80-х годов усилиями исследователей, невзирая на сохранение определенных стереотипов советской историографии, были детально проанализированы структура, эволюция, программы и тактика российского либерализма начала XX века. Особенно важным был вывод о том, что период между 1895 и 1905 гг. был временем завершения организационного формирования либерализма, прошедшего путь от земств к политическим партиям (К. Ф. Шашило, Н. М. Пирумова и др.); было обращено внимание на то, что в условиях нарастающей революционной волны, стремительного формирования правого и левого крыльев либерального движения либералы пытались добиться политического и идеологического влияния на массы, стать самостоятельной силой в политической борьбе и реформировать Россию, придав ей облик буржуазно-конституционно-го государства. (В. В. Шелохаев).

Но наряду с этим следует иметь в виду, что, *во-первых*, вся литература о либеральных партиях России начала XX века появилась не в результате признания самоценности русского либерализма, а лишь в связи с изучением их как политических противников большевиков. *Во-вторых*, это определило и идеологизированный подход к способу подачи материала и отбору фактов, а также зачастую необъективные выводы (по-прежнему порой даже кадеты именовались «антидемократической» и «либерально-монархической» партией). *В-третьих*, не проводилось системного анализа реформистской идеологии в целом, сохранялся тезис об ее ущербности в сравнении с революционной.

Третий период развития историографии проблемы начался с рубежа 80–90-х годов. Именно к этому времени усилился процесс накопления новых качественных параметров, обусловленный в значительной степени изменениями политической обстановки в стране, что позволило ряду исследователей к началу 90-х годов поставить вопрос об однолинейности традиционного подхода к рассмотрению истории либеральных партий.

К середине 90-х гг. уже был сделан определенный шаг в анализе теоретических истоков либеральных программ, исследовании идеологии и политической организации либералов (В. В. Шелохаев, В. А. Кувшинов и др.) Поставлены и изучаются проблемы: общее и особенное в российском либерализме (или уровне сочетания почвенности и западничества в теоретических конструкциях его идеологов), российский либерализм и проблемы заимствования иностранного опыта (Л. В. Селезнева [23]). Авторами вовлечены в научный оборот новые пласты источников, используются новые методологические подходы, позволившие выйти на новый концептуальный уровень.

И, *прежде всего*, на современном этапе развития отечественной историографической науки наметился объективно-позитивный подход к осмыслению истории либеральных партий. Большая роль в этом процессе принадлежит В. В. Шелохаеву, который, выделив основные направления (правое, центр, левое) внутри либерального лагеря, рассматривает всю историю русских либералов через раскрытие главной системообразующей черты их деятельности – приверженности эволюционной парадигме. *Во-вторых*, заслугой В. В. Шелохаева и др. авторов является тот факт, что исследователи сегодня не отмежевывают либерализм от демократии, считая его составной частью освободительного движения в России, в частности – его реформистским крылом. В реализации реформистского пути развития выделяются две альтернативы: правительственная и либеральная; при этом, последнюю рассматривают через два направления: кадетское и октябристское. Данная позиция получила дальнейшее развитие в коллективных трудах по истории политических партий [18], рассматривающих трансформацию их идеологий в контексте мировой и отечествен-

ной теоретической мысли и сложности протекания модернизационных процессов [9]. В-третьих, авторы (В. В. Шелохаев, Н. Г. Думова, А. Б. Павлов, С. В. Тютюкин и др.) считают, что в российской структуре политических сил кадеты заняли определенное место: «на самом левом фланге либерального лагеря» [17, с. 88–90], а их программа представляла собой радикально-демократический вариант парламентского решения всего комплекса вопросов российской действительности, причем аграрный вопрос в ней был разработан наиболее обстоятельно. Данными авторами была выделена и другая характерная черта партии кадетов, как партии интеллектуалов, аккумулировавшей в своих рядах цвет российской интеллигенции начала XX века, мечтавшей о преобразовании страны парламентским путем и на основе общечеловеческих ценностей. Правый фланг российского либерального лагеря связывают с «Союзом 17 октября» вместе с примыкавшими к нему партиями и организациями.

В-четвертых, всесторонне анализируя либеральную альтернативу в ее целостности и одновременно вариативности, исследователи (В. В. Шелохаев, С. С. Секиринский [22]) пришли к определенным выводам: а) в 1907–1914 гг. завершился процесс формирования либеральной идеологии, присовокупившийся к организационному и тактическому самоопределению либералов в предыдущие годы, это позволило говорить о русском либерализме как о самостоятельном (самодостаточном) явлении не только российской общественно-политической мысли, но и политической жизни в целом; б) одновременно уточнялось содержание различных направлений либерализма в доктринальном смысле и плане ценностных предпочтений; было показано, что в социальных теориях кадетской партии концентрированно отразились коренные интересы российской цензовой интеллигенции и близких к ней кругов буржуазии, тогда как идейная платформа октябристов и прогрессистов отражала сиюминутные интересы капитализированных помещиков и крупной буржуазии. С этой точки зрения, как считают некоторые исследователи (В. В. Шелохаев), система идей октябристов и прогрессистов не носила теоретически оформленного характера. Другие же авторы (например, Е. В. Шан-

дулин) полагают, что возможно применение термина «октябризм» как самодостаточного понятия, обозначающего идеологию октябристов, имевших свой политический и культурный идеал» [34, с. 11], во многом строившийся на сочетании либеральных и традиционных ценностей.

В-пятых, использование новых методологических подходов в исследованиях, в частности аксиологического принципа, согласно которому значимость исторического события ставится в зависимость от «ценностей» – априорных норм в сферах нравственности, этики, морали, позволило авторам создать серию политических портретов наиболее значимых либералов. Выделяется монография М. Г. Вандалковской, в которой освещена научная и политическая деятельность двух крупных политиков и историков России – П. Н. Милюкова и А. А. Кизеветтера. Впервые автор не обвинила кадетов в шараханье вправо и влево в духе пресловутой теории трех политических лагерей, сделав вывод о том, что кадетам, в частности, П. Н. Милюкову принадлежит особая роль проводника так называемой средней линии в политической борьбе, и это и есть единственно возможный путь для либерала [5, с. 32]. Традиция создания политических портретов реализуется и в коллективных монографиях [19], и в статьях (А. В. Соболева, С. В. Шелохаева, Н. Г. Думовой, Н. В. Канишевой и др.).

В-шестых, специальным направлением накопления научного знания по проблеме стало интенсивное изучение российского политического зарубежья – 20–30-х годов XX века, в первую очередь, партийно-интеллектуальной части русской эмиграции, и выявление роли либералов в контексте происходивших трансформаций ее политического пространства. Усилилась тенденция дифференцировать либеральную эмиграцию не только по платформам и декларациям, но и «по людям», которых в зарубежье привыкли «глубоко ценить», например, Милюкова и «новотактиков» [3; 25]. Одновременно исследуемая роль правых либералов в их попытке самоидентифицироваться в рамках политической идеологии умеренного либерализма, государственно и национально ориентированного, а также процесс оформления центризма в либеральной среде с определением этапов его идейного и организационного генезиса и его основных фигурантов [28].

И, *наконец*, в разработке проблемы на современном этапе заметно не только расширение тематики с одновременным углублением специализации в изучении ее основных сюжетов, но и сближение научных технологий западной и отечественной историографии. Как известно, зарубежная историография в значительной степени основывалась на эмигрантской литературе, тем самым развивая сложившиеся в дооктябрьский период историографические традиции, в частности – либеральную. Стало правилом включать в историографические обзоры монографий и диссертаций соответствующие работы, издававшиеся за рубежом и принадлежавшие перу ученых-историков.

По отдельным направлениям, например, струвеведению, общепризнанным является мнение о том, что поворотным моментом в его становлении стала монография американского исследователя Р. Пайпса [2].

Таким образом, на современном этапе произошел качественный прорыв как в методологическом, так и в концептуальном отношении в историографии проблемы. Следствием его стало понимание российского либерализма как многопланового исторического, политического и идеологического явления, а также как системы определенных политических институтов и даже соответствующей государственной политики.

Литература

1. Milukov P. Russia and it's crisis. – London, 1969.
2. Richard P. Struve: Liberal on the Left. 1870 – 1905. – London, 1970; Richard P. Struve: Liberal on the Right. 1905 – 1944. – London, 1980.
3. Александров С. А. Лидер российских кадетов П. Н. Милюков в эмиграции. – М.: АИРО – XX, 1996.
4. Белоконский И. П. Земство и Конституция. – М.: Образование, 1910.
5. Вандакловская М. Г., Милюков П. Н. Кизеветтер А. А.: история и политика. – М.: Наука, 1992.
6. Думова Н. Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. – М.: Наука, 1988.
7. Ленин В. И. Пока пролетариат борется, буржуазия крадет к власти // Полн. собр. соч. Т. 11.
8. Локоть Т. В. Первая дума. Статьи, заметки и впечатления. – М.: Типо-литогр. Рус. т-ва печат. и издат. дела, 1906.
9. Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2004.
10. Общественное движение в России в начале XX века. Т.3. Кн. 5. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1914.
11. Петрово-Соловово В.М. «Союз 17 октября» и его критики. – М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1906.
12. Петрункевич И. И. Политическая роль Первой Государственной Думы // Первая Государственная Дума: в 3-х вып. – СПб.: Изд-во А. А. Муханова и В. Д. Набокова, 1907. Вып. 1.
13. Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. – М.: Наука, 1986.
14. Пирумова Н. М. Земское движение: социальные корни и эволюция до начала XX века. – М.: Наука, 1987.
15. Плеханов Г. В. Собр. соч.: В 3-х т.т. – М.: Госиздат, 1923. Т.3.
16. Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. – М.: Главполитпросвет, 1924.
17. Политическая история России в партиях и лицах. – М.: Терра, 1993.
18. Политические партии России: история и современность. Учебник. – М.: РОССПЭН, 2000.
19. Российские либералы: Сборник статей / под ред. Б. С. Итенберга, В. В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 2001.
20. Российский политический процесс XX – начало XXI вв.: власть, партии, оппозиция: учеб. пособие. / отв. ред. проф. С. М. Смагина. – Ростов-н/Д.: НМЦ «Логос», 2006.
21. Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. Москва, 27–19 мая 1998 г. – М.: РОССПЭН, 1999.
22. Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX вв.). – М.: Памятники исторической мысли, 1995.

23. Селезнева Л. В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук. – Ростов н/Д.: РГУ, 1996.
24. Сеф С. В. Буржуазия в 1905 г. – М.-Л.: Госиздат, 1926.
25. Смагина С. М. Правые либералы в эмиграции. Интеллектуальные границы национальной идентичности (1920-е годы). // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2008. – № 25/2.
26. Смагина С. М. Российские политические партии в эмиграции: блоки и идеологии [20-е годы XX века] – Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007.
27. Смагина С. М. Центризм в идеологии либерализма русской эмиграции 20-х годов XX века. // Философия права – 2012. – № 1.
28. Стальной В. Кадеты – конституционно-демократическая партия Народной Свободы. – Харьков: Изд-во «Пролетарий», 1929.
29. Струве П. Б. Марксовская теория социального развития: Критическое исследование Петра Струве. – Киев: Изд-во «Б. Яковенко и М. Власенко», 1905.
30. Тихомиров Л. А. Критика демократии. – М.: Москва, 1997.
31. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. – СПб.: Комплект, 1992.
32. Томсинский С. Г. Борьба классов и партий в первой Государственной думе. – Ростов н/Д – Краснодар: Буревестник, 1924.
33. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Часть III. – М.: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1898.
34. Шандулин Е. В. «Союз 17 октября»: процесс идеологического самоопределения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ростов – н/Д.: РГУ, 2004.
35. Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. – М.: Наука, 1983.
36. Шелохаев В. В. Партия октябристов в период российской революции. – М.: Наука, 1987.
37. Шацillo К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программа, тактика. – М.: Наука, 1985.

УДК 93

Е. Н. Стрекалова

ЧЕРТЫ «СОВЕТСКОСТИ» В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СТАВРОПОЛЬЯ НАЧАЛА 1920-х гг.

Статья посвящена анализу повседневной жизни отечественной провинциальной интеллигенции 1920-х гг. на материалах Ставрополя и Северного Кавказа. Уделено значительное внимание роли интеллигенции в восстановлении региона после гражданской войны, в развитии образования. Показаны

причины взаимодействия власти и интеллигенции. На основе данных архивов представлено формирование сущностных черт интеллектуальной элиты новой советской эпохи.

Ключевые слова: интеллигенция, идентичность, повседневность, полинациональный регион, образование, вузы, студенчество.

E. N. Strekalova

THE FEATURES OF «SOVETSCOST» IN EVERYDAY LIFE OF INTELLIGENTSIA IN STAVROPOL REGION AT THE BEGINNING OF THE 1920-s

The article is devoted to the analysis of everyday life of Russian provincial intelligentsia in the 1920-s. It is based on materials of Stavropol region and the North Caucasus. The significant attention is paid to the role of intelligentsia in restoration of the region after Civil war and in the development of educational system. The reasons

for interaction of authorities and intelligentsia are examined. The analysis of formation of intrinsic features of intellectual elite of a new Soviet epoch is conducted on the basis of archival documents.

Key words: intelligentsia, identity, everyday life, multinational region, education, higher education institutions, students.

Дискуссионная и сложнейшая история России XX столетия, ее советский этап находятся в стадии активной научной разработки. Региональные исследователи активно разрабатывают локальные особенности в контексте полинациональной специфики региона [2, с. 12–18]. Советская идентичность и ее отражение в повседневности занимают значимое место среди дискуссионных проблем междисциплинарного пространства гуманитарных наук [1; 17]. Актуальность поставленной темы усиливает важнейшая социокультурная роль интеллигенции в обществе. Культурный диалог поколений, формирование и поддержание идентичности в обществе, сохранение исторической памяти во многом осуществляются благодаря интеллигенции. Однако в ряде работ об интеллигенции Северного Кавказа в силу идеологической обусловленности, замкнутости отечественной науки на ее советском этапе, вообще не ставился вопрос о специфике повседневной практики интеллектуальной элиты региона на различных этапах XX века [16; 27]. Между тем, история повседневности сегодня занимает часть центрально-

го плана в современной отечественной и мировой историографии [24; 28].

В целом после 1917 г. важное место в большевистском переустройстве занимали проблемы формирования «нового человека», единой советской общности. Ориентация на «мировую революцию» приумножила значимость идеи воспитания нового человека «социалистической формации», наделенного наднациональными чертами и ценностями. Уже в принятой на третьем съезде советов в январе 1918 г. «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» говорилось об этих планах. Позднее, вошедшие в первую советскую Конституцию 1918 г. задачи «...установления социалистической организации всего общества и победе социализма во всех странах» также говорили о новом обществе [18]. В перспективе, единая мировая социалистическая республика должна была объединять различные народы. В этом процессе особое место отводилось роли интеллектуальной элиты. Интеллигенция должна была стать и носителем и распространителем советских наднациональных черт, основанных на марксистской иде-

ологии. В связи с этим, становится понятным выражение одного из видных советских теоретиков Н. И. Бухарина который заявил: «мы будем... штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике» [3, с. 84].

Образованная часть старой России переживала время, подвергавшее под сомнение само существование интеллигенции, как условной части «эксплуататоров». Новое время четко маркировало негативное отношение к социальным группам прежнего царского общества. Смысловая нагрузка понятия «интеллигенция» становится отрицательной после революции 1917 г. Интеллигенцию называют «буржуазной, гнилой, враждебной, продажной», тем самым характеризуя ее принадлежность к бывшим верхам общества, против которых боролась революция [15; 26].

Антиинтеллигентские настроения в Ставрополе проявились по сообщениям газеты «Северо-Кавказское слово» уже на общегубернском Народном собрании, открывшимся 31 декабря 1917 г. и передавшем власть в губернии в руки советов. Газета писала, что «массою крестьян и солдат была обнаружена ужасная неприязнь, если не сказать ненависть к интеллигенции. Мотивировка была самая простая – «буржуа»... «Больно и обидно за многострадальную русскую интеллигенцию» продолжал журналист газеты [23, с. 2].

Подобные настроения в обществе поддерживали и сообщения о саботаже интеллигенции, учительской, земской. Исполком советов в губернии осуждал образованную часть общества, выражал уверенность в том, что выступая против большевиков, они подбивают советы и революцию. Газета «Власть труда», провозглашенная официальным органом Исполкома Совета крестьянских, рабочих, солдатских депутатов Ставропольской губернии уже в апреле 1918 г. признавала, что советская власть смешалась с партийной властью, большевики занимают ведущее место в советах и интеллигенция как самостоятельная сила не получила представительство в советах. Именно это обстоятельство, по мнению редактора газеты социалиста А. Г. Троицкого, порождало возможность сравнения интеллигенции с «бывшими», с «буржуями» [25, с. 1].

В связи с этим, гражданская война и утверждение большевистской однопартийной диктатуры способствовали бегству многих представителей российской образованной

элиты в Европу и на окраины страны, в том числе и на Северный Кавказ. Ставрополье и казачья Кубань стала прибежищем многих представителей интеллигенции в период революции и гражданской войны. Интеллигенция активно включилась в созидательную работу по восстановлению экономики региона, развитию образования. Кубанский политехнический институт – одно из первых высших учебных заведений Северного Кавказа, возникших после революции, во многом обязан своим возникновением группе профессоров и инженеров, приехавших в Екатеринодар из Петербурга и Москвы [19, с. 11].

Осенью 1919 г. в период наиболее тяжелых боев с армией ВСЮР А. И. Деникина в г. Ставрополе был открыт Ставропольский губернский сельскохозяйственный институт. Его созданию также поспособствовала бежавшая из центра интеллигенция. Было создано Ставропольское общество содействия распространению сельскохозяйственного, технического, экономического знания на Северном Кавказе. В состав группы интеллигенции, занимающейся созданием вуза, входили представители губернского земства и городского управления возрожденного при белых – А. А. Карелин, А. А. Календарь, Р. Р. Глиндзич, профессор М. А. Шапошников. Входил в него и один из основателей Ставропольского краеведческого музея – Г. К. Праве. На должность ректора избрали профессора В. А. Савича. После поражения белых армий вуз сохранился и был признан советской властью [5, л. 3–19].

Многие представители интеллигенции идентифицировали себя со страной и народом, переживающим нелегкие испытания. В итоге, и революция и гражданская война не помешали, подавляющему большинство интеллектуалов, в силу своего «жертвенного» отношения к стране и к народу, смирилось с властью и приступить к возрождению страны. Поразительно как редактор Ставропольской газеты «Власть труда» социалист А. Г. Троицкий еще весной 1918 г. пророчески высказал уверенность, что образованные люди, интеллектуалы, специалисты, «все здоровые элементы страны, не отравленные ядом войны и партийности,... не откажутся служить и работать на пользу народу, в момент величайшей психологической, хозяйственной разрухи после войны» [21, с. 2].

Многие проявляли инициативу, еще в конце декабря 1917 г. возник Совет обсле-

дования и изучения Кубанского края, переименованный после официального признания в Научно-исследовательский институт. В 1921 г. Научно-технические комитеты, с привлечением дореволюционной интеллигенции открылись в Новочеркасске, Ставрополе, Краснодаре, Владикавказе и Пятигорске [14, л. 1–3].

После гражданской войны, на Ставрополье в феврале – марте 1920 г. интеллигенция, связанная с образовательной системой ощутила черты «советскости» одна из первых. Так, уже на втором заседании губернского отдела народного образования (Губотнаробра) от 14 марта 1920 г. обсуждали вопрос о преподавании «Закона Божьего» в учебных заведениях. Протокол оповещал о сохранении его преподавания для желающих его изучать до особого распоряжения, но за их счет. Этот протокол разрешал также, по желанию учащихся совершать молитвы перед началом и окончанием учения. Очевидно, что заведующая губернским отделом народного образования в этот период (Губотнаробра) М.К. Вальяно, судя по занимаемой должности и докладом на предмет политграмоты, прекрасно знала о Декрете об отделении церкви от школы. Тем не менее, не признавала за собой и отделом народного образования право окончательно и второпях разрушать основы религиозности, традиционные для школьного курса в царское время. В школах «временно, до особого распоряжения» сохранялись предметы религиозного почитания всех вероисповеданий. Более того, разрешались Богослужения в домовых церквях 1-й и 2-ой Советских школ г. Ставрополя до конца Пасхи [5, л.10].

В это время уже наблюдается более ошутимое советское регламентирование повседневности. Об этом свидетельствуют два похожих заявления от 24 мая 1920 г. сотрудников школьного подотдела Губотнаробра З. Фламана и С. Жежелина о том, что они участвовали в гражданских похоронах жертв белого террора и это могут подтвердить другие сотрудники отдела. Само действие было настолько важным для ревкома, что существовали списки участников шествия, в которых они должны были расписаться [13, л. 4–5]. Обязанность участвовать в праздниках в пространстве формируемой советской культуры, как известно, была и ритуалом и подтверждением благонадежности. Политическая подоплека очевидна. Не случайно исследователи

ритуала в советской культуре подметили семантическую связь митингов и демонстраций с партийными собраниями [1, с. 368–372]. Участие в митинге было доказательством единства с новой властью, в связи с чем отсутствие на нем вполне могло расцениваться как скрытая форма сопротивления.

Цели заявлений становятся более наглядными, когда читаешь о подозрении на «умышленный саботаж учителей» от 29 июля 1920г., призывам ревкома к чисткам учительского состава и к усиленному марксистскому политпросвещению новых учителей на педагогических курсах [9, л. 14]. Подозрения, очевидно, были небеспочвенны. Действительно, учителя в Ставропольской губернии после 1917 г., как и во многих регионах страны разделились по отношению к советской власти, и лишь часть интеллигенции поддержала ее [21, л. 1]. В связи с этим, не случайно открытие Медвежинского уездного учительского съезда от 30 апреля 1920 г. сопровождалось выступлением заведующего уездным отделом народного образования Н. И. Нарожного со словами надежды, что «интеллигенция не будет на стороне врагов народа, а станет авангардом в борьбе с невежеством и народной темнотой» [10, л. 2].

Время гражданской войны заставило многих представителей интеллигенции, как и всему народу, из двух зол выбрать меньшее и многие шли на сотрудничество с советской властью. Так, в губернский отдел народного образования входили видные представители интеллигенции города, многие из которых десятилетиями работали в школах и иных культурно-просветительных учреждениях Ставрополя. И. К. Савельев, А. Н. Смирнов, П. И. Ястребов много лет с 1912 г. преподавали в Ставропольском учительском институте. После завершения гражданской войны и установления советской власти в г. Ставрополе в январе 1920 г. работали учителями в советских школах 2-й и 3-й ступени. П. И. Ястребов кроме того до революции возглавлял учительский институт, а теперь стал рядовым учителем. Б. К. Крамаренко заведовал школьным подотделом высшего губернского органа в области образования и был председателем школьного совета Александровской и Ольгинской гимназий, ставших школами 2-ой ступени по советской образовательной реформе. В. А. Васильев совмещал руководство секцией

изобразительного искусства в Губотнаробре и работу в оркестре 1-ого советского театра [11, л. 45–46].

Известный специалист музейного дела в регионе Г. К. Праве возглавлял музейную секцию губернского отдела народного образования и созданный им музей [11, л. 47–48]. Все четырнадцать сотрудников были совместителями, и председатель губернского отдела народного образования М. К. Вальяно обращалась с просьбой в отдел труда и социального обеспечения об утверждении их в должностях, даже при совмещении. В противном случае работа Губотнаробра, школ и органов культуры, где работали указанные лица, была бы парализована. Последнее слово показывает важнейшую роль интеллектуальной элиты в становлении советского общественно-политического устройства в регионе после гражданской войны.

Созидательная работа по реформированию системы образования, расширению сети школ и других учебных заведений, учреждений культуры заставляла власть ставить прошлое представителей интеллигенции, их социальное происхождение на второй план. Глава правительства В. И. Ленин уже в середине 1918 г. говорил о необходимости «экспроприировать» интеллигенцию, «подчинить советской власти», «победить, переделать, переварить, перевоспитать... и учиться», под надзором [20, с. 137]. Именно «учиться» стало особенно актуальным после завершения гражданской войны. Восстановление экономики, преодоление разрухи, повышение общекультурного уровня, формирование «нового человека» – все требовало интеллектуального труда. В провинции катастрофически не хватало специалистов и на их социальное происхождение в первой половине 20-х гг. закрывали глаза.

Очень характерно как в июне 1920 г. в г. Ставрополе военным комиссаром был отпущен из-под ареста учитель Н. А. Костин, бывший дореволюционный чиновник. Ходатайствующие о нем партработники писали в прошении о его освобождении: арест учителя по русскому языку «приостановил на неопределенное время» работу педагогических курсов. Это наносит вред всему «нарождающемуся крестьянскому учительству» [6, с. 4].

Интеллектуалы включились в реформирование системы образования города

Ставрополя. Среди других учебных заведений из духовных учреждений в советские школы были преобразованы мужская семинария, епархиальное женское училище, Иоанно-Мариинская церковно-приходская школа [8, с. 4]. Богословские дисциплины исключались из учебных планов, из библиотек изымались книги религиозного содержания, противоречащие атеистической идеологии советской власти. Во всем остальном, по программе общеобразовательных дисциплин, школы сравнились с единой трудовой школой. Преподаватели общеобразовательных дисциплин бывших духовных учебных заведений принимались на службу в новые советские школы. На них ложилась тяжесть преобразовательного процесса.

Между тем, учителей не доставало для полноценной организации работы школ, пунктов ликбеза и эту проблему решали всевозможными краткосрочными и более длительными учебными курсами. На недостаток учителей жаловались и уезды. В с. Медвежье, например, первая попытка решить проблему созданием краткосрочных политико-просветительских и общеобразовательных учительских курсов относится к августу 1920 г. Постоянно сталкиваясь с проблемой поиска кадров для школьного, дошкольного и внешкольного образовательных процессов уездный отдел народного образования организовал и трехгодичные, постоянные педагогические курсы в с. Песчаннокопском. Летом 1920 г. в Ставрополе были организованы курсы по педагогическому образованию, на которых проходили подготовку 150 человек со всей губернии. Бывшая Иоанно-Мариинская церковно-приходская школа была преобразована в учительскую семинарию 2-й степени для подготовки учителей для первой степени советской школы [9; 10].

Кроме того, для решения «учительской проблемы» ставропольский учительский институт 6 мая 1920 г. был причислен к учебным заведениям третьей степени, то есть к высшим учебным заведениям [11, с. 26]. Следовательно, архивные данные свидетельствуют о форсированном способе решения проблемы образования и пополнения учительских кадров. Это отразилось и на коротких сроках обучения и на сокращенных программах педагогических курсов, которые предусматривали в первую очередь политическое просвещение

уже имеющих образование в той или иной мере лиц.

Власти не строили иллюзий по поводу качества подготовки таких «ускоренных специалистов». Ставя задачу решить ускоренными темпами проблему культурных преобразований, повышения образовательного уровня населения, строители нового общества понимали неизбежность определенных потерь. В частности, в одном из своих выступлений нарком просвещения А. В. Луначарский образно выразил это следующим образом. Если мы (большевики) будем ждать, пока нормальным образом будут проходить через низовые школы новые студенты и превратятся в новую интеллигенцию «солнце взойдет тогда, когда роса выест нам глаза» [22, л. 37]. Иначе говоря, заря нового дня, нового времени с высоким уровнем культуры населения никогда не наступит, или, по крайней мере, ее не увидят реформаторы-современники.

Интеллигенция в таких условиях, тем не менее, стремилась к качественной работе, качественному обучению путем добросовестного отношения к учебному процессу, сохранению книг и пополнению библиотечных коллекций. Поразительно, что в это переходное время предпринимаются действия к охране архивного наследия. Наблюдается активная позиция интеллигенции по сохранению и преобразованию культуры провинциального города. В тяжелых условиях послевоенного времени интеллигенция мечтала о возможности продолжать свою работу на пользу своего народа в «сносных условиях». В частности, глава школьного подотдела Б. К. Крамаренко у которого в квартире отсутствовало электричество просил выдать ему керосина «для возможности разрабатывать после работы по вечерам занятия». Учитель В. Н. Роскиков просил защитить от реквизиции «рабочее имущество»: письменный стол и шкаф с книгами по специальности [4; 12]. Удивительно, как в этих людях, живших сто лет назад можно узнать себя, также сидящего по ночам за лекциями.

В целом, интеллигенция Северного Кавказа и Ставрополя в 1920 г., как и провинциальная интеллигенция по всей России после окончания гражданской войны, включилась в созидательную работу. Сотрудничество интеллигенции и власти строилось на взаим-

ной прагматической заинтересованности. Со стороны власти оно определялось прагматической потребностью в специалистах, в интеллектуальном труде для реформирования системы образования, культуры, восстановления промышленности. Интеллигенция надеялась на глубокие преобразования на пользу народа со стороны советской власти и постепенное смягчение политического режима.

Любопытный документ отражает настроения провинциальной рядовой интеллигенции – это заявление в Ставропольский губернский отдел народного образования от 29 апреля 1920 г. техника 5 участка Армави-ро-Туапсинской железной дороги 29 летнего Ивана Андреевич Акулова. Окончивший Владикавказское Техническое училище, семейный техник писал, что хочет быть народным учителем. Просил дать возможность работать на этом поприще, изъявлял желание пройти подготовку на курсах учителей. Просил назначить народным учителем «в деревню и только в деревню, где нескончаемый край работы и где я действительно могу принести пользу революции и человечеству». В этом он видел реальную пользу, которую от интеллигенции можно принести на поприще просвещения и «пробуждения деревни ото сна» [12, л.15]. Боль за родную страну, понимание ответственности за народ и ответственная гражданская позиция прослеживается в его словах.

Представляется, что в это время складывалось одно из психологических качеств советской интеллигенции. Оно заключалось в принятии условий со стороны власти и подчинение этим условиям. Пережитая гражданская война, методы подавления, чрезвычайщины, искоренения свободомыслия и насаждение социалистической идеологии способствовали формированию качества, характерного для новой советской интеллигенции, заключающейся в подчинении, послушании. Возможно, это было внешнее, показное послушание, используемое в целях самосохранения. Однако многим пришлось освоить марксистскую идеологию, чтобы обеспечить себе психологически приемлемую нишу в советской системе. Практика взаимоотношений власти и интеллектуалов нашла отражение в повседневности начала 1920-х гг.

Литература

1. Барбашин М. Ю. Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Политика и общество. – 2013. – № 3.
2. Булыгина Т. А., Романов В. В. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией на Ставрополье и Тереке в 1920-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. – 2014. – № 1.
3. Бухарин Н. И. Революция и культура. – М.: Фонд Бухарина, 1993.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р.-89, Оп. 1. Д.2.
5. ГАСК.Ф.Р.-164. Оп.1. Д.2.
6. ГАСК.Ф.Р.-164. Оп.1. Д.6.
7. ГАСК.Ф.Р.-164. Оп.1. Д. 10.
8. ГАСК.Ф.Р.-164. Оп.1. Д.14.
9. ГАСК.Ф.Р.-164. Оп.1. Д.15.
10. ГАСК.Ф.Р.-164. Оп.1. Д.16.
11. ГАСК.Ф.Р.-164. Оп.1. Д.21.
12. ГАСК.Ф.Р.-164. Оп.1. Д. 46.
13. ГАСК.Ф.Р.-164. Оп.1. Д. 48.
14. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р.-1019, Оп. 1, Д. 728.
15. К вопросу о положении специалистов и об отношении к ним // Инженерный труд. – 1925. – № 4.
16. Каймаразов Г. Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. – М.: Наука, 1988.
17. Колоницкий Б. И. Идентификации российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец XIX – начало XX вв.) // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. – М.: ИВИ РАН, 2001.
18. Конституция РСФСР 1918 г. // Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской конституции. – М.: Политиздат, 1987.
19. Куценко И. Я. Куб. ГТУ. Кубанский Государственный технологический университет. История и современность. – Краснодар: КубГТУ, 1999.
20. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. // Полное собрание сочинении. – М.: Госполитиздат, 1962. Т. 36.
21. О заседании городской думы // Власть труда. – 1918. – № 2. – 5 апреля.
22. Российский государственный архив социально-политической информации. Ф. 142. Оп. 1. Д. 188.
23. Северокавказское слово. – 1917. – № 846. – 31 декабря.
24. Сенявский А. С. Повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы. // Повседневный мир советского человека в 1920-1940-х гг. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.
25. Советы // Власть труда. – 1918. – № 1. – 4 апреля.
26. Что такое «спец» // Инженерный труд. – 1925. – № 2.
27. Хачиров А. О формировании осетинской интеллигенции. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964.
28. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. – 2009. – № 8.

УДК 94(450).042

В. В. Тимченко

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ ZOFONES И ЕГО РОЛИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ ИТАЛИИ XIII–XIV вв.

Раскрываются наиболее характерные черты такого свойственного многим городам Северной и Средней Италии XIII–XIV вв. рода войск как *zofones*. Основное внимание уделяется принципам их комплектования, функциям

на поле боя, наступательному и оборонительному вооружению, социальному положению входивших в него бойцов.

Ключевые слова: Средние века, коммунальная милиция, компании Удачи, пополаны.

V. V. Timchenko

ON THE QUESTION ABOUT THE INSTITUTE OF ZOFONES AND ITS ROLE IN THE ARMORED TROOPS OF THE CITIES OF NORTH AND CENTRAL ITALY IN XIII–XIV CENTURIES

The article examines characteristic features of *zofones*, which were a kind of armed forces typical of many cities of Northern and Central Italy in the XIII–XIV centuries. It focuses on the principles of their recruitment, functions

on a battlefield, offensive and defensive arms and social status of warriors.

Key words: the Middle Ages, communal militia, soldiers of Fortune, *popolans*.

При изучении военной истории этого региона представляется возможным выделить разнообразные, взаимосвязанные и сочетающиеся друг с другом вооруженные формирования различного происхождения, социального состава и тактико-стратегического потенциала [7, р. 109]. Прежде всего, фиксируются коммунальные ополчения. О них имеется упоминание у флорентийского купца, хрониста и государственного деятеля Джованни Виллани (1274–1348), например, в связи с конфликтом 1229–1230 гг. между его родным городом и Сиеной: «...флорентийцы собрали всеобщее ополчение и 31 мая 1230 года выступили с карроччо (повозка со знаменем, двигавшаяся с ополчениями некоторых городов Италии во время их выступления в поход, а также используемая в ходе разного рода церемоний [6, р. 10–15] – В. Т.) против Сиены. Они прошли мимо нее в Санкирико а Розенна, разрушили Виньонскую купальню, затем прошли по долине Орчи до Радикофани и переправились через Кьяну, чтобы разгромить перуджинцев, помогавших сиенцам» [1, с. 137].

В качестве одной из главных составляющих войск большинства государств на территории Апеннинского полуострова можно назвать кондотьерские «компании Удачи» (ит. – *compagnie di Ventura*) [5, р. 49]. Они

представляли собой наемные вооруженные отряды, возглавляемые капитанами-кондотьерами, состоявшие как из конных, так и из пеших воинов [2, с. 498]. Например, в анонимной «Хроникетте», рассказывающей об истории города на Арно с 1301 по 1378 г., говорится, что в 1377 г. флорентийцы наняли кондотьера-англичанина Джона Хоквуда (1320–1384) с «800 копьями и другими англичанами-лучниками» [4, р. 211–212].

В рассматриваемый период на Севере и в Центре Апеннинского полуострова также отмечается наличие легкой кавалерии. Термин «*berrovieri*» (ит. – булавоносцы), применявшийся для обозначения таких конников, известен с третьего десятилетия XIII в [10, р. 128]. Эти сражавшиеся верхом воины обычно рекрутировались из числа жителей городов или их округ-контато (ит. – *contado*) и были представлены во многих коммунальных войсках. Такие бойцы упоминаются Дж. Виллани. Например, он пишет, что в 1251 г. «изгнанные из Флоренции гибеллины вторглись вместе с немецкими отрядами и взбунтовали против флорентийской коммуны замок Монтая в Вальдарно», для противодействия им туда «отправилась конница четырех сестер» [1, с. 166]. Причем, в данном случае хронист отделяет эту «конницу четырех сестер» от

рыцарской кавалерии, пушенной в дело флорентийцами уже после разгрома описанных выше бойцов [1, с. 167]. Следовательно, упоминаемый им род войск и есть не что иное, как *berrovieri*.

Вероятно, на булавоносцев во многом походили т.н. *scutiferi* (ит. – вооруженные слуги), которые встречались на итальянском театре военных действий уже в XII в. Одинаковыми были вооружение и функции, но они различались по социальному статусу [10, р.189]. В отличие от рассмотренных выше вооруженных людей, *scutiferi* предоставляли свою службу синьору взамен условного феодального держания [10, р. 190]. О подобного рода бойцах упоминает Дж. Виллани, когда говорит, что во второй половине XII в. (точная дата не называется) знатный житель контадо по имени Джованни, имевший кровную вражду со своими соседями, «с группой вооруженных всадников приехал во Флоренцию и встретил около церкви Сан Миньято-а-Монте своего противника, убийцу брата, и тот, застигнутый врасплох, бросился к ногам Джованни Гвальберти и, сложив руки крестом, просил у него пощады ради Иисуса Христа, на кресте распятого» [1, с. 91]. К легкой кавалерии, использовавшейся городами-государствами Севера и Центра Апеннинского полуострова, также можно причислить и «200 конных лучников», от которых в 1376 г. «потерпели большой ущерб» люди Джона Хоквуда, служившего на начальном этапе войны «Восьми святых» (1375–1378) папскому государству и вторгшегося в округу города на Арно [4, р. 208–209].

Еще одной категорией воинов, могших быть отнесенными к флорентийской легкой кавалерии, являлись выбранные в качестве объекта настоящего исследования *zofones*. Последние добровольно сражались вместе с коммунальными ополчениями и находили компенсацию своим действиям в добыче, являясь по существу нерегулярными войсками [10, р. 197]. Возможно, такого рода всадники имеются в виду во входящем в изданную в 1889 г. итальянским исследователем Чезаре Паоли «Книгу Монтаперти», включающую документальные источники, касающиеся войны между Флоренцией и Сиеной 1259–1260 гг., постановлении флорентийского Подеста от 3 марта 1259 г. Среди войск, размещенных в контадо города на Арно, помимо различных

составных частей ополчения и наемников, в нем упоминаются также «Другие пополаны (от ит. *popolo* – народ – горожане незнатного происхождения – В. Т.), которые имеются», последние, согласно этому документу, «должны быть выделены в отдельную категорию» [9, р. 41]. И так как эти пополаны не были ни наемниками, ни лицами, служащими в коммунальной милиции, ни, судя по всему, гарнизоном какого-либо замка флорентийской округи, то, вероятно, они являлись *zofones*.

Всегда готовые участвовать в продуктивных налетах и рукопашных схватках, они действовали верхом вместе с уже упоминавшимися берровьери, а могли и как пешие бойцы [3, р. 244–248]. Воины этого типа имели сходные с булавоносцами легкость и подвижность, делавшие их весьма эффективными в набегах. Так, продолживший хронику старшего брата Маттео Виллани (ум. 1363) утверждал, что, помимо всадников и пехотинцев, во вторгшейся в 1354 г. в контадо Флоренции «компании» кондотьера Монреалья д'Албарно (которого итальянцы называли Фра Мориале) находилось «более 2000 мародеров... которые следовали за компанией, чтобы творить преступления и пастись на падали» [11, р. 316]. О том, что, по крайней мере, часть этого контингента имела сколь-нибудь приемлемое наступательное и оборонительное вооружение говорит следующая фраза: «согласно порядку, заведенному у них фра Мориале, они могли бы принести большую помощь и службу» [11, р. 317]. Следовательно, эти «мародеры», участвовавшие в отряде ради захвата добычи, хотя бы частично, являлись вооруженными людьми, имеющими некие зачатки военной организации, вероятно, конными, то есть, *zofones*. Так что, в том числе благодаря воинам подобного рода, «компания» могла беспрепятственно продвигаться «по контадо, захватывая добычу и сжигая везде, где им хотелось, не встречая сопротивления» [11, р. 317–318].

Участвовали они и в иных военных операциях. Например, Дж. Виллани, говорит, что во время осады флорентийцами Пизы в 1251 г. на подмогу осажденным прибыло войско, имевшее следующий состав: «отряды рыцарей из Сиены и Пизы, а также много пополанов из сиенского контадо, в то время стоявших за гибеллинов (подобно пизанцам и сиенцам – В. Т.), и поэтому война флорентий-

цев с сиенцами и пизанцами возобновилась» [1, с. 66]. Основываясь на приведенном фрагменте, можно заключить, что во-первых, упомянутые Дж. Виллани «пополаны из сиенского контадо», согласно хронисту, не были наняты или призваны сиенскими властями, и не находились в какой-либо степени зависимости от рыцарей, также действовавших в рамках этой операции. Они приняли участие в конфликте лишь потому, что, подобно пизанцам, имели гибеллинскую ориентацию, следовательно, выступили в поход добровольно. Еще больше нас убеждает в этом факт малой эффективности использования сельских элементов в коммунальной милиции. Подтверждение этого находим в датированном 15 июня 1260 г. распоряжении флорентийского Подеста «Об арбалетчиках и лучниках», в этом документе прямо говорится, что «в городе и контадо должны служить в качестве арбалетчиков горожане, жители контадо освобождаются от этой службы, и арбалетчики, потерянные таким образом (в результате этой реформы – В. Т.), должны быть заменены другими» [8, р. 100]. Таким образом, судя по приведенному отрывку, боевая эффективность воинов, набираемых в контадо, была настолько низкой, что флорентийские власти вынуждены были не только отказаться от их призыва на военную службу, но и освободить от нее тех жителей округа, что уже состояли в ополчении.

Указанное обстоятельство также может быть свидетельством того, что пополаны, о которых пишет Дж. Виллани, не являлись ополченцами. Далее, оперативное, одновременно с рыцарями, прибытие этих *contadini* (ит. – жители контадо) к месту боевых действий говорит нам о том, что они сражались

конными. И, наконец, для них, не бывших ни наемниками, ни рыцарскими слугами, ни, судя по всему, ополченцами, призванными в порядке, регламентировавшем коммунальные статуты, основным стимулом для участия в битве должна была являться материальная заинтересованность в захвате добычи. Следовательно, эти бойцы были, скорее всего, *zofones*.

Таким образом, на основе вышеизложенного, мы можем утверждать, что *zofones* являлись иррегулярными вооруженными формированиями, по типу экипировки и способу действий приближавшимися к двум распространенным в Северной и Средней Италии XIII–XIV вв. типам легкой конницы – *berrovieri* и *scutiferi*. От этих, последних они отличались тем, что не были ни лицами, призванными в коммунальное ополчение, как булавоносцы, ни вооруженными слугами влиятельных персон, как *scutiferi*. Бойцы этого типа добровольно участвовали в военных операциях ради доли в добыче.

Спектр их применения был достаточно широк и включал в себя участие как в набегах с целью разорения вражеской территории, так и в полевых сражениях и операциях, связанных со штурмом, осадой и обороной крепостей.

Zofones, судя по всему, достаточно часто и в немалых количествах следовали во время походов за отрядами коммунальной милиции. Данное утверждение подтверждается тем, что они упоминаются в документации, составляемой лицами, ответственными за действия ополчений. Хронистами также отмечаются их совместные действия с отрядами кондотьеров.

Литература

1. Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции / пер. с ит., статья и примечания М. А. Юсима. – М: Наука, 1997.
2. Контамин Ф. Война в Средние века. – СПб.: Ювента, 2001.
3. Artimoni E. I ribaldi. Immagini e istituzioni della marginalità nel tardo medioevo piemontese // Piemonte medievale. Forme del potere e della società. Studi per Giovanni Tabacco. – Torino, 1985.
4. Cronichetta d'incerto 1301–1378 // Cronichette antiche di vari scrittori. – Firenze, 1733.
5. Da Mosto A. Ordinamenti militari delle soldatesche dello Stato Romano dal 1430 al 1470. – Roma, 1903.
6. Gonfalonierius et Pedites Carroccii // Libro di Montaperti. Pubbl. di Cesare Paoli. – Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. T. IX).
7. Mallet M. Mercenaries and their masters. Warfare in Renaissance Italy. – L., 1974.
8. Pro balistariis et arcatoribus // Libro di Montaperti. Pubbl. di Cesare Paoli. – Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. T. IX).

9. Quod omnes homines comitatus esse e tre digidebeant et servire cum illo sextu de quo sunt in faciendis servitiis de ballistis, arcis et palis, et marris et mercato // Libro di Montaperti. Pubbl.di Cesare Paoli. – Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. T. IX).
10. Settia A. A. Comuni in guerra. Armied' eserciti nell'Italia delle citta. – Bologna, 1993.
11. Villani M. Cronica // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. I-X. – Trieste, 1858.

УДК 629.54+629.55:94(436)

М. С. Чернов

РАЗВИТИЕ МОРСКОГО И РЕЧНОГО СУДОСТРОИТЕЛЬСТВА И СУДОХОДСТВА В АВСТРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматриваются условия, влияющие на развитие судоходства и судостроения, анализируются радикальные изменения в структуре торгового флота Австрии: влияние парового флота, соотношения морского и

речного судоходства, роль государства в данном секторе экономики.

Ключевые слова: судостроение, парусные суда, пароход, торговый флот, судостроительные торговые компании, торговый порт.

M. S. Chernov

THE DEVELOPMENT OF MARINE AND RIVER SHIPBUILDING AND NAVIGATION IN AUSTRIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

The article examines the conditions affecting the development of navigation and shipbuilding, radical changes in the structure of the merchant fleet of Austria: the impact of the steamship fleet, the ratio of marine and river

navigation, the role of the state in this sector of the economy.

Key words: shipbuilding, sailing ships, steam ship, merchant fleet, shipbuilding trading company, commercial port.

В последней трети XIX в. в Австро-Венгрии высшее политическое руководство не сомневалось в необходимости усиленного развития морского флота, понимая, что без этого невозможно будет сохранить ведущие экономические позиции империи на Ближнем Востоке и на Балканском полуострове.

Австрия имела довольно продолжительную береговую линию в Далмации и в Истрии, но австрийская половина империи Габсбургов обладала только одним портом Триестом, после потери в 1866 г. Венеции. Триест служил главными морскими воротами Австрии, постоянно конкурируя с венгерским портом Фиуме (Риека) [2, Л. 5]. Регулярное морское сообщение между Триестом и портами Османской империи устанавливается с 1831 г., а с Марселем с 1851 г. [18, с. 22]. С этого момента Австрия разрушила доминирование британских и французских судов в Восточном Средиземноморье. Быстрому развитию Триеста в середине XIX в. способствовали два обстоятельства.

Первое – открытие в 1857 г. железной дороги, связавшей город с Веной и внутренними районами Дунайской империи, что значительно удешевило перевозку грузов в порт Триеста. Второе – открытие в 1869 г. Суэцкого канала, сделавшего доступным быстрое и удобное сообщение стран Средиземноморья с государствами, находившимися в бассейне Индийского и Тихого океанов. На всем протяжении последней трети XIX – начала XX вв. правительство Австрии заботилось об обустройстве порта в Триесте, где были построены новые доки, портовые сооружения, верфи, склады и т. д. [21, с. 249]. Французский инженер П. Тальбо организовал в порту современную систему проведения разгрузочно-погрузочных работ. В 1890 г. рядом с портом строится гидроэлектростанция, что позволило электрифицировать значительную часть портовых сооружений. Новое дыхание порт получает в 1909 г. с завершением строительства Альпийской железной дороги, которая позволила

значительно увеличить поток грузов и пассажиров в порт.

Появление пароходов радикальным образом меняет ситуацию с морскими и речными перевозками в мире. Они становятся быстрее, качественнее и комфортабельнее. Пароходы довольно быстро начинают вытеснять парусные суда, особенно это касалось австрийской половины империи. В 1880 г. в Австро-Венгрии тоннаж пароходов составлял 80 тыс. т., а парусных судов 420 тыс. т. В 1894 г. тоннаж пароходов увеличился до 130 тыс. тонн, а парусников сокращается до 120 тыс. тонн [25, S. 21]. В Европе по общему тоннажу торгового флота Австро-Венгрия занимала шестое место, уступая Великобритании, Германии, Франции, Италии и России. В то же время Австро-Венгрия наряду с Великобританией, Германией и Францией вошла в число стран, где в 1894 г. тоннаж пароходов превысил тоннаж парусных судов [25, с. 21].

Первые успехи Австрии в деле развития морского судоходства нашли реальное воплощение в росте объемов перевозимых пассажиров и грузов ее пароходами [19].

Крупнейшей судоходной компанией Австрии являлся «Австрийский Ллойд». Компания создается в 1833 г. в Триесте бароном К. Л. фон Бруком как страховое общество. С 1836 г. оно переориентировалось на судоходство. Свой новый бизнес «Ллойд» начал с одного парохода, совершавшего рейсы между Венецией и Триестом. В этом же году принимается решение о строительстве шести пароходов. 12 апреля 1837 г. в Триест прибыл первый современный пароход «Эригерцог Людвиг», построенный по заказу компании в Великобритании. С 1844 г. «Ллойд» связал Триест со Стамбулом и Смирной, в октябре 1869 г. с Бомбеем и Порт-Саидом, в 1879 г. с Коломбо, в начале 1880 г. с Сингапуром и Гонконгом, с 1881 г. с Нью-Йорком и Рио-де-Жанейро. Правда нью-йоркский рейс оказался убыточным, поэтому он некоторое время не совершался, такая же участь постигла в 1885 г. рейсы в Бразилию. Позже при поддержке правительства все данные маршруты были восстановлены. Самыми прибыльными являлись маршруты до Бомбея и Александрии. В начале XX в. австрийские пароходы налаживают регулярное сообщение Триеста с Басрой, нарушив полное господство британского торгового флота в зоне Персидского залива [3,

с. 222]. Более того «Ллойд» начинает осуществлять рейсы между Басрой и Стамбулом.

В 1861 г. «Ллойд» строит собственный док в Триесте и начинает заниматься судостроением. В 1865 г. на этом доке был построен первый австрийский пароход «Австрия». Об успехах компании свидетельствовал тот факт, что во время открытия Суэцкого канала в этом мероприятии принимали участие три его парохода. Символом успехов компании становится ее новая штаб-квартира, построенная в Триесте в 1880–1883 гг. с учетом последних достижений архитектуры конца XIX в. До наших дней это здание является одним из красивейших сооружений города.

К 1894 г. «Ллойд» владел 74 пароходами, связывали Австрию с 22 портами мира. В этом году «Ллойд» начинает новый для себя бизнес – совершение морских туристических круизов по Адриатическому морю. К 1907 г. данный вид деятельности занимал прочные позиции в бизнес-плане компании, принося ей неплохую прибыль. В 1894 г. «Австрийский Ллойд» проводит серьезную реорганизацию, направленную на повышение эффективности своей работы. Предпринимаются меры по сокращению длительности плавания и улучшению качества услуг, предлагаемых пассажирам и грузоперевозчикам. Даже в начале XX в., когда тарифы «Австрийского Ллойда» были выше тарифов конкурентов из Германии и Италии, многие европейцы предпочитали плавать кораблями «Ллойда», поскольку они отличались комфортом и замечательной кухней. Кроме этого австрийские суда имели, как правило, больший тоннаж, в сравнении со своими конкурентами [14, с. 66]. Для успешного противостояния с конкурентами компания принимает решение о строительстве четырех новых пароходов «Габсбург», «Богемия», «Клеопатра», «Семирамида».

После создания дуалистической монархии компания с 1872 г. получила название «Австро-Венгерский Ллойд», планировалось, что она станет крупной общеимперской компанией, но после того как Венгрия взяла курс на развитие собственного мореходства и разорвала связи с «Ллойдом», он вновь с 1891 г. получил название «Австрийский» [1, Л. 158].

В начале XX в., суда компании совершали рейсы в порты Аравийского моря, Калькутту, Австралию, Батавию, Киото и в другие регионы мира. На рубеже XIX–XX вв.

«Австрийский Ллойд» организовал регулярные рейсы в Одессу (один раз в две недели) и в Батум (еженедельно) [22, с. 269]. В Тифлисе представительство «Австрийского Ллойда» находилось по адресу ул. Бебутовская № 61 [11]. Аналогичный офис компании располагался в Батуми по адресу пр. Торговый № 9. В Одессе офис «Австрийского Ллойда» располагался на ул. Ланжероновской № 13. Компания себя позиционировала как «самый дешевый путь для эмигрантов в Северную и Южную Америку» [12]. Данный рекламный ход должен был привлечь россиян, желавших покинуть Россию в поисках лучшей доли на судах «Ллойда». Последним успехом «Австрийского Ллойда» стало открытие маршрута в Шанхай в 1912 г.

Компания постоянно получала субсидии от государства, в том числе на постройку новых судов, открытие новых маршрутов, за увеличение скорости движения судов и т. д. Правительство контролировало тарифы на морские перевозки. Субсидии выплачивались ежемесячно в виде отдельных траншей. В австрийском бюджете 1906 г. из запланированных 9,3 млн крон: 5,8 млн крон выделялось в качестве компенсации за открытие новых линий и поддержку уже существующих, 2 млн крон составлял возврат средств, выплаченных компанией за пользование Суэцким каналом [15, с. 454].

В начале XX в. «Ллойд» столкнулся с острой конкуренцией со стороны германских и итальянских судоходных компаний. Особенно опасными для «Австрийского Ллойда» являлись действия германской компании «Deutscher Levante Linie», созданной в 1890 г. Она, используя гибкую тарифную политику, предлагала клиентам тарифы ниже в сравнении с «Ллойдом» [4, с. 167]. В тоже время австрийские экспортеры не раз обвиняли «Ллойд» в отсутствии гибкой тарифной сетки [5, с. 669]. Германии удалось существенно потеснить позиции «Ллойда» в портах Средиземного и Черного морей. Даже Россия в начале XX в. активизировала свои усилия для завоевания рынка морских перевозок в Восточном Средиземноморье [13, с. 175]. В Великобритании был построен специальный пароход «Петр Великий», отвечавший всем мировым стандартам для осуществления рейсов между Одессой и Александрией [17, с. 55]. Поэтому Ллойд затребовала от государства дополнительные субсидии [15, с. 226]. Правда на этой

почве между компанией и правительством возникла оживленная дискуссия, вылившаяся на страницы ведущих изданий страны. Правительство полагало, что чрезмерная государственная опека подрывала эффективность деятельности компании. Отсюда государство брало на себя страхование рисков, связанных с открытием новых судоходных линий, не собиралась оплачивать расходы, связанные с просчетами менеджмента компании.

В 1907 г. правительство и «Ллойд» заключили новый договор, по которому сумма ежегодных субсидий увеличивалась на 2,5 млн крон. За это «Ллойд» обязался перевозить в обязательном порядке почтовую корреспонденцию и в случае войны предоставить в распоряжение государства свои суда. Кроме этого в договоре оговаривалось количество рейсов совершаемых «Ллойдом» в течение года. Наиболее значимые для Австро-Венгрии порты, в том числе 104 рейса в Александрию, 52 в Стамбул, 20 в Бомбей, 12 в Восточную Африку, 12 в Японию, 12 в Калькутту, 8 в Бразилию, еженедельный рейс между Стамбулом и Александрией с заходом в порты Палестины и Ливана. Кроме этого правительство согласилось на снижение стоимости акций «Ллойда» с 1050 крон до 650 крон с последующим выпуском 69 тыс. новых акций, что должно было существенно пополнить уставной капитал «Ллойда», приблизив его к отметке 27,6 млн крон. Особо в договоре 1907 г. оговаривалась модернизация судов компании.

В 1906 г. Австрийский промышленный совет установил новые требования на получение от государства компенсации за постройку новых судов. На ее получение претендовали суда, построенные в Австрии, и где при постройке судна местные материалы составляли не менее 50 %. В этом случае полагалось получение компенсации из расчета 6 крон за 100 кг. если доля отечественных материалов увеличивалась, то компенсация достигала 9 крон за 100 кг [9, с. 456]. На получение компенсации корабли, построенные за границей, могли претендовать при двух условиях. Первое, если при потере судна австрийские верфи не могли принять срочный заказ на его выполнение. Второе, если иностранные верфи имели возможность быстро и качественно построить судно, но не дешевле 7 % от стоимости, предложенной судостроителями Австрии. Следует подчеркнуть, что австрийские верфи зачастую

не могли принять все заказы на строительство судов, ввиду полной занятости производственных мощностей. К тому же крупнейшая верфь Триеста Акционерного общества «Stabilimento Tecnico» постоянно задействовалась под строительство военных судов для ВМФ Австро-Венгрии. Поэтому судоходным компаниям Цислайтании нередко приходилось размещать свои заказы на верфях Великобритании и Италии [6, с. 42–43]. В 1908 г. «Австрийской Ллойд» требовал разрешения на строительство новых скоростных пароходов на верфях Великобритании [22, с. 269].

В 1909 г. «Австрийский Ллойд» отказывается от совмещения судоходной деятельности и судостроения для оптимизации своей инвестиционной деятельности. Оставив себе только док для ремонта кораблей, компания продала судостроительные предприятия АО «Stabilimento Tecnico». Это решение себя полностью оправдало с экономической точки зрения, как и другое стратегическое решение «Ллойда». Компания осознает необходимость строительства кораблей под определенные маршруты, понимая, что универсальность судов не всегда себя оправдывает при варьировании рейсов.

В течении 1907–1910 гг. компания планировала при помощи государства построить 15 новых пароходов. В случае получения значительной прибыли правительству полагалась треть суммы, а остальная прибыль оставалась у компании. По договору 1907 г. менялась система управления компанией. Председатель правления и два члена правления из 12 назначались правительством. Штаб-квартира компании располагалась в Тресте, а заседания акционеров следовало проводить в Вене. Однако вскоре свою штаб-квартиру «Ллойд» переводит в Вену.

Накануне первой мировой войны компания построила или заложила самые крупные свои суда, в том числе «Габлонц» (вошел в строй в 1912 г.), водоизмещение 8448 тонн, «Мариенбад» (1913 г.), водоизмещение 8443 тонн, «Краковия» (1916 г.), водоизмещение 8051 тонн, «Вена-3» (1911 г.), водоизмещение 7357 тонн, «Инсбрук» (1914 г.), водоизмещение 7077 тонн. В 1913 г. «Австрийскому Ллойду» принадлежало 62 судна, с общим тоннажем в 236 тыс. тонн.

В 1912–1913 гг. правительство Австрии предпринимает новые усилия по под-

держке морского судоходства и судостроения. Финансовая помощь выделялась для судов, где не менее 67 % команды комплектовалось гражданами Австрии, а сами суда были построены на отечественных верфях. С целью стимулирования обновления морского флота, компенсации выделялись только судам не старше 15 лет [10, с. 342]. В России очень внимательно следили за действиями австрийского правительства. Не раз представители судоходных компаний России приводили опыт Австрии в качестве аргумента в пользу необходимости оказания им государственной помощи.

В конце XIX в. монопольное господство «Австрийского Ллойда» в морских перевозках Австрии, несколько было поколеблено. В 1888 г. братья банкиры И. и Д. Морпурго арендовали у «Ллойда» три парохода для перевозки эмигрантов из Триеста в Бразилию. Этот бизнес не принес коммерсантам большой прибыли, пока они 10 ноября 1903 г. не открыли регулярный рейс из Триеста через Риеку, Венецию, Палермо, Неаполь, Алжир, Гибралтар в Нью-Йорк. В 1904 г. компания «Австро-Американа» уже имела 19 пароходов с общим тоннажем 61440 тонн [26]. Она полностью ориентировалась на перевозку эмигрантов из Триеста. Следует подчеркнуть, что в конце XIX – начале XX вв. Триест стал один из центров эмиграции жителей европейских стран в Северную Америку и в другие регионы мира. С 1903 по 1914 гг. компания перевезла 220 тыс. чел. или 83 % всех эмигрантов, выехавших из Триеста. Из них 40,4 % составляли жители австрийской половины империи, 16,3 % Венгрии, 4,4 % Боснии и Герцеговины, а остальные были выходцами из Российской империи, Румынии и других государств Балканского полуострова [26]. Среди австрийских эмигрантов доминировали жители Галиции (39,6 %), Далмации (26,5 %), Крайны (11,1 %). Почти половину эмигрантов из Венгрии составляли хорваты. «Австро-Американа» 73,5 % эмигрантов перевезла в США, 22,1 % в Южную Америку и 4,4 % в Канаду [26].

Действия частного бизнеса и правительства в целом увенчались успехом. К 1 ноября 1912 г. торговый флот Австрии составлял 347 пароходов и 1448 парусных судов с общим тоннажем в 442 тыс. тонн и экипажем 10,2 тыс. чел. [6, с. 41]. К началу XX в. пароходы заняли доминирующие позиции в морских

и речных перевозках Австрии. Однако наличие значительной береговой линии с множеством островов, где было невыгодно использовать большие суда, развитие рыбной ловли в Далмации способствовали сохранению парусного флота. В 1907 г. в Австрии насчитывалось 1416 парусных судов с общим тоннажем 27,5 тыс. тонн [7, с. 66].

Под воздействием модернизации мореходство в Австрии в тяжелом положении оказались судоходные компании Далмации. Они в основном были сосредоточены в Дубровнике и Сплите. Компании имели небольшие парусные суда, укомплектованные местными командами хорватских моряков. В 50–60-е гг. XIX в. далматинские компании переживали период расцвета, их суда совершали дальние плавания, снабжая империю Габсбургов индийским чаем и другими товарами, поступающими из Индии, Балкан, Ближнего Востока и Северной Африки. С 70-х гг. мореходство Далмации вступает в период глубокого кризиса [20, с. 64]. Оно не могло успешно конкурировать с крупными судоходными компаниями Австрии и Венгрии. Многие их хорватских моряков оказалось в портах Одессы, Новороссийска, Мариуполя, Таганрога, Ливорно, Марселя, Лондона и других портов в поисках лучшей доли. В 1908 г. представители местного бизнеса создали судоходный консорциум «Далмация», который должен был спасти далматинское мореходство. «Ллойд» не очень хотел брать на себя осуществление малорентабельных перевозок вдоль побережья Далмации, поэтому он поддерживал консорциум, его уставной капитал составил 7,5 млн крон, из них 2,5 млн выделил «Ллойд», из 40 судов консорциума 10 выделял «Ллойд» [16, с. 445]. Деятельность консорциума в целом оказалась удачной [20, с. 138].

Наличие Дуная и других рек способствовало развитию в стране речного судоходства. Первые пароходы на Дунае появляются в 1813 г. В марте 1829 г. в Австрии создается «Первая Дунайская судоходная компания». В 1830 г. ее пароход «Франц I» начинает совершать рейсы между Веной и Будапештом. В 1837 г. открывается вторая линия Вена-Линц, где курсировал пароход «Мария-Анна». В 1839 г. компания уже имела 7 пароходов, 10 речных барж и 3 буксира. К 1880 г. она являлась самой крупной в Европе речной судоходной компанией, имея в своем распоря-

жении 201 пароход и 750 барж. Она построила собственные верфи, пристани, купила угольные шахты. В 1889 г. компания превысила рубеж в 1,6 млн перевезенных пассажиров. Кроме Австро-Венгрии компания совершала рейсы по территории Германии, Румынии и Болгарии. Правда на рубеже XIX – начала XX вв. у нее появились серьезные конкуренты в лице венгерских, российских и румынских судоходных компаний, стремившихся потеснить позиции своих австрийских конкурентов. Тем не менее, к 1914 г. «Первая Дунайская судоходная компания» являлась ведущей компанией на Дунае, располагая 142 пароходами и 860 баржами с общим тоннажем в 479 тыс. тонн.

Правительство Австрии большое внимание уделяло расширению внутреннего речного судоходства, хотя активное железнодорожное строительство на некоторое время отодвинуло на второй план развитие каналов. Данному обстоятельству способствовало наличие в стране разветвленной сети судоходных рек. К тому же во многих регионах строительство железных дорог было малооправданным с экономической точки зрения [23, с. 367]. Зачастую получалось, что товары венских заводов было дешевле по железной дороге или р. Эльба доставить в гамбургский порт и довести до Аргентины, чем в Буковину [24, с. 239]. Поэтому речные перевозки могли решить многие транспортные проблемы внутри Австрии и соединить ее с Германией и Россией. Более того, Германия являлась основным внешнеэкономическим партнером Австрии. Железные дороги не могли в полной мере удовлетворить растущий поток грузов и пассажиров между двумя государствами.

При всех плюсах развития речного транспорта имелись и большие минусы, заставлявшие власти Австрии задумываться о строительстве каналов. Эльба способствовала вывозу грузов в Германию, так как по территории Австрии участок реки был практически не судоходным, Висла уходила в Россию, а далее к германскому порту Данциг. Таким образом, получалось, что внутренние районы империи были слабо соединены друг с другом с помощью речных систем, за исключением Дуная.

В июне 1901 г. парламент Австрии принимает закон, ориентированный на строительство в течение 20 лет сети каналов, способных соединить р. Дунай с р. Одером,

р. Молдаву с р. Дунай, Дунайско-Одерский канал с р. Эльбой и р. Вислой [8, с. 343]. Соединение Дуная с Вислой могло увеличить торговлю с Россией не только в приграничных, но и во внутренних районах Австрии. К 1904 г. завершаются проектные работы, и на этот же год было запланировано начало строительства первых очередей каналов. Однако этого не случилось. В государственном бюджете не оказалось необходимых средств, кроме этого стали всплывать новые обстоятельства. Смета расходов строительства только первой очереди каналов с первоначальных 348, 4 млн крон увеличилась до 554,4 млн крон, что вызвало шок среди финансистов и членов правительства [27]. Данное обстоятельство ставило под сомнение экономическую целесообразность и окупаемость многих, запланированных к строительству каналов.

Кроме этого экологические последствия новыхстроек с самого начала вызывали сомнения среди местных жителей и политиков. В ноябре 1904 г. 22 депутата Ландтага Штирии выступили с обращением о невозможности строительства в регионе каналов, признавая целесообразность строительства, только канала способного соединить Дунай с Триестом [8, с. 344]. До 1914 г. Австрия так и не смогла выполнить даже малую часть своих

амбициозных планов по строительству каналов, не имея для этого достаточных финансовых ресурсов.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в Австрии происходят радикальные изменения в структуре торгового флота. Пароходы вытесняют парусные суда, а морские перевозки отодвигают на второй план речное судоходство. Это было связано с ростом внешнеторговых операций Австро-Венгрии со странами Ближнего Востока, Северной Африки, бассейна Индийского и Тихого океанов. К тому же речной флот замыкался только в бассейне Дуная. Стратегическая задача расширения зоны действия речного флота с помощью построения сети каналов, так и не была решена к 1914 г. из-за нехватки финансовых ресурсов. Развитие морских перевозок стимулировала эмиграция подданных империи Габсбургов и соседних государств в США и в другие страны. Триест становится основным портом дуалистической Австрии, после потери империй Габсбургов Венеции в 1866 г. Соединение Триеста с помощью железных дорог с внутренними районами Австрии, открытие Суэцкого канала и строительство в городе современного порта способствовали существенному росту объемов торговых и пассажирских перевозок через Триест.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 576.
2. АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Д. 24.
3. Адамов А. Финиковый сезон 1902 г. в Басре // Сборник консульских донесений за 1903 г. – 1903 – Вып. III.
4. Арсеньев С. Торговля Германии за 1902 год, по отчету гамбургской торговой палаты // Сборник консульских донесений за 1903 г. – Вып. II. – 1902.
5. Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1901. – № 11.
6. Донесение императорского Российского Консула в Триесте в 1912 г. // Донесения Императорских Российских консулов за границей по торгово-промышленным вопросам. – 1913. – № 33.
7. Зак С. Социально-политические таблицы всех стран мира 1907 г. – СПб., 1907.
8. Иностранные известия // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1905. – № 9.
9. Иностранные известия // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1905. – № 13.
10. Иностранные известия // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1912. – № 47.
11. Кавказский календарь на 1912 г. – Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1911.
12. Кавказский календарь на 1913 г. – Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1912.
13. Крючков И. В. Экономические позиции Австро-Венгрии в Османской империи в контексте проблемы германской и российской конкуренции в последней трети XIX – начале XX вв. // Священная Римская империя, Германия и Россия в европейских конфликтах Нового времени. – М.: ТрансЛит, 2012.
14. Гроте Г. По азиатской и европейской Турции / Перевод О. Романовой / под редакцией С. Григорьева. М.: типолитография т-во И. Н. Кушнерев и К°, 1904.
15. Торгово-промышленный отдел // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1905. – № 6.

16. Торгово-промышленный отдел // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1905. – № 11.
17. Торгово-промышленный Юг. – 1913. – № 13.
18. Торгово-промышленный Юг. – 1913. – № 14.
19. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.428. Австро-Венгрия. Оп. 1. Д.1420. Л. 43.
20. Фрейдзон В. И. Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. – М.: ИСБ, 1997.
21. Шарый А., Шимов Я. Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. – М.: Ко-Либри, 2010.
22. Шекин М. Русская торговля в Триесте // Сборник консульских донесений за 1908 г. – СПб: Товарищество Художественной Печати, 1908. Вып. II.
23. Шиллинг М. Проект австрийских каналов // Сборник консульских донесений за 1901 г. – СПб: Товарищество Художественной Печати, 1901. Вып. V.
24. Яси О. Распад Габсбургской монархии. – М.: Три квадрата, 2011.
25. Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Band I. Die wirtschaftliche entwicklung. Wien, 1973.
26. Muzej Rijeka // Muzej-rijeka.hr
27. Neue Freie Presse. – 1905. – 17. 01.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 34:002

Б. Г. Койбаев, З. Т. Золоева

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

В статье анализируются правовые аспекты процесса информатизации в РСО-Алания. Авторы анализируют политику республики в сфере информатизации, выявляют существующие проблемы.

Ключевые слова: информационное право, информатизация, правовая политика Республики Северная Осетия-Алания.

B. G. Koybaev, Z. T. Zoloeva

LEGAL POLICY OF THE NORTH OSSETIA-ALANIA REPUBLIC IN THE INFORMATION SPHERE

The article analyzes the legal aspects of the process of informatization in North Ossetia-Alania. The authors analyze the policy of the republic in the information sphere and identify existing problems.

Key words: information law, information, legal policy of the Republic of North Ossetia-Alania.

На современном этапе актуальными становятся проблемы исследования вопросов правового регулирования информатизации, так как построение информационного общества, которое вносит значительные коррективы в межличностные, общественные, внутригосударственные и международные отношения является одной из важных тенденций развития, как всего современного мира, так и отдельно взятых государств [4, с. 50–55]. Реагируя на реалии сегодняшнего дня, государства реализуют информационную политику, от эффективности которой во многом зависит также и успешность формирования позитивного образа страны [5, с. 45–48].

Проблема разработки и реализации научно обоснованной и эффективной правовой политики становится сегодня актуальной стратегической задачей Российской Федерации [12]. Выступая в качестве одного из направлений государственной политики, правовая политика в сфере информатизации затрагивает большинство сфер социальной и общественной жизни. В условиях продолжающейся административной реформы, сопровожда-

ющейся формированием информационного общества, большое значение, несомненно, приобретает и использование опыта развитых стран в сфере государственного управления и информатизации [6, с. 96–101].

Безусловно, решить проблему доступа к информации посредством информационных технологий можно только путем применения комплексного подхода и при непосредственном участии как руководителей федерального, так и регионального, муниципального уровней, а также общественности.

Основы государственной политики в сфере информатизации регионов заложены в ряде правовых документов: Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № ПР-212, Долгосрочной федеральной целевой программе «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» от 20 октября 2010 г. № 1815-р, Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ и др.

В продолжение общегосударственной политики в сфере информатизации, регионы

сами активно формируют свою нормативно-правовую базу. Так во многих регионах идет процесс реализации «собственных» целевых программ информатизации, которые также требуют соответствующего нормативно-правового и нормативно-технического обеспечения. В Республике Северная Осетия-Алания (РСО-Алания), принята Государственная программа «Развитие информационного общества в Республике Северная Осетия-Алания» на 2014–2016 годы, которая преследует цель формирования современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, предоставление на ее основе качественных услуг и обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий [8].

Следует отметить, что на уровне регионов зачастую правовую основу в сфере информатизации составляют нормативные акты органов исполнительной власти. Такая ситуация характерна и для РСО-Алания. Так, общие вопросы в сфере информатизации республики нашли свое воплощение в таких нормативных актах как: Распоряжение Правительства РСО-Алания от 29.03.2007 г. № 60-р «О введении в эксплуатацию официального Интернет-портала РСО-Алания»; Постановление Правительства РСО-Алания от 24.11.2009 г. № 326 «О создании в РСО-Алания единой государственной телекоммуникационной системы для информационно-справочной поддержки граждан и организаций»; Постановление Правительства РСО-Алания от 22.10.2010 г. № 288 «Об официальном сайте РСО-Алания в сети «Интернет» и официальном печатном издании для размещения информации о проведении торгов в отношении государственного имущества РСО-Алания»; Распоряжение Правительства РСО-Алания от 09.11.2010 г. № 344-р «О мероприятиях по технической защите информации в РСО-Алания»; Постановление Правительства РСО-Алания от 05.08.2011 г. № 208 «О координации мероприятий по использованию информационных технологий в деятельности органов исполнительной власти Республики Северная Осетия-Алания» и т. д.

Важнейшим нормативным актом республики в сфере информатизации является Указ Главы РСО-Алания от 19.01.2010 г. № 10 «О мерах по развитию информационного общества в РСО-Алания». В соответствии

с Указом в республике был образован Совет по развитию информационного общества и фактически были созданы правовые основы для формирования в РСО-Алания инфраструктуры электронного правительства. Во исполнение данного указа Постановлением Правительства РСО-Алания от 16.02.2010 г. № 36 была утверждена Концепция развития информационного общества в РСО-Алания на период 2010–2015 годы.

Концепция установила следующие цели развития информационного общества в РСО-Алания:

- обеспечение потребностей граждан и организаций в доступе к информации и информационном взаимодействии;
- опережающее развитие отрасли информационных технологий и связи при устойчиво высоких темпах роста экономики РСО-Алания в целом;
- повышение эффективности и качества государственного управления, формирование системы предоставления государственных услуг на основе использования информационных технологий («электронного правительства») РСО-Алания [9].

В соответствии с Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», в целях достижения открытости и доступности информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, обеспечения прав граждан и организаций на доступ к информации о деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Республики Северная Осетия-Алания, размещаемой в сети Интернет был издан Указ Главы РСО-Алания от 27.08.2010 г. № 115 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления РСО-Алания, размещаемой в сети Интернет» [14].

По нашему мнению, принятие данного Указа послужило отправной точкой для формирования в РСО-Алания информационного общества, так как он сопутствует достижению открытости и доступности информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, обеспечению прав граждан и организаций на доступ к информации о деятельности органов исполнительной

власти и органов местного самоуправления Республики Северная Осетия-Алания

Дальнейшее развитие информационного законодательства РСО-Алания связано с принятием Постановления Правительства РСО-Алания от 12 ноября 2010 г. № 309 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти РСО-Алания», которое установило порядок организации доступа к информации о деятельности Правительства Республики Северная Осетия-Алания и органов исполнительной власти Республики Северная Осетия-Алания; перечни информации о деятельности Правительства Республики Северная Осетия-Алания и органов исполнительной власти Республики Северная Осетия-Алания, размещаемой в сети Интернет, требования к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальными сайтами органов исполнительной власти Республики Северная Осетия-Алания.

Преследуя цель формирования электронного правительства и облегчения взаимодействия между органами власти, в республике, начиная с 2011 года, был принят ряд актов, направленных на внедрение электронного документооборота: Распоряжение Правительства РСО-Алания от 14 марта 2011 г. № 60-р «О республиканской системе межведомственного электронного взаимодействия»; Распоряжение Правительства РСО-Алания от 20.07.2012 г. № 179-р «Об утверждении плана мероприятий по внедрению системы электронного документооборота на 2012 год»; Постановление Правительства РСО-Алания от 3 августа 2012 г. № 272 «Об организации деятельности по подключению к региональной системе межведомственного электронного взаимодействия и разработке электронных сервисов»; Постановление Правительства РСО-Алания от 17 августа 2012 года № 278 «Об утверждении положения и проведении мониторинга»; Распоряжение Правительства РСО-Алания от 1 марта 2013 года № 58-р «Об утверждении плана мероприятий по внедрению системы электронного документооборота на 2013 года».

Важной проблемой реализации права на информацию в условиях формирования электронного правительства является проблема открытости сайтов органов государственной власти, что, несомненно, играет важную

роль в развитии гражданского общества. Несмотря на то, что «процесс формирования гражданского общества в республике пока еще не завершен, тем не менее, он уже необратим» [7, с.195]. В этой связи следует отличать онлайн-правительство – оборудованное электронным интерфейсом, от правительства электронного. Электронное правительство всегда является онлайн-овым, но не наоборот. Подключением органов государственной власти к Социальной сети не может быть обеспечена их транспарентность. Информация от чиновников всегда дозирована, и часто это означает ее утаивание. Простым внедрением онлайн-правительства эту проблему не решишь. Ведь чиновник может просто минутной манипуляцией настроить почту на автоматический режим дежурных ответов и при этом не предпринимать никаких действий, направленных на решение поставленных проблем [3]. По результатам независимых исследований уровень открытости официальных сайтов органов государственной власти находится на крайне низком уровне.

Фонд Свободы Информации опубликовал рейтинг субъектов Российской Федерации в соответствии с уровнем информационной открытости официальных сайтов высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ в 2014 году, где Республика Северная Осетия-Алания заняла 44 место из 83 (уровень открытости составляет 45,87 %) [10]. Также Фондом был составлен рейтинг информационной открытости официальных сайтов региональных органов законодательной власти, в котором Парламент Республики Северная Осетия-Алания занял 64 место из 83 (итоговая оценка открытости 38,0 %) [11].

Наполнение сайтов является еще одной проблемой введения электронного правительства. Ведь для обеспечения доступа граждан к информации необходимо не просто наличие сайта, но и наполнение их необходимой информацией, своевременное обновление информации. Перечень сведений о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, размещаемых в сети Интернет, содержится в статье 13 ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [13], и как показывает практика не всегда соблюда-

ется. Так, в 2014 году Фондом свободы информации был проведен аудит региональных открытых данных. В рамках аудита были проанализированы официальные сайты органов исполнительной власти субъектов РФ и проверены региональные наборы открытых данных (www.opendata71.ru) на предмет соответствия российскому законодательству, требованиям экспертов и запросам пользователей. В результате аудита был составлен рейтинг, в котором РСО-Алания заняла 50 место из 83 (уровень открытости составляет 12,229 %) [1].

Еще одной проблемой стоящей на пути внедрения электронного правительства является бюрократизация. Государственный аппарат не оказался заинтересованным в новациях, делающих его деятельность прозрачной и подотчетной обществу. Он по-прежнему защищает свои права на получение так называемой «статусной ренты». Помимо этого, чиновники сопротивляются внедрению ИКТ, так как это может грозить им сокращением аппарата, уменьшением бюджета и потерей ресурсов [2].

Необходимо также сказать и о правовых проблемах, которые стоят на пути реализации права на информацию. Так, региональную правовую основу для формирования и развития электронного правительства в республике составляют исключительно нормативно-правовые акты органов исполнительной власти. Хотя, по нашему мнению, закрепление анализируемого вопроса на уровне законодательных актов, по нашему мнению, было бы намного эффективнее. Кроме того, технология электронного правительства, как известно, требует усиленного внимания к вопросам обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных. К сожалению, данные вопросы все еще остаются неурегулированными в республике, что, по нашему мнению, является негативной тенденцией.

Проведенный анализ формирования электронного правительства в Республике Северная Осетия-Алания позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на предпринимаемые усилия, существует ряд проблем как технологического, так и правового характера. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что для достижения высоких результатов в республике необходимо приступить к реализации научно-обоснованной информационной политики, опирающейся на соответствующие нормативно-правовые акты.

Также в республике реализуются проекты, связанные с внедрением универсальной электронной карты, которая имеет целью облегчение получения государственных услуг. В этой связи были приняты Распоряжение Правительства РСО-Алания от 22.07.2010 г. № 173-р «О создании межведомственной рабочей группы по реализации проекта «Единая универсальная электронная карта жителя РСО-Алания»; Распоряжение Правительства РСО – Алания от 1 марта 2011 г. № 49-р «Об организации деятельности по выпуску, выдаче и обслуживанию универсальных электронных карт»; Распоряжение Правительства РСО-Алания от 20.07.2012 г. № 178-р «Об утверждении Плана внедрения универсальных карт на территории РСО – Алания».

Еще одним направлением развития информационного законодательства РСО-Алания является нормативное закрепление процесса оказания государственных услуг в электронном виде. В этой связи были приняты Постановление Правительства РСО-Алания от 19 августа 2011 № 226 «О внедрении пилотного проекта по выполнению работ в целях предоставления органами исполнительной власти РСО-А социально значимых государственных (муниципальных) услуг в электронном виде»; Постановление Правительства РСО-Алания от 29.12.2011 г. № 376 «О порядке определения размера платы за оказание услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления государственных услуг органами исполнительной власти РСО-Алания»; Постановление Правительства РСО-Алания от 29.12.2011 г. № 377 «Об утверждении Порядка запроса документов и информации, необходимых для предоставления государственных услуг»; Постановление Правительства РСО-Алания от 29.12.2011 г. № 375 «О порядке формирования и ведения Реестра государственных услуг Республики Северная Осетия-Алания»; Постановление Правительства РСО-Алания от 17 августа 2012 года № 278 «Об утверждении положения и проведении мониторинга качества предоставления государственных услуг в Республике Северная Осетия-Алания».

Анализ данных нормативных актов позволяет сделать вывод о том, что они достаточно подробно регламентируют вопросы внедрения технологии электронного правительства в республике, а также развивают фе-

деральное законодательство об обеспечении доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти. Однако следует отметить, что преобладание подзаконных актов в системе информационного законодательства РСО-Алания, по нашему мнению, не всегда позволяет эффективно решать проблемы информатизации.

Рассуждая о вопросах повышения эффективности политики субъектов РФ, следует отметить необходимость закрепления обозначенных вопросов на уровне законодательных актов субъекта РФ. Во многих регионах России приняты соответствующие законы. Например, Закон Ханты-Мансийского автономного округа «Об информационных ресурсах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» от 18.03.1998г. № 18-оз, Закон Орловской области «Об информатизации и информационных ресурсах Орловской области» от 13.05.2008 года № 774-оз, Закон Нижегородской области «Об информатизации и информационных ресурсах Нижегородской области» от 12.2005 г. № 674. По нашему мнению, целесообразным будет, принятие

в развитие федерального законодательства, в РСО-Алания ряда законов. Например, Закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления Республики Северная Осетия-Алания», Закон «Об информационных ресурсах РСО-Алания».

Как известно, эффективность общегосударственной политики в сфере информатизации во многом зависит от того как она реализуется в регионах, в связи с чем видится необходимым урегулировать на законодательном уровне всех субъектов федерации вопросы информатизации, формирования информационных ресурсов и создания единого информационного пространства региона.

Таким образом, несмотря на уже существующий, довольно серьезный массив нормативно-правовых актов в сфере информатизации практическая реализация государственной политики в сфере информатизации регионов, требует дальнейшего развития и совершенствования информационного законодательства.

Литература

1. Аудит региональных открытых данных в 2014г. [Электронный ресурс]. URL: <http://system.infometer.org/ru/monitoring/166/rating/> (Дата обращения: 05.05.2015).
2. Григорьев П. В. Электронное правительство России: проблемы и перспективы развития // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 3.
3. Жумаев Ю. Г. Электронное правительство - максимальная эффективность управления государством // Правовые вопросы связи. – 2009. – № 1.
4. Койбаев Б. Г. Формирование новой системы международных отношений в условиях становления глобального информационного общества // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2012. – № 1.
5. Койбаев Б. Г. Политический имидж государства в современном глобальном информационном пространстве // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2013. – № 1.
6. Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовые аспекты информатизации в Республике Корея // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 1.
7. Койбаев Б. Г., Курбанов Р. Н. Противодействие экстремистской деятельности в Республике Северная Осетия-Алания: политико-правовые аспекты. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2010.
8. Постановление Правительства РСО-Алания от 15 ноября 2013 г. № 411 г. Владикавказ «О государственной программе Республики Северная Осетия – Алания «Развитие информационного общества в Республике Северная Осетия-Алания» на 2014–2016 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://komsitrso.ru/assets/rockdownloads/docs/republic/Gosprogramma_RSO-A_%202014-2016.pdf (Дата обращения: 05.05.2015).
9. Постановлением Правительства РСО-Алания от 16.02.2010 г. № 36 была утверждена Концепция развития информационного общества в РСО-Алания на период 2010-2015 годы [Электронный ресурс]. URL: http://komsitrso.ru/index.php?option=com_rokdownloads&view=file&Itemid=16&id=19:-----19-01-2010- (Дата обращения: 05.05.2015).

10. Рейтинг информационной открытости высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ в 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://system.infometer.org/ru/monitoring/160/rating/> (Дата обращения: 05.05.2015).
11. Рейтинг информационной открытости законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://system.infometer.org/ru/monitoring/142/rating/> (Дата обращения: 05.05.2015).
12. Сумской Д.А. К разработке концепции социального права России // Евразийский юридический журнал. – 2008. – № 3.
13. Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета. – 2009. – Федеральный выпуск № 4849 от 13 февраля.
14. Указ Главы РСО-Алания от 27.08.2010 г. № 115 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления РСО-Алания, размещаемой в сети Интернет» [Электронный ресурс]. URL: http://komsit-rso.ru/index.php?option=com_rokdownloads&view=file&Itemid=16&id=27:----27-08-2010 (Дата обращения: 05.05.2015).

УДК 347

Д. А. Сумской

НОВЕЛЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ

В статье освещаются проблемные вопросы российского законодательства о юридических лицах. Рассматриваются положения о представительстве и исполнительном органе юридического лица. Анализируется законодательное деление юридических лиц на корпоративные и унитарные, публичные и непублич-

ные, коммерческие и некоммерческие. Автор обращается к сущности новой организационно-правовой формы некоммерческой организации – публично-правовой компании.

Ключевые слова: юридическое лицо, Гражданский кодекс, законодательная новелла.

D. A. Sumskoy

NOVELS OF CIVIL LEGISLATION ON LEGAL ENTITIES

The author examines problematic questions of Russian legislation on legal entities. He studies regulations of representation and executive body of a legal entity. The legislative division of legal entities into corporate and unitary, public and non-public, commercial and

non-commercial ones is analyzed. The author addresses the essence of a new organizational and legal form of a non-profit organization – Public Law Company.

Key words: legal entity, civil code, novel legislation.

С 1 сентября 2014 года вступили в силу поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации, существенно изменившие главу о юридических лицах [12, ст. 2304]. Анализ дополнений и изменений позволяет сделать вывод о том, что многие пробелы в законодательстве были устранены – в частности, законодатель закрепил в кодексе исчерпывающий перечень организационно-правовых форм юридических лиц; определил в качестве ме-

ста нахождения юридического лица место его государственной регистрации на территории Российской Федерации путем указания наименования населенного пункта, что особо важно для определения местонахождения филиалов и представительств; регламентировал особенности реорганизации и ликвидации юридических лиц. Вместе с тем, появились и новые проблемные вопросы.

1. В ст. 53 ГК РФ впервые закреплено положение о том, что орган юридического лица является его представителем. Тем самым законодатель отошел от традиционного понимания органа как организационно обособленной части юридического лица, обладающей особыми полномочиями, реализация которых осуществляется им в пределах компетенции [10, с. 148–197].

Представляется, что конструкция органа юридического лица как его представителя является неудачной. Указанный вывод основывается на том, что понятия «орган юридического лица» и «представитель юридического лица» являются различными по своему объему и содержанию:

во-первых, органы юридического лица создаются одновременно с образованием юридического лица, а представители существуют как субъекты права и до их легитимации;

во-вторых, у органа как такового нет своей правоспособности, дееспособности и интересов, отличных от интересов юридического лица; у представителя они имеются отдельно от правоспособности, дееспособности и интересов представляемого;

в-третьих, любое юридическое лицо (за исключением хозяйственного товарищества) не может действовать иначе, чем через орган. Выдача доверенности от имени юридического лица физическому лицу также происходит через орган. Представляемый же может существовать и действовать сам помимо представителя или наряду с ним.

Этот перечень отличий можно продолжить и дальше, поскольку еще в 1948 году профессор В. А. Рясенцев [9] указал на 7 существенных отличий органа юридического лица от его представителя. Самое интересное, что ни в Концепции развития гражданского законодательства, ни в первом варианте законопроекта, разработанного рабочей группой, такой нормы не было. Она появилась позднее – при прохождении законопроекта в Государственной Думе Российской Федерации.

При таком подходе законодателя возникает еще один непростой вопрос – как оформлять отношения представительства между юридическим лицом и его органом? Как известно представительство может быть в силу закона, по доверенности (но этот вариант здесь не подходит) и явствовать из обстановки. Получается, что директор приходит

в акционерное общество, и там становится ясно из обстановки, что он директор? А как оформить отношения представительства между юридическим лицом и его коллегиальным органом? Признать, что в силу закона любой акционер является представителем общества, поскольку входит в состав общего собрания? Как видно из этих примеров, вопросов гораздо больше, чем ответов... Неслучайно, сейчас активно прорабатывается вопрос о внесении изменений в данную норму [8].

2. Вторая новелла, закрепленная в той же ст. 53 ГК РФ, заключается в том, что у юридического лица может быть одновременно несколько лиц, осуществляющих функции единоличного исполнительного органа.

Во-первых, здесь происходит нарушение формальной логики – «единоличный исполнительный орган» оказывается совсем не единоличным. Во-вторых, непонятна цель подобных изменений – если они были направлены на улучшение гражданского оборота, то однозначно они привели к прямо противоположному результату, поскольку теперь участникам оборота придется внимательно изучать полномочия такого лица, для того чтобы определить – а оно вправе представлять интересы организации по данному вопросу или это прерогатива другого лица, также осуществляющего функции единоличного исполнительного органа?

3. Впервые в российском законодательстве закреплено деление юридических лиц на корпоративные и унитарные (ст. 65-1 ГК РФ). Под корпоративным юридическим лицом понимается организация, учредители которой обладают правом участия (членства) в ней и формируют ее высший орган. К сожалению, такое определение корпорации следует признать неточным. Если первый признак корпорации – членство – является бесспорным [См: 2, с. 47–60; 10, с. 226], то выделение второго признака – формирование учредителями высшего органа корпорации – вызывает сомнение. Дело в том, что в унитарном юридическом лице органы также формируются учредителями, поэтому назвать это отличительным признаком корпорации нельзя.

Представляется верной позиция Н. В. Козловой о выделении в качестве признаков корпорации следующих: 1) корпорация есть союз известных физических и (или) юридических лиц, называемых участниками

(членами); 2) корпорация создается и прекращается на основе акта общей воли ее учредителей (участников, членов); 3) корпорация действует в интересах своих участников, преследуя определенную ими цель; 4) корпорация как юридическое лицо независима от перемен в составе ее участников; 5) между корпорацией и ее участниками, а также между самими участниками возникает корпоративное правоотношение, порождающее у каждого его участника корпоративные права и обязанности; 6) реализуя свои корпоративные права, участники корпорации могут в определенной степени управлять корпорацией и ее имуществом, влиять на формирование ее воли как юридического лица; 7) корпорация имеет внутреннюю структуру, обеспечивающую организационное единство; 8) руководящие органы корпорации избираются ее членами, которым они подотчетны; 9) высшим органом корпорации является общее собрание ее членов, решения которого принимаются большинством голосов [5, с. 213–214].

Следует отметить, что в законодательстве зарубежных стран термин «корпорация» трактуется по-разному. В США понятием корпорация охватываются практически все виды юридических лиц. В Англии корпорацией называется само юридическое лицо, поскольку все они делятся на единоличные корпорации и объединения корпораций. Во Франции термин «корпорация» вообще не используется, а юридические лица подразделяются на товарищества и ассоциации [9, с. 104–107].

4. Еще одной новеллой является деление хозяйственных обществ на публичные и непубличные (ст. 66-3 ГК РФ).

Публичным является акционерное общество, акции которого размещаются путем открытой подписки или публично обращаются на условиях, установленных законами о ценных бумагах. Акционерное общество, не удовлетворяющее этим требованиям, является непубличным. По сути это аналог ранее существовавших открытых и закрытых акционерных обществ. Однако есть одно существенное отличие – теперь к числу непубличных обществ законодатель отнес еще и общество с ограниченной ответственностью. Сделано это неслучайно – раз это непубличное общество, то можно обойти Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», в котором жестко прописаны

органы управления обществом, их компетенция. Теперь участники непубличного общества вправе заключить корпоративный договор (ст. 67-2 ГК РФ), согласно которому они могут предоставить друг другу возможность не только распоряжаться своей долей или голосовать, как договорятся, но еще и менять структуру органов управления, по сравнению с той, которая предусмотрена законом. В Европе этого нигде нет, там структура органов и их компетенция расписана императивно, а у нас теперь это возможно – ведь это же непубличное общество [8]. При этом участники хозяйственного общества, заключившие корпоративный договор, обязаны уведомить общество о факте заключения корпоративного договора, однако не обязаны раскрывать его содержание третьим лицам (т. е. участникам гражданского оборота).

5. В теории гражданского права юридические лица разделены на два типа – коммерческие и некоммерческие. Данное деление юридических лиц следует признать оправданным, и оно сохранено в Гражданском кодексе Российской Федерации, поскольку учитывает специфику отдельных юридических лиц и практически целесообразно.

При разграничении организаций законодатель руководствуется критерием цели – если юридическое лицо создается с целью получения прибыли, которая может быть распределена среди участников, то такая организация является *коммерческой*; если же организация не имеет извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяет полученную прибыль между участниками, то организация признается *некоммерческой* (ст. 50 ГК РФ).

Некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям.

Вместе с тем указанный подход, который иногда в теории гражданского права называют *функциональным*, представляется сложно применимым на практике, поскольку в настоящее время происходит коммерциализация некоммерческих организаций, которые руководствуясь необходимостью самоокупаемости и самофинансирования, по сути превращаются в бизнес-структуры.

Именно поэтому в 1980-е годы в США, а затем и в Европе был предложен иной подход к определению правовой природы некоммерческих организаций, который позднее был назван *экономическим*. Критерием деления организаций на коммерческие и некоммерческие в данном случае выступает не цель создания и деятельности юридического лица, а запрет на распределение прибыли в пользу учредителей и членов такой организации [1, р. 835, 838–839].

Представляется, что подобную норму целесообразно рецептировать в российское законодательство.

6. В российском законодательстве появилась новая организационно-правовая форма некоммерческой организации – публично-правовая компания (пп. 11 п. 3 ст. 50 ГК РФ).

Однако законодатель не раскрывает ее признаков. Еще в 2013 году Правительством Российской Федерации был внесен в Государственную Думу Российской Федерации законопроект № 252441-6 «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который в настоящее время одобрен в первом чтении.

Согласно ст. 2 законопроекта *публично-правовой компанией* является унитарная некоммерческая организация, осуществляющая свою деятельность в интересах государства и общества, наделенная публично-правовыми функциями и полномочиями, созданная Российской Федерацией в порядке, предусмотренном российским законодательством.

Публично-правовая компания может быть создана на основании федерального закона или решения Правительства Российской Федерации. Публично-правовая компания может быть создана путем реорганизации государственной корпорации, государственной компании на основании федерального закона, определяющего порядок такой реорганизации.

Публично-правовая компания может быть создана путем реорганизации акционерного общества, единственным участником которого является Российская Федерация, на основании решения Правительства Российской Федерации.

Именно поэтому в соответствии с п. 6 ст. 3 Федерального закон от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 за-

сти первой Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» к существующим государственным корпорациям и государственной компании «Росавтодор» положения Гражданского кодекса Российской Федерации о юридических лицах применяются постольку, поскольку иное не предусмотрено специальным федеральным законом о соответствующем юридическом лице.

Вместе с тем, названия подобных организаций – «государственная корпорация» и «государственная компания» – абсолютно не отражают их суть. Дело в том, что государственные корпорации и компании, в общем-то, не являются корпоративными юридическими лицами (поскольку не имеют членства – единственным учредителем такой организации выступает Российская Федерация). Они также не выступают государственными организациями (так как являются частными собственниками своего имущества) и в ряде случаев создаются преимущественно или даже исключительно для осуществления предпринимательской деятельности. Отличие государственной компании от государственной корпорации заключается в том, что имущество государственной компании передается Российской Федерацией в доверительное управление, а государственной корпорации – в собственность.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует деление юридических лиц на лица публичного и частного права [14; 13]. Несмотря на применение подобных видов юридических лиц в зарубежных правовых порядках, в России мнения ученых-юристов по данному вопросу разделились. Представители публично-правовых дисциплин предлагают обозначить особую категорию юридических лиц публичного права, необходимую для отраслей этой группы, при этом, не настаивая на обязательном введении такого понятия в Гражданский кодекс Российской Федерации. Другие ученые, в основном, цивилисты, столь же решительно эти идеи отвергают [5; 14; 7; 10; 13]. Вместе с тем в последние годы в юридической науке все более активно обсуждается возможность введения уголовной ответственности юридических лиц. Вместе с тем, это предполагает пересмотр не только основ уголовного права, но и введение в законода-

тельство России деления юридических лиц на лица публичного и частного права [4; 6].

Именно поэтому появление публично-правовых компаний является своеобразным компромиссом между двумя этими подходами, хотя и не совсем удачным – само название такой организационно-правовой формы «публично-правовая компания» представляет-

ся некорректным, поскольку, во-первых, все юридические лица являются «правовыми», ибо создаются в формах и порядке, предусмотренном правовыми нормами; а, во-вторых, подобное юридическое лицо является разновидностью унитарной организации, а не корпорации (к числу которых относят компании).

Литература

1. Henry Hansmann. The Role of Nonprofit Enterprise // Yale Law Journal. – 1980. – Vol. 89.
2. Баренбойм П. Д., Лафитский В. И., Терешенко А. К. Юридические лица публичного права в доктрине и практике России и зарубежных стран. – М.: Юстицинформ, 2011.
3. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947.
4. Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве. – М.: Статут, 2013.
5. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учебное пособие. – М.: Статут, 2003.
6. Лафитский В. И., Семькина О. И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Журнал российского права. – 2014. – № 2.
7. Новак Д. В. К упорядочению системы некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. – 2007. – Том 7. – № 3.
8. Пискунов Я. Корпоративное соглашение – это бомба под весь наш оборот (интервью с Е. А. Сухановым, заведующим кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) // Закон. – № 7. – июнь 2014.
9. Рясенцев В. А. Представительство в советском гражданском праве. Том 1 // Представительство и сделки в современном гражданском праве. – М.: Статут, 2006.
10. Сумской Д. А. Гражданско-правовое положение органа юридического лица. – М.: Маркетинг, 2007.
11. Юридические лица как участники гражданских правоотношений // Гражданское право. В 4 т. Том 1. Общая часть: учебник / ответственный редактор Е. А. Суханов. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Волтерс Клувер, 2005.
12. Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 19.
13. Хабриева Т. Я. Современные подходы к классификации юридических лиц // Журнал российского права. – 2014. – № 10.
14. Чиркин В. Е. Юридические лица публичного права. – М.: Норма, 2007.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.091

И. Н. Иванова, А. С. Сазонова

ГЕОПОЭТИКА «НОВОЙ СЕВЕРНОЙ ПРОЗЫ» В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена актуальному в настоящее время направлению геопозитике. Геопозитика как научный метод позволяет рассматривать художественное произведение как систему геопозитических образов и символов. В данной статье изучается геопозитика «новой

северной прозы» в рассказах Дмитрия Новикова и Александра Бушковского.

Ключевые слова: геопозитика, «новая северная проза», пространство, ландшафт, образ, символ, мифологема, мотив, миф.

I. N. Ivanova, A. S. Sazonova

GEOPOETICS OF «NEW NORTHERN PROSE» IN MODERN NATIVE LITERATURE

The article is devoted to a topical trend called geopoetics. The geopoetics as a scientific method allows to consider a work of art as a system of geopoetic images and symbols. This article examines the geopoetics of «new northern prose»

in Dmitry Novikov and Alexander Bushkovsky's stories.

Key words: geopoetics, «new northern prose», space, landscape, image, symbol, mytheme, motive, myth.

В последнее время в современном отечественном литературном процессе появилось такое направление, как «новая северная проза». Его основателями считаются Дмитрий Новиков, Яна Жемойтелите, Александр Бушковский, Ирина Мамаева. Писатель Д. Новиков объясняет причины появления нового направления тем фактом, что за последние годы в Карелии появился большой массив художественных текстов высокого уровня, имеющих общие черты. В первую очередь к этим чертам можно отнести:

- особое внимание авторов к географическому пространству;
- мифологизацию и символизацию пространственных образов;
- противопоставление городской и провинциальной культуры.

Эти особенности можно рассматривать при помощи геопозитического подхода. Геопозитика как метод изучения художественного текста позволяет наиболее глубоко и полно изучить художественные тексты «новой северной прозы», так как предполагает

выделение геопозитических доминант, то есть господствующих компонентов, характерных для того или иного текста. Например, для «северной прозы» доминантой можно считать представление о Севере как о территории испытания. Попадая сюда, герой вынужден вступить в борьбу с суровым климатом, со своими страхами и, в конце концов, перейти на новый, более высокий, духовный уровень.

Главной чертой художественных текстов «новой северной прозы» можно считать их связь с географическим пространством. Д. Новиков в предисловии к книге Александра Бушковского отмечает эту особенность, сравнивая «новую северную прозу» с карельской осиною: «...так же и северная проза: медленно, мучительно прирастает она новыми словами, еще труднее – законченными произведениями. Мороз и снег, нехватка солнца, тяжелый авитаминоз – где брать ей силы, как не в упорстве и труде, в терпении? Но в результате этого процесса могут появиться такие яркие, светлые пронзительные книги, что порой захватывает дух и слезы выступают

на глазах» [6]. Пространство Русского Севера становится центральным образом и главным героем художественных текстов «новой северной прозы». При этом пространственность здесь выступает как то начало, которое обуславливает зарождение и смысл художественного текста. Это ярко проявляется в рассказах Д. Новикова «В сетях твоих», повести И. Мамаевой «Земля Гай», рассказе А. Бушковского «Радуйся!».

В книге Д. Новикова центральное место занимает пространство Русского Севера. Все герои произведений отправляются на Север не случайно, каждый стремится к духовному совершенствованию. В рассказе «Глаза леса», главный герой Михаил отправляется на Север в поисках таинственного села Чальмны Варэ, причем как будто бы не по своей воле: «Не знаю, что за странная прихоть ведет меня на север. Она неодолима. И часто, опять собираясь, укладывая вещи в рюкзак, думаешь со страхом и упованием – бесы ли манят, промысел ли божий. Так и мучаешься в сомнениях, пока не дойдешь до края, где открывается все. Там узнаешь благодарить или бежать» [3, с. 9]. На пути к цели герои сталкиваются с множеством испытаний (голодом, страхом). Так, несколько дней подряд Михаил не мог поймать рыбы, пока не попросил ее у Катьки, местного женского «беса». Только после этого им удалась рыбалка. В одном из эпизодов герой произведения Володя сталкивается с неизвестной силой: «Миша, мне в голову вошел парализующий шар! Я не мог двигаться. Я мог только лежать и звать тебя. Но ты спал. Тогда я испугался» [3, с. 31]. У героев присутствует постоянное ощущение, будто за ними кто-то наблюдает. Люди не понимают и боятся могущества Севера. Интересно, что при описании красоты природы автор часто характеризует ее как страшную, пугающую, жестокую: «Фотографии смотрю здешних мест – красота такая, что страшно» [3, с. 21]. «Но уже чувствую, как страшно давит меня красота здешних мест» [3, с. 6]. Все эти испытания в рассказах ведут к очищению героев.

С категорией пространства теснейшим образом связан мотив пути: «Герой совершает свои подвиги вне дома, в пути – дороге, отдельные участки которой мифологически отмечены (лес как сфера демонических существ, река как граница различных сфер, нижний

и верхний миры и т. п.)» [5]. Попадая сюда, герой вступает в борьбу со своими пороками, страхами, воспоминаниями, что позволяет ему пройти обряд очищения и инициации (переход на новый, более высокий духовный уровень). Обряду инициации способствует путь героев. В начале книги автор говорит: «...только в дороге ты по-настоящему честен перед Богом и собой. В любых других обстоятельствах зависимость от людских схем гнет тебя к земле. И лишь беря на себя всю радость бремени за дорогу к жизни или смерти, имея над головой всего лишь небо, а под ногами только землю или воду, ты становишься господином себе. И помочь тебе может лишь нателный крест, а помешать – лишь былые неправды. Все остальное – в руках, разуме и душе твоей. В дороге ты чист и потому силен и уязвим» [3, с. 18]. В другом эпизоде герой совершает убийство и отправляется скитаться в поисках смерти. Только на Севере, находясь на грани жизни и смерти, он понимает ценность жизни и приходит к спасению. Этот путь позволяет героям пройти процесс отчуждения от общества, от собственного прошлого и заняться духовным становлением. Причем очищение это совершается благодаря приобщению героев к окружающей природе. Например, в рассказе «Куйпога» герой произведения замечает: «Есть в северном лете какая-то жестокая сила. Она чем-то похожа на щедро украшенное рыбьей кровью резвое лезвие, которое без устали пластуется тела, отбрасывает прочь всю нутряную смердь и одного добивается холодной своей силой – чистоты» [3, с. 40].

Пространство Севера характеризуется множеством оппозиций: добра/зла, жизни/смерти, севера/юга и т. д. Автор произведения отмечает неоднозначность восприятия образа Севера: с одной стороны, он ассоциируется с пространством тишины и покоя, с другой – с пространством испытания. Это видно при его описании в рассказе «Жабы мести и совести»: «Когда едешь на Север, то ожидаешь какой-то спокойной ясности: светлых задумчивых озер, еловых и сосновых лесов, снега и камня, прочего умиротворения. Но Север правдив и жесток» [3, с. 81]. Образ Севера характеризуется также антиномией добра и зла. В рассказе «В сетях твоих» он изображается как место борьбы между ангелами и бесами: «На севере многие меняются. Мно-

гое проясняется. Не зря здесь битва бесов с ангелами. Тихая такая. Постоянная. Без времени пространство» [3, с. 309]. Герои рассказов отправляются на Север для очищения от земных бесов. В книге автор изображает и религиозную оппозицию. Коренные жители неоднозначно относятся к ортодоксальному православию. Не однократно в диалогах указывается на чужеродность этой религии:

– «Македоныч, а вот у отца Митрофана мы были. Вроде ничего мужик, церковь восстанавливает, книги пишет. Вы как к нему в деревне относитесь?

– А плохо относимся, – без заминки, как о давно решенном, отозвался старик.

– Почему? – я сильно удивился.

– Да понаставил всюду крестов своих, новых, не наших» [3, с. 364–365].

Бинарная оппозиция предполагает наличие границы между «своим» и «чужим» мирами. Такой границей выступают образы реки, озера, Белого моря. Это представление восходит к мифологии, где стихия воды выступает в качестве проницаемой границы и перехода между верхним, средним и нижним мирами. В художественных текстах «новой северной прозы» реки – место обитания бесов (например, Катка в рассказе «Глаза леса»). Местные жители к воде относятся как к одухотворенной силе, они подчиняются ей. Не зря в рассказе «Беломор» вдова говорит: «Мужа море вчера взяло» [3, с. 111]. А. Бушковский также изображает водную стихию как сакральное место: «Хозяин воды не шутит осенью. Выгребешь из пролива между островками на открытую воду, а он толкнет серой волной в дощатый борт и развернет лодку обратно к берегу. Не послушаешь, заупрямишься, он ударит черной» [1]. В рассказе «Куйпога» Д. Новиков показывает оппозицию север/юг в сравнении запаха северного и южного моря: «...на юге он был сильный, пряный, тяжелым потоком несущийся от воды, от гальки покрытого берега, от куч, выброшенных на пляж гниющих водорослей. А здесь если и было что-то похожее, то совсем слабое, еле уловимое, призрачное и обманчивое. Какая-то граница, грань между жизнью и смертью, добром и злом, та, которую постоянно ищешь, иногда натыкаешься, но никогда не можешь устоять, удержаться на ней» [3, с. 43].

Наличие границы способствует отделению пространства «зла» от пространства

«добра». Так, в рассказе «В сетях твоих» автор изображает милиционеров как бесов в человеческом облике: «Ты заметил, что у креста поморского они стояли? Со стороны тундры, а не моря. И словно границу перейти не могли, все здесь вошкались» [3, с. 309].

Еще одной характерной чертой «новой северной прозы» является противопоставление городской и деревенской жизни. Ирина Мамаева, говоря о «северной прозе», пишет: «Хочется обособиться от Москвы, писать о Севере, о его людях, которые совершают свой маленький подвиг, об их жизни» [2]. В рассказах «Строить!», «Змей (Голос внутренних озер)» Д. Новикова ярко изображается эта оппозиция. Главный герой решает построить дом в деревне и подробно описывает этот процесс. Местные жители не сразу принимают героя. Лишь спустя три года сосед Коля показывает, где находится заветное озеро. Со временем герой произведения приобщается к деревенской среде и начинает по-другому относиться к природе. Например, при описании озера он говорит: «...будто царевну заповедную незваному гостю показывал. А она такая красавица да скромница – лишней раз подуть страшно – как бы не навредить» [3, с. 263]. Жители деревни верят в одухотворенность природы. Прежде, чем срубить сосну, они обращаются к стволу дерева: «Извини, ты нам нужен» [3, с. 203]. Автор постоянно подчеркивает любовь местных жителей к труду. Именно благодаря ему главный герой приобщается к местной среде: «Ну и что – ныла спина от многочисленных наклонов. Пусть лес воспримет это как благодарность, как поклоны низкие ему за чудесное и бесплатное сокровище» [3, с. 189].

В повести Ирины Мамаевой «Земля Гай» также противопоставляется «свое» и «чужое» пространство. В произведении показана история небольшой деревни – Гай. Когда-то здесь был леспромхоз, но после его закрытия деревня стала разоряться и беднеть, многие люди в поисках работы и жизненной цели переехали в города. Оставшиеся жители также хотят покинуть деревню. Город в их представлении представлен как некое утопическое место, в котором нет горя и забот. По стечению обстоятельств ни у одного из героев не получается покинуть деревню. Так, Михайловна во сне сжигает деньги, отложенные на переезд, у Егора их крадет цыган Василий.

К концу повести герои понимают, что их истинное место в родной деревне и находят в ней смысл своей жизни. Интересно описывается деревня в начале и в конце произведения. Так, в начале повести в сознании героев описывается разрушенная, обедневшая, вымирающая деревня: «...Когда попадаешь сюда первый раз, особенно в неважную погоду, кажется, что все здесь спит, стоит – не шевелится, что времени здесь нет, а только пространство – сирое, убогое, брошенное, потустороннее» [4, с. 6]. В конце повести Егор описывает ее уже по-другому: «Вот он – наш Гай. Милый, знакомый до боли, родной. Политый слезами. Потом и кровью людскими. Долгими северными дождями. Такой, какой он есть, такой, каким видим его мы. Здесь дом наш, здесь – жизнь наша, здесь – все, что у нас есть, и все, что нам надо. Доля наша, наша ноша – подарок наш и благословение.

Это неправда, что мы не построили свое светлое будущее. Мы все сделали как надо. Мы выжили, выстояли, мы стали не та-

кими, какими были, – лучше, крепче, человечнее. Иногда победу трудно отличить от поражения. Внешне, глядишь: все плохо, все развалилось, разошлось по швам. Заглянешь в нутро – а там, под шелухой, плод созрел. Ведь ничего просто так не бывает – с болью, с муками, но зачем-то» [4, с. 89].

Таким образом, главной особенностью «новой северной прозы» является ориентация художественных текстов на географическое пространство. Человек в произведениях словно отходит на второй план. Чувства, мысли, прошлое и будущее героев становится всецело зависящим от окружающей их природы. Пространство Севера имеет сложную и неоднородную структуру, оно формируется из бинарных оппозиций добра/зла, жизни/смерти, города/деревни. Главные герои проходят «новой северной прозы» проходят некое перерождение, что обусловлено природой Севера, тяжелыми климатическими условиями и замкнутостью территории.

Литература

1. Бушковский А. Радуйся! // Журнальный зал. – «Октябрь». – 2011. – № 9. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/october/2011/9/bu5.html> (Дата обращения 26.05.2015).
2. Интернет-журнал «Лицей». [Электронный ресурс] URL: <http://gazeta-licey.ru/literature/6146-tixaya-revolucziya-video> (дата обращения 20.05.2015).
3. Новиков Д. Г. В сетях твоих. – М.: Эксмо, 2014.
4. Мамаева И. Л. Земля Гай [худож. - Аида Сидоренко]. – М.: Вагриус, 2006.
5. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. – М.: РГГУ, 1994.
6. Павел Басинский. Не вреден Север для меня. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2013/11/18/provinzia.html> (Дата обращения 27.05.2015).

УДК 82.091

И. Н. Иванова, К. Р. Сафарова

**ИДЕЯ СЧАСТЬЯ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСТВА
В ПРОЗЕ М. КУЧЕРСКОЙ**

В статье анализируется идея счастья, воплощенная в прозе М. Кучерской. Выявляется особенность христианского контекста, влияющего на сюжет, построение художественного текста, характеры и судьбы героев.

Ключевые слова: женская проза, М. Кучерская, счастье, христианство, вера.

I. N. Ivanova, K. R. Safarova

**THE IDEA OF HAPPINESS IN THE CONTEXT OF CHRISTIANITY
IN M. KUCHERSKAYA'S PROSE**

The article analyses the idea of happiness embodied in M. Kucherskaya's prose. The peculiarities of the Christian context influencing a plot, the creation of the art text, personalities and destinies of characters are examined.

Key words: female prose, M. Kucherskaya, happiness, Christianity, faith.

Счастье с давних пор и по сей день является идеальной целью человеческой жизни, причем само счастье – категория весьма субъективная, связанная с восприятием человеком себя в мире. Герои Майи Кучерской существуют в современном мире, который именуется постмодернистским и постхристианским. Настоящая эпоха – это нечто особенное, т. к. старые слова получили новый «филологический статус», Бог стал «текстом», как и порожденный им мир культуры. Кучерская выводит личные формулы счастья для своих персонажей, опираясь на христианский контекст, причем для каждого героя индивидуально не только само счастье, но и путь к нему. В ее текстах прослеживается идея о том, что сегодня человек, возмнивший, что он существует в антропоцентрической Вселенной, близок к раскаянию, обозначая тем самым переход от модерна к постмодерну. Человек постмодерна, окруженный симулякрами, боится быть предоставленным самому себе. Отсюда возникает интерес к различным формам религиозного познания.

Так, например, Коля – муж главной героини романа «Тетя Мотя» пытается найти утешение в буддизме. Он даже запоминает близко к тексту следующее изречение Мо Цзы: «Тому, кто питает всеобщую любовь,

приносит людям пользу, небо ниспосылает счастье» [9], однако ему так и не ясно, что это за «всеобщая» любовь. «Ну, явно не к бабе» – заключает герой.

В одном из интервью на вопрос, почему не православие утешило героя, писательница ответила: «У каждого свой путь, своя голова, кому-то лучше с Китаем» [13]. К тому же христианство и особенно православие – религия аскетичная и строгая, требующая определенных жертв, на которые современный герой, независимо от своей гендерной принадлежности, не всегда готов пойти. Непростые отношения к религии и у жены Коли: «В Бога Тетя всегда в общем верила, но издалека, не подозревая, что Он может так приблизиться...» [9].

«С точки зрения догматического богословия вера оценивается как благодать, даруемая свыше, не обеспечиваемая никакими добрыми мирскими и праведными делами, соблюдением всевозможных обетов и прочими «видимыми земными заслугами». О человеке, на которого снизошла благодать веры, говорят не «он верит», но – «он верует» [14, с.123]. Проблема многих героев Кучерской в том, что они не замечают своего счастья, не веруют в него, впадая в уныние и желая чего-то большего чем то, что имеют. Это и герои вышеупомянутого романа «Тетя Мотя» (треу-

гольник Коля – Мотя – Ланин), и, например, персонажи «Современного патерика» – сборника мини-новелл из современной жизни Русской православной церкви.

Так, уже само название одной из историй, становится отправной точкой основной идеи («Чего человеку не хватает, или Не самый плохой праздник»). «У Лени Короткова все было. Ну все. ... То есть было все у человека. А заскучал» [7, с. 127]. Другая героиня из рассказа «Сеанс» также не замечает счастья, замужем ей становится скучно. Но после очередного позднего прихода домой она видит последствия жуткой пьянки мужа. «С тех пор Вичка стала приходить домой вовремя. И с Пашей ей вроде стало интересно – оказалось, он умел напиваться и курить» [7, с. 102].

Отсюда возникает очень важная для М. Кучерской «идея подлинного зрения» – видение своего счастья, способность узреть красоту и радость Творения, и с помощью своего труда, творчества, воображения преумножать эту красоту, «всеобщую любовь» и счастье.

Особенно сильно эта тема отразилась в прозаическом сборнике «Плач по уехавшей учительнице рисования». Сама писательница отметила: «Это книга не про православие, она про нас» [16]. «Зрение – это так, для развлечения. Ты же спал и сколько всего уже видел. А глаза-то твои были закрыты. Значит, не в них дело. Запомни меня не глазами, не памятью зрения, не словами – душой» [10, с. 269]. Такое определение зрения мы находим в рассказе «Вертоград многоцветный», где главным героем является ребенок – это своеобразная попытка Кучерской показать тот мир, который живет в детском сознании, записать словами музыку, которая в нем звучит. Поэтому в тексте так много «бессмысленных» фонетических сочетаний, однако их смысл становится более важным, чем реальные физические слова, имеющие лексическое значение в толковом словаре. Детский слог – это та самая подлинная первозданная правда, которую пыталась воссоздать футуристическая заумь и хотел объяснить К. И. Чуковский.

Ребенок в младенчестве априори счастлив, он ничего не требует, у него все есть, он есть истина. «Блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20:29) [2, с. 787]. Такую отсылку к Священному писанию можно привести в данном контексте. Счастливым и преис-

полненным любви ко всему живому является и пятилетний Тема – Теплый, как его называет сама мать Тетя Мотя – героиня одноименного романа: «Теплый был не тепел, а горяч, в этом скрывался его секрет... Поэтому всем подряд он повторял: «Я тебя люблю»» [9].

Счастье – особое видение, которое дано не всем. Подобно детям, узреть счастье способны пожилые люди, познавшие житейскую мудрость, уверовавшие и не задающие уже никаких вопросов: «Нина быстро печатает, бабушки смеются, она думает быстро: не слишком умело они рассказывают – совсем кратко, им ни к чему лишние слова, они все видят и так» [10, с. 283].

Также обладателями подлинного зрения в текстах Кучерской зачастую являются учителя. Они, как проводники, ведут своих учеников, наставляя их на верный путь, спасая от каких-либо трудностей, подобно первому учителю Иисусу Христу, искупившему первородный грех. Христианство – есть сотериология, религия исключительной субъективности, поскольку ставит главной целью спасение человека.

Так, в спасении Тети Моти большую роль сыграла история жизни учителя Голубева, в которой изначально героиня видела лишь «чужие» слова. «Все просто, тут как с китайцами – надо это увидеть, понимаешь? Или ты только слова читаешь?» [9] – объясняет ей Ланин.

Собирательный образ учителя-спасителя можно проследить в сборнике «Плач по уехавшей учительнице рисования». В одноименном рассказе учительница рисования с помощью урока, творчества, своей любви спасает ученицу от депрессии и меланхолии. В рассказе «Сказки на крыше» описана история искренней женской дружбы между девочкой-сиротой и воспитательницей, которая заменила ей мать. Настоящая мама девочки погибла в автокатастрофе, сама же девочка выжила и из больницы попала «в дом для детей, у которых нет» [10, с. 199].

Идея счастья тесно сопряжена, помимо идеи «зрения», с темой творчества и темой воображения как способностей видения другого прекрасного мира, способностей творить – быть подобным Творцу. Так, папа-инвалид пишет дочке в интернат письмо, где делится тремя важными секретами. Один

из них звучит так: «Есть чудный мир, мир воображения, творчества, мир твоей свободы. Туда всегда можно спрятаться. От любой беды» [10, с. 202]. Творчество дает свободу, через которую обретается гармония, которая и есть высшее счастье: «Гармонизируя себя, гармонизируешь мир вокруг, засуха прекращается, и вот уже за окном шумит дождь» [10, с. 209].

Искусство – уникальный способ познания действительности, близкий к вере. Христианская вера связана с принятием откровения как высшего дара Бога. Однако откровение может быть связано не только с религиозным восприятием, но и эстетическим. Эстетическое переживание не пассивно, как и акт религиозного восприятия, т. к. в обоих случаях человек ощущает свое единство с чем-то более ценным, чем окружающая реальность.

Ярким примером является рассказ «Маскарад в стиле барокко», в котором девочка вырастила дерево, пока играла на органе в соборе святого апостола Фомы, где когда-то музицировал сам Бах. Музыка причастна к некоей первоначальной стадии бытия, указывает путь к возвращению единства, поскольку «музыка – особый язык действительности, выполняющий самую суть происходящего в мире» [11, с. 98].

Благодаря творчеству «внешнее перестает быть частью холодного, равнодушного объективного мира, и мы ощущаем его сродство с нашим внутренним существом» [15]. Так, через творчество герои Кучерской обретают счастье, истинное зрение. Важно отметить фрагментарность многих рассказов сборника «Плач по уехавшей учительнице рисования», обрывочность финалов, которые выражают идею непостижимости самого вопроса «что есть счастье?», т. к. это вечный поиск, но творчество, гармония, свобода являются уже счастьем, которое возможно постичь лишь на уровне чувства и веры.

Например, рассказ «Осы и пчелы» заканчивается осознанием героиней чего-то очень важного. Ей будто наконец открылась цена бескорыстной любви и заботы бабушек, она вновь ощутила себя маленькой девочкой: «Нина поднимает глаза. Звезды. ...значит, все уже хорошо» [10, с. 285]. Счастье становится некой неуловимой субстанцией, точкой перехода или самим переходом в иной прекрасный мир.

В рассказе «Пригодное для жилья» момент счастья и вовсе переживается героем во сне: «в небе раздался такой оглушительный треск, что мальчик его расслышал. Во сне ему показалось, что это взрывается фейерверк ... И мальчик улыбнулся этому грохоту счастья, во, благодарно» [10, с. 315]. Сон выступает как бессознательное, неподчиняющееся разуму начало. «Религия есть дело сердца» [4, с. 42]. «Чудеса – вот доказательство» [9]. «И не то что нельзя, но и совершенно невозможно подчинять веру науке – истину открывает не наука, а все тот же опыт духовной жизни» [9] – говорит Тишка – воцерковленная героиня романа «Тетя Мотя».

«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11: 1) [2, с. 889]. В рассказе «Озеро чудес» мы узнаем историю дружбы двух девочек – Ани и Лизы. Последняя находится в глубоком отчаянии, и подруга пытается ей помочь: «А хочешь, сделаем чудо? Ведь тогда ты бросишь? Хочешь, я пойду по воде? Хочешь?» [10, с. 160].

Вера для современного человека, по мнению Кучерской, является одним из главных путей единства с миром – гармонии, а, следовательно, и счастья. «Вера – личностное самоопределение человека по отношению к имеющемуся у него знанию. Когда человек открывает, что некое знание (духовное и нравственное) не может быть им просто «принято к сведению», а требует от него жизненного ответа, этим ответом оказывается вера» [1, с. 16].

Приход к вере у многих героев Кучерской осуществляется через испытание чувством любви, которое зачастую совсем не вписывается в христианские нормы: «Бог есть любовь и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог – в нем» (1 Ин. 4:16) [2, с. 826].

Так, первый роман М. Кучерской «Бог дождя» представляет собой рассказ о воцерковляющемся сознании семнадцатилетней студентки. Но до конца романа героиня во многом остается язычницей, на что указывает ее связь с природной стихией дождя. Анна – имя главной героини, в переводе с древнееврейского означает «благодать». На своем пути героиня то приближается, то отдаляется от Божественной благодати. Любовь для нее становится большим испытанием, искаженное отношение к духовнику приводит героиню к духовному и житейскому кризису [8].

М. Кучерская ставит вопрос о том, что есть счастье любви, может ли любовь быть правильной или неправильной, возможно ли подчинить это чувство критериям оценки: «Что, что же это значит – «я люблю тебя», ялюблютибя?» [9] – мучается Коля – муж главной героини романа «Тетя Мотя». Любовь как высшее счастье неразрывно связана с институтом семьи и брака, который в христианской этике является таинством.

Творчество М. Кучерской привлекает внимание современных критиков и литературоведов.

Так, в статье «Мысль семейная» и место христианских мотивов в романе М. Кучерской «Тетя Мотя» (2013 г.) Е. Р. Вракиной анализируется философия семьи, воплощенная в романе М. Кучерской «Тетя Мотя», проследившая сходство и различия с «мыслью семейной» романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Анализ показывает, что представления Тети Моти о семье и любви проходят проверку, соотносясь с семейным поведением верующих героев второго плана, а переломные моменты семейной жизни героини представлены в романе как моменты ее «встречи» с Богом [3].

Таким верующим героем второго плана является Тишка – лучшая подруга Тети Моти. Тишка играет важную роль в образной системе романа, т. к. понимание счастья в контексте православия отражено именно в ее мировоззрении. Она не раз призывает героиню к терпению, советует зайти в церковь, поучает, но без назидания, свободно излагая свою позицию: «А любовь – это все-таки любить человека таким, какой он есть, и притом не терять из виду и замысел. Никогда». Но она же разъясняет, что всякая любовь проходит и кончается, и тогда «Бог отступает и смотрит, на что ты сам способен», т. к. «счастье – это долгосрочный проект» [9].

Апеллируя к посланию Иоанна Богослова, Г. Гегель пишет: «Любить – значит быть тем, что вне меня; я имею свое самосознание не во мне, а в другом» [5, с. 230]. Любовь Тети к Ланину дарит ей ощущение жизни в другом, счастья, которое в итоге оказывается мнимым, слишком легким. Необязательность и непредсказуемость их встреч обернулась необязательностью «долгосрочного счастья», которое все-таки является вечной и большей ценностью, чем сиюминутная страсть. В ито-

ге героиня, хоть и через муки, но все-таки смиряется, стараясь разглядеть свое счастье. В один момент ее охватывают страшные судороги и тошнота, физическая боль дает осознание, что «надо жить своей собственной маленькой жизнью, и в ней, как в капле, – видеть красоту. И согласиться именно на нее, на эту, да, крошечную, да, тупую, да, убогую, но прекрасную жизнь! Ты этого от меня хочешь, Господи? Да? Так, Тишка? Так, Сергей Петрович? Я правильно повторю урок?» [9].

Кучерская требует от своих героев не столько подчинения определенной догме, сколько ответственности, которая невозможна без веры, необязательно в Бога, но хотя бы в какой-то высший идеал, дающий человеку ориентир в современном либеральном мире. И. А. Ильин отмечает: «Есть у нас довольно распространенное воззрение, будто люди могут прожить жизнь без всякой веры и будто «образование», а в особенности «научное образование», несовместимо с верою. Образованный человек, думают люди, не может верить: он слишком много «знает», что все совершается по законам природы и что эти законы природы рано или поздно будут изучены; во что же ему еще верить?» [6, с. 135].

Исчезновение веры влечет за собой стирание традиций, что может обернуться крахом культуры в целом. Читая дневник Аси Адашевой – жены сына поэта Владимира Алексеевича Адашева, Тетя восклицает: «Как же тяжелы эти русские истории, Господи... Из-за спины Аси все посверкивала глазами Тишка, нет – из-за спины всего русского мира, полного унижений, насилия над слабым, рабства одних и упоения властью других, и безнаказанного сладострастия – все равно поглядывало представление о норме, законах, традициях» [9].

Это представление как неизбежность и старается объяснить М. Кучерская, понимая и разделяя трагичность русской женской доли и судьбы. Писательница не дает однозначного формульного счастливого маршрута, показывая сложность данной идеи как сложность самой жизни. Критик Т. Москвина отметила в статье «Дамское счастье не для нас»: «Русские писательницы сформированы сложным миром и разнообразным культурным ландшафтом.... Настоящий дамский бестселлер сможет написать только существо принципиально иного рода, чем наши затурканные Толстым и Достоевским беллетристики» [12].

Таким образом, идея счастья в прозе М. Кучерской предстает как ощущение принадлежности себя к определенной традиции, гармонии человека с чем-то высшим, а, сле-

довательно, и с собой. Но чтобы достигнуть такого состояния, герой должен приложить усилие, разглядеть в малом великое, понять «замысел».

Литература

1. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. – М.: Ad Marginem, 1999.
2. Библия (книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета). – М.: Российское Библейское общество, 2013.
3. Вракина Е. Р. «Мысль семейная» и место христианских мотивов в романе М. Кучерской «Тетя Мотя» // *Studia Humanitatis*. – 2013. – № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mysl-semeynaya-i-mesto-hristianskih-motivov-v-romane-m-kucherskoj-tetya-moty> (Дата обращения: 04.04.2015).
4. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. В 2х томах. – Т. 1. – М.: Мысль, 1972.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия религии. В 2-х томах. – М.: Мысль, 1975. – Т.1.
6. Ильин И. А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993.
7. Кучерская М. А. Современный патерик: Чтение для впавших в уныние. – М.: Время, 2008.
8. Кучерская М. Бог дождя. – М.: Время, 2007.
9. Кучерская М. Тетя Мотя. [Электронный ресурс] URL: http://modernlib.ru/books/mayya_kucherskaya/tetya_moty/read/ (Дата обращения: 2.04.2015).
10. Кучерская М.А. Плач по уехавшей учительнице рисования: рассказы. – М.: АСТ, 2014.
11. Махов А. Е. Ранний романтизм в поисках музыки: Слух. Воображение. Духовный быт. – М.: Лабиринт, 1993.
12. Москвина Т. Дамское счастье не для нас // Аргументы Недели № 8 (449) от 5 марта 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://argumenti.ru/culture/n477/390822> (Дата обращения: 04.04.2015).
13. Тема религии сама от меня отошла, откатилась (Интервью с Майей Кучерской, «Литрес» от 14 февраля 2013 года). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=19564> (Дата обращения: 2.04.2015).
14. Туркулец С. Е. Вера в контексте анализа форм общественного сознания (право и религия) // Религиоведение. – 2007. – № 4.
15. Франк С. Л. Реальность и человек. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/frank/frank006.htm> (Дата обращения: 2.04.2015).
16. Это не про православие, это про нас (Интервью «Газете.Ру» от 7 марта 2014 года.) [Электронный ресурс] URL: http://www.gazeta.ru/culture/2014/03/05/a_5937397.shtml (Дата обращения: 2.04.2015).

УДК 808.5

В. М. Кучугурова**ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ГЕНДЕРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ АДРЕСАТА НА СТРУКТУРУ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ А. С. ПУШКИНА)**

В статье рассматривается обусловленность структурно-языковых особенностей делового письма первой половины XIX века фактором гендерной принадлежности адресата и его полоролевой самоидентификацией. Анализ официальной переписки А. С. Пушкина с Н. А. Дуровой доказывает стремление ком-

муникантов к достижению психологического комфорта в общении даже в ареале высших коммуникативных функций.

Ключевые слова: деловое письмо, гендерная самоидентификация, речевое поведение, коммуникативная ситуация, коммуникативные ареалы.

V. M. Kuchugurova**THE INFLUENCE OF A GENDER IDENTITY OF AN ADDRESSEE ON THE STRUCTURE AND LANGUAGE FEATURES OF THE BUSINESS LETTER IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY (THE CASE OF BUSINESS CORRESPONDENCE BY A. S. PUSHKIN)**

The article deals with conditionality of structural and linguistic characteristics of a business letter by the factor of gender identity and gender self-identification of an addressee in the first half of the XIX century. The analysis of official correspondence between A. S. Pushkin and N. A. Durova proves the desire of the

communicants to achieve psychological comfort in communication even in the area of higher communicative functions.

Key words: business letter, gender self-identification, speech behavior, communicative situation, communicative areas.

Очевидно, что структура делового письма, несмотря на его весьма строгую регламентированность, довольно зависима от переменных, составляющих коммуникативную ситуацию, породившую то или иное послание. Особенно наглядно это проявляется при сопоставлении деловых писем А. С. Пушкина к Н. А. Дуровой с корреспонденцией, адресованной другим деловым партнерам.

Как известно, Надежда Андреевна Дурова была женщиной-легендой. Факты ее биографии широко известны, поэтому мы лишь укажем на тот из них, который являлся, на наш взгляд, главной причиной отступления А. С. Пушкиным от господствовавших в то время норм делового общения: отвергнутая собственной матерью, Н. А. Дурова была взята на воспитание гусаром ее отца, А. В. Дурова, воспитывалась в гусарских же традициях, а в 1806 году сбежала из дома в мужской одежде вслед за казачьим полком. Выдав себя первоначально за Александра Васильевича Соколова, сына помещика, она доблестно слу-

жила и сражалась в разных полках до 1816 года. Император Александр I пожаловал ей исключительное право именоваться Александром Андреевичем Александровым. Именно так и подписывалась в письмах Н. А. Дурова. Кроме того, она всегда ходила в мужском костюме, носила короткую стрижку, говорила о себе в мужском роде и сердилась, когда к ней обращались так, как традиции предписывали обращаться к женщине.

Что касается А. С. Пушкина, то только в первом его послании к Н. А. Дуровой (до их личной встречи) мы видим полную структуру делового письма первой половины XIX века: обращение (в мужском роде) (Милостивый государь Александр Андреевич...), текст письма с ответом на вопросы относительно рукописи «Записок кавалерист-девицы», традиционная клишированная концовка (С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть Вашим усерднейшим и покорнейшим слугою).

В дальнейшей же переписке, как можно предположить, в действие вступают два фактора, влекущие за собой отклонение письменной деловой коммуникации от принятых в то время стандартов: во-первых, сложность принятия А. С. Пушкиным несоответствия между биологическим полом и гендерной самоидентификацией адресата, во-вторых, невысокий уровень владения Н. А. Дуровой тонкостями светского (в том числе и делового) общения, что она сама осознает и в одном из писем к поэту объясняет следующим образом: «Александр Сергеевич! Если в этом письме найдутся выражения, которые вам не понравятся, вспомните, что я родился, вырос и возмужал в лагере: другого извинения не имею» [4].

Последняя причина, в свою очередь, делает сообщения названных коммуникантов очень четкими, практически лишенными второстепенных деталей и множественных этикетных формул, что было бы неизбежно при написании деловых бумаг в строгом соответствии со стандартом делового письма того времени. Этот факт отчасти приближает переписку А. С. Пушкина с Н. А. Дуровой к разряду дружеских писем, однако при всей искренней расположенности адресатов друг к другу, тексты их посланий демонстрируют отсутствие непринужденности – главной черты, присущей ареалу непринужденного повседневного общения.

В результате взаимодействия вышеуказанных обстоятельств можно наблюдать интересные трансформации текстов в переписке поэта с его знаменитой современницей. Особенно характерны модификации официальных посланий для А. С. Пушкина, для которого, как уже было сказано, факт несоответствия гендерной принадлежности адресата его биологическому полу, был фактором, существенно осложнявшим коммуникацию. Доказательством этой психологической сложности служит эпизод, описанный самой Н. А. Дуровой в автобиографическом произведении «Год жизни в Петербурге»: «Я не буду повторять тех похвал, какими вежливый писатель и поэт осыпал слог моих записок, полагая, что в этом случае он говорил тем языком, каким обыкновенно люди образованные говорят с дамами... Впрочем, любезный гость мой приходил в приметное замешательство всякой раз, когда я, рассказывая что-нибудь относя-

щееся ко мне, говорила: «был!... пришел!... пошел!... увидел!...». Долговременная привычка употреблять «ъ» вместо «а» делала для меня эту перемену очень обыкновенною, и я продолжала разговаривать, нисколько не затрудняясь своею ролею, обратившись мне уже в природу! Наконец Пушкин поспешил кончить и посещение и разговор, начинавшийся делаться для него до крайности трудным.

Он взял мою рукопись, говоря, что отдаст ее сейчас переписывать; поблагодарил меня за честь, которую, говорил он, я делаю ему, избирая его издателем моих записок, и, оканчивая обязательную речь свою, поцеловал мою руку!.. Я поспешно выхватила ее, покраснела и уже вовсе не знаю для чего сказала: «Ах, боже мой! Я так давно отвык от этого!» [1].

Как видим, проблемы в данном случае испытывал именно А. С. Пушкин, в то время, как для Н. А. Дуровой ее мужской образ был давно привычен и органичен. Этот же факт отражается и в текстах переписки, причем он по-прежнему ярко выражен со стороны А. С. Пушкина. Так, в дальнейших письмах к Н. А. Дуровой поэт вообще отказался от обращения. Все дошедшие до нас послания его к «кавалерист-девице» (кроме первого, о котором было сказано в начале статьи) начинаются сразу с постановки или обсуждения проблемы, например: «Вот начало Ваших записок. Все экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будет остановить издание. Мнение мое, искреннее и бескорыстное – оставить как есть. «Записки амазонки» как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. «Записки Н. А. Дуровой» – просто, искренне и благородно» [4].

При этом любопытно, что концовка письма (видимо, как дань традициям деловой письменности) остается чаще всего стандартной: «С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою. Александр Пушкин» [4].

Гендерную обусловленность наблюдаемых фактов доказывает, на наш взгляд, сравнительный анализ деловых писем А. С. Пушкина к другим адресатам, не имеющих проблем с полоролевой идентификацией. Таковы письма как к женщинам (например, к Л. М. Алымовой, к А. О. Ишимовой и др.), так и к мужчинам (М. Д. Дондукову-Корсакову, Н. И. Гречу, Н. А. Мордвинову, А. С. Шишкову и мн. др.).

Эти послания обладают традиционной структурой, характерной для деловой корреспонденции первой половины XIX века: им присущи стандартные зачины и концовки (например: «милостивый государь, граф Егор Францевич...» или «милостивая государыня Александра Осиповна...», «примите, милостивый государь, уверения искреннего моего уважения, с каковым честь имею быть Ваш покорнейший слуга...» или «с глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивая государыня, Вашим покорнейшим слугою»), также часты клише типа «осмеливаюсь просить», «осмеливаюсь прибегнуть к Вашему снисходительному покровительству», «засвидетельствовать глубочайшее почтение и сердечную благодарность» и т. п. Можно отметить, что в подобных письмах автор не испытывает сложностей со структурированием текста, поскольку свободно определяет гендерную принадлежность адресата.

Что касается выбора языка при написании деловой корреспонденции, то традиционным в данном случае был русский язык – однородный, без иноязычных включений (характерных для дворянского неофициального общения), стандартизированный и довольно тяжеловесный. Однако в переписке А. С. Пушкина с некоторыми из его деловых корреспондентов наблюдается такой же стандартизированный и гомогенный французский язык (например, в части писем к А. Х. Бенкендорфу). В случае же с Н. А. Дуровой мы наблюдаем выбор исключительно русского языка. В отдельных письмах он сугубо деловой, в других можно отметить более теплый тон, отчасти приближающий эти послания к неофициальным. При этом даже при общении с А. Х. Бенкендорфом А. С. Пушкин допускает редкие вкрапления французского языка в русскоязычный текст (что является, по большому счету, нарушением норм ареала высших коммуникативных функций и, напротив, очень характерно для неофициального непринужденного общения), в то время как с Н. А. Дуровой французский язык не используется поэтом совершенно.

Причины данного явления видятся нам в особенностях воспитания, полученного российской «кавалерист-девицей». Как можно понять из ее воспоминаний, оно было

весьма далеко от традиционного дворянского девичьего воспитания. К слову, и знаменитые «Записки кавалерист-девицы», и письма к другим адресатам написаны Н. А. Дуровой по-русски. Таким образом, можно предположить, что французский язык не был привычным для нее языком общения, к чему с пониманием и уважением отнесся и А. С. Пушкин, старавшийся в своих письмах соответствовать настрою, уровню и стилю адресата.

Таким образом, можно выявить зависимость структуры делового письма в эпистолярном наследии А. С. Пушкина не только от социального статуса адресата и цели коммуникации, что традиционно являлось определяющим фактором для выбора языка и структуры официального обращения, но и от его гендерной идентичности, а также связанных с такой самоидентификацией индивидуальных особенностей личности. Надо заметить, что подобная связь ситуативных переменных довольно специфична для ареала высших коммуникативных функций, в котором общение обслуживается, как правило, «подсистемой регулируемого речевого поведения», то есть репрезентативными формами языка [3]. Регулируемое речевое поведение подразумевает контроль языковой цензурой, а также автоцензурой, то есть предполагает не только соблюдение общепринятых языковых норм, кодификации и т. д., но и речевую самодисциплину личности, ее сознательное саморегулирование. Однако в рассмотренных нами примерах мы видим противоположную тенденцию: саморегулирование автора письма для устранения психологического дискомфорта направлено в сторону отступления от норм деловой письменности. При этом следует отметить, что факт несоответствия гендерной принадлежности биологическому полу для первой половины XIX века был событием экстраординарным и эта исключительная деталь, на наш взгляд, делает объяснимыми и оправданными отклонения от стандартов делового письма, допущенные А. С. Пушкиным в переписке с Н. А. Дуровой. Кроме того, замеченная зависимость позволяет предположить, что фактор психологического комфорта, несмотря на свою факультативность в ареале высших коммуникативных функций, все же играет важную роль в процессе коммуникации в целом.

Литература

1. Дурова Н. А. Год жизни в Петербурге [Электронный ресурс] URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-107.htm/> (Дата обращения 23.06.2015).
2. Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы. Избранные сочинения // Надежда Андреевна Дурова / Предисл. и сост. Людмилы Алексеевны Чутковой. – М.: Сибирская Благозвонница, 2011.
3. Нешименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. – М.: Наука, 2003.
4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 10. Письма. – 1979.

УДК 82.13

А. В. Останкович, Е. Н. Пономаренко

ПОЭМА «ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ» Г. В. ГОЛОХВАСТОВА КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье анализируется художественное единство поэмы Г. В. Голохвастова «Гибель Атлантиды», воссоздающей разветвленную мифопоэтическую систему с ориентацией на культурно-исторический контекст России начала XX в.

Ключевые слова: Андрогин, Атлантида, интерпретация, миф, мифотворчество, поэтический миф.

A. V. Ostankovich, E. N. Ponomarenko

THE POEM «DEATH OF ATLANTIS» BY G. V. GOLOKHAVSTOV AS A POETIC PHENOMENON OF RUSSIAN CIVILIZATION

The article analyzes the artistic cohesion of the poem «Death of Atlantis» by G. V. Golokhvastov, which creates a ramified mythic poetic system with a focus on cultural and historic context of Russia in the early XX century.

Key words: Androgyn, Atlantis, interpretation, myth, mythmaking, poetic myth.

Миф об Атлантиде, затонувшем острове-государстве, известный по платоновским диалогам «Тимей» и «Критий», живо интересует человечество на протяжении более чем двух тысяч лет. Судьба легендарного острова вызывает устойчивый интерес во всем мире: необозримое множество посвященных этой проблеме произведений, как художественного, так и научного характера, объясняют, интерпретируют, разворачивают античный сюжет.

В России активное литературное осмысление платоновского сказания о погибшей цивилизации атлантов происходит в начале XX века, что, вероятно, связано не только с всеобщим увлечением идеалистической философией Платона, но и с господством осо-

бого, пронизывающего эпоху мистического мироощущения, с его интересом к эзотерическим практикам, эсхатологическим пророчествам, социальным экспериментам, а также к кризисным и переломным моментам истории (в том числе, истории альтернативной): судьба легендарного острова на фоне критических изменений в российской истории казалась пророческой. Недаром Велемир Хлебников писал: «Потоп и гибель Атлантиды была или будет? Скорее я склонен был думать – будет» [7, с. 602].

Концепт Атлантиды нашел свою интерпретацию в творчестве многих мэтров Серебряного века. Он вдохновлял Вяч. И. Иванова («Атлантида»), К. А. Бальмонта («Город Золотых Ворот»), В. Хлебникова («Гибель Атланти-

ды»). Д. С. Мережковский написал знаменитый историко-философский трактат «Тайна Запада: Атлантида – Европа», а В. Я. Брюсов (помимо многочисленных лирических произведений, среди которых наибольшее значение имеет масштабный историософский венок сонетов «Светоч мысли») – теоретическую работу «Учители учителей». В ней поэт закрепил решающую роль в формировании культур древних цивилизаций именно за атлантами: *«Та общность начал, которая лежит в основе разнообразнейших и удаленнейших друг от друга культур «ранней древности»: эгейской, египетской, вавилонской, этоурской, яфетидской, древнеиндуэсской, майской, а может быть также Тихоокеанской и культуры южно-американских народов, не может быть вполне объяснена заимствованиями одних народов у других, взаимным их влиянием и подражаниями. Должно искать в основе всех древнейших культур человечества некоторое единое влияние, которое одно может правдоподобно объяснить замечательные аналогии между ними. <...> Кто же был их учителями? Кого же можем назвать ответственным именем «учители учителей»? Традиция отвечает на этот вопрос – Атлантида»* [2, с. 390].

Вероятно, эти и прочие попытки творчески осмыслить образ мифического государства Платона занимали творческое воображение негласного лидера поэтической школы русских «американцев» Георгия Владимировича Голохвастова, человека исключительной образованности, недюжинного таланта, знатка истории культуры, философии, религии, который широко применял накопленные знания в своей поэтической практике. Его главный труд – философско-эзотерическую эпическую поэму «Гибель Атлантиды» (1935 г.) – по величию и монументальности замысла современники сравнивали с «Божественной комедией» Данте Алигьери, «Освобожденным Иерусалимом» Торквато Тассо и «Потерянным раем» Джона Мильтона.

Впрочем, значимость главного труда Голохвастова для истории литературы и культуры определяется не только монументальностью лежащих в его основе образов и конфликтов, но и чрезвычайным изяществом и прихотливостью облакающей их стихотворной формы. В поэме автор не просто демонстрирует незаурядное поэтическое мастерство, но и обнаруживает склонность к различным

экспериментам, свободно варьируя в тексте нетождественные строфы, играя со стихотворными размерами сменой традиционных рифменных схем, варьированием анакруз и эпикруз. Написанные стройным регулярным логэдом (ямбоамфибрахием) повествовательные эпизоды поэмы, часто прерываются различными диалогизирующими повествование вставками: тексты древних манускриптов и эсхатологических пророчеств; описания оккультных обрядов и кровавых жертвоприношений непременно обособляются, причем, не только перебивкой ритма, но и средствами графической сегментации, что, конечно же, обеспечивает высокую стилистическую экспрессию и гарантирует значительную творческую свободу в выборе стихотворных форм для реализации масштабного творческого замысла.

Голохвастов не ограничивается поэтическим пересказом дошедшей до нас части предания Платона, а реконструирует его, предлагая новую версию исчезновения мифической утопии. Попытка установить предпосылки и причины гибели величайшей цивилизации древности объединяет в себе хрестоматийные мифологические сюжеты и образы с культурно-историческим контекстом XX в. – эпохи великих потрясений и коренных переломов. Революция, политическая нестабильность, перешедшая затем в братоубийственную гражданскую войну, завершение первой и трагическое предчувствие, обещавшей стать *«уже не взаимным истреблением народов, а самоистреблением человечества»* [4, с. 20], надо полагать, способствовали выбору Голохвастовым именно эсхатологического сюжета. Ностальгирующий по потерянной родине поэт, вероятно, был склонен видеть в мифе о погибшем государстве аллегорию прежней России, гибнувшей под натиском могущественных катаклизмов, ею самой порожденных. Сходной точки зрения придерживался и другой эмигрант – писатель, поэт, историк и религиозный философ Д. С. Мережковский, писавший, что *«первая Атлантида истреблена была внешним огнем, вулканическим: может быть, вторая – истребится огнем внутренним»* [4, с. 19].

Как известно, платоновская история Атлантиды начинается с момента разделения земель между богами олимпийского пантеона, в результате которого Атлантиду в надел

получает Посейдон. В своих владениях бог морей встречает смертную женщину Клейто, которая родила от него пять пар близнецов мужского пола. Старший из них Атлант становится первым правителем, от него же происходит наиболее почитаемый род, сохраняющий за собой власть на острове. Мудрость правящего рода вкупе с богатством, «какого никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будут когда-нибудь еще» [5, с. 509] помогли Атлантиде стать величайшим государством, своеобразной утопией древнего мира. При этом, жители столь процветающего острова «не пьянели от роскоши, не теряли власти над собой и здравого рассудка под воздействием богатства, но, храня трезвость ума, отчетливо видели, что и это все обязано своим возрастанием общему согласию в соединении с добродетелью» [5, с. 515]. Однако со временем божественная кровь была вытеснена примесью крови смертных – возобладавшая человеческая природа сделала невозможным прежнее благоразумное существование: жители процветающего царства погрязли в роскоши, алчности и гордыне. Видя это, Зевс «помыслил о славном роде, впадшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию» [5, с. 515]. Далее диалог (или, во всяком случае, дошедший до нас текст) обрывается, и дальнейшая судьба Атлантиды вплоть до ее гибели остается неизвестной.

Более чем подробное обоснование выбора именно этого мифологического сюжета приводится Голохвастовым в первой части поэмы («Чары Атлантиды»). Она представляет собой довольно пространную монологию-исповедь от первого лица некоего безымянного героя, размышляющего над «разогнутым томом трудов Платона» [3, с. 213]. Он полагает, что Атлантида вовсе не вымысел древних, а была – не случайно отзвук древних преданий о ней отчетливо проявляется во многих мифологиях мира:

*<...> Их след сохранен
У дельты Нила, в Глуши Гондураса,
Близ волн Бискайских, где жил кроманьон,
И там, над Тигром, где правил Саргон,
Где встарь к дворцу с зиггуратом терраса
Вздыхала лестниц и сходов уклон;
Поднесь, как эхо, их быт окружен
Чертой неожиданной в быту папуаса,
Их мыслью в солнце Атон воплощен,*

*И в мудрость Вед, в изощренный канон,
Их дух вковал вдохновенный Виаса* [3, с. 214].

Следует отметить, что эта точка зрения является довольно распространенной в атлантологии – науке, занимающейся геолого-географическими, этническими и историко-культурными проблемами Атлантиды. Одним из главных доводов в ее защиту стали обнаруженные во многих мифологиях народов мира сказания о прибытии из-за моря богов и героев-цивилизаторов. Но все же главный вопрос, который волнует и мучает героя Голохвастова, заключается несколько в ином: как и почему великая раса, «праматерь племен», венец божьего творения и населяемая им утопия могли погибнуть: «То суд ли Божий? Природы ль закон?» [3, с. 214]. Прерванный платоновский диалог не позволяет сделать однозначного вывода:

*И вновь, и вновь я, внимательный чтец,
Вникаю в повесть, в тревожный конец,
Где, в страшный срок воздаянья мудрец
Приводит нас на совет чрезвычайный,
Когда в престольном чертоге небес,
Откуда мир открывался бескрайний,
Воззвал к богам о возмездьи Зевес.
Но прерван сказ. Обаяние тайны –
Как тишь во храме за шелком завес...
Зачем же смолк ты, сокрытых чудес
Последний в мире наследник случайный?
На чем прервал летописную нить?
Какую правду не смел возвестить* [3, с. 214]?

Мечта о познании истины становится для героя своеобразной идеей-фикс, вызванной не праздным интересом, а жизненно важной потребностью: «Хочу! Я должен, мне надо узнать!» [3, с. 215]. Герой не просто одержим древней цивилизацией атлантов, он чувствует свою духовную связь с ней, тоскует и надеется, что придет черед «для встречи новой». В ретроспективе грез перед ним проносится вся история древнего мира, и он видит возрождение чудесного острова, на котором вновь кипит жизнь. Сам проницательный читатель тоже «возрождается», обретая свой первоначальный облик и статус:

*Иду я; складки широких одежд
Шуршат, колосья в пути задевая;
А посох, крепкий как прочный костыль,
Концом уходит в глубокую пыль;
Мой лоб, повитый повязкой свободной,
Овеян солью и влажностью водной,*

*И ветер с шири лазурной воды
Колышет пряди седой бороды* [3, с. 221].

Радость в обретении настоящей родины («Не гость я здесь, а в родимом краю» [3, с. 223]) приводит к долгожданному самоопределению. Герой-читатель наконец вспоминает обстоятельства своей предыдущей жизни и причину одержимости древним сказанием Платона:

*Я вспомнил! Вспомнил! Я – жрец Атлантиды,
Верховный маг светозарного Ра* [3, с. 223].

Дальнейшее описание истории и устройства государства атлантов, представленное во второй части поэмы («Атлантида»), не отходит от версии Платона и в изящной стихотворной форме повторяет рассказ Крития. Однако это описание ограничивается всего тремя главами и уступает место художественному вымыслу поэта. К примеру, столицей Атлантиды Голохвастова становится город Ацтлан – мифическая прародина ацтеков. В этом случае значимым, но не определяющим кажется созвучие «Ацтлан – Атлант». Как указывает Мережковский: «Родина Ацтеков – Aztlán – «земля на великих водах», «остров». <...> Остров с горю, окруженною concentрическими кольцами стен и каналов, подобно Акрополю в столице Атлантов у Платона, изображается и на Ацтекских рисунках Ацтлана» [4, с. 103].

Еще одной немаловажной индивидуализирующей художественную систему поэмы чертой является введение мифологемы андрогина (др.-греч. ἀνδρόγυνος: от ἀνήρ «муж, мужчина» и γυνή «женщина») – богоподобного совершенного человека, объединяющего в себе мужское и женское начало. Отметим, что миф об андрогине впервые рассказывает Аристотель в платоновском диалоге «Пир» (впрочем, его основа может иметь и более глубокие корни). Из него следует, что убежденные и уверенные в своем величии андрогини посягнули на власть олимпийских богов, за что и были наказаны Зевсом. Громовержец разделил их и осудил на мучительные поиски утраченной половины.

Интерес к концепту Атлантиды также представляется естественным в культурно-историческом и цивилизационном контексте России начала XX в. Сама мечта о рукотворном создании идеального человеческого существа перекликается не только с философией Ницше и его мечтой о сверхчеловеке,

но и с идеями евгеники, получившими тогда чрезвычайно широкое распространение: евгенические программы по «улучшению человеческих качеств» существовали в СССР, в некоторых штатах США, а также в Дании, Швеции и, наконец, в нацистской Германии, где опыты по улучшению человека окончательно себя дискредитировали.

Кроме того, идея андрогинности как идеального для человека состояния единства, духовной полноты и целостности ранее широко развивалась русской философией. В. С. Соловьев, посвятивший вопросу взаимодействия полов ряд статей под общим названием «Смысл любви», писал: «Истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих» [6, с. 29]. Не менее важное место проблема андрогинности занимала и в работах Н. А. Бердяева, который в своем труде «Смысл творчества» говорил о том, что «...мировая дифференциация на мужское и женское не в силах окончательно уничтожить коренную, исконную бисексуальность, андрогиничность человека, т. е. образ и подобие Божье в человеке» [1, с. 402–403]. О божественной природе андрогина размышлял и Д. С. Мережковский, утверждающий, что «тайна божественного Эроса, скрытая в древних мистериях <...> открывается нам или откроется когда-нибудь в Божественной Троице. Говоря нашим языком, всегда о Боге слабым и грубым, даже в чистейших молитвах и откровениях невольно-кошунственным, можно сказать: вечно-мужественное – в Отце, вечно-женственное – в Духе Матери («Дух», по-еврейски Ruach – женского рода), а сочетание этих двух начал – в Сыне: церковь, Тело Христово, – Невеста, а сам Христос – Жених; это и значит: два начала в Нем – вечно-женственное и вечно-мужественное» [4, с. 169]. Вдохновляющий мыслителей образ, удачно вписавшись в контекст легенды о затонувшем городе, стал сюжетообразующим стержнем «Гибели Атлантиды».

Завязка основного сюжета поэмы происходит тогда, когда Верховный Жрец Ацтлана, скорбящий о падении нравов своей страны и мечтающий спасти ее жителей от духовной и телесной гибели, находит манускрипт, содержащий сведения о том, что возрождение человечества возможно лишь тогда,

*Когда спаяет двоих единенье,
И двое будут одно, как в зерне,
Как в круге, слитом из двух полукружий;
Когда все станет внутри, как извне,
Одним и тем же внутри и снаружи;
Когда, ни женским, ни мужеским став,
Мужское с женским сольется бесследно
Тогда лишь Жизнь воссияет победно
И Смерть лишится насильственных прав* [3, с. 356].

Восхищенный обретенным знанием герой испытывает своеобразное прозрение: люди кажутся ему несовершенной ошибкой природы. Они несчастны, и в этом несчастье Жрец склонен винить природу пола, ставшего и источником раздора в мире и причиной мучительной жажды людей обрести утраченную половину. Возомнив себя спасителем, на которого возложена миссия по возрождению божественного начала в человеке, Жрец с помощью оккультного ритуала намеревается воссоздать наиболее близкий Творцу образ андрогина. Для осуществления своей амбициозной мечты он решает принести в жертву влюбленных друг в друга близнецов – Царевича и Царевну Атланы. Таким образом, в ткань повествования Голохвастов вплетает еще один мифологический сюжет, знакомый многим народам мира – историю о близнецах.

Отметим, что в традиционных близнецных мифах наибольшее распространение получили две основные сюжетные коллизии. Если главными героями становились однополые близнецы, то конфликт, как правило, строился на их соперничестве и противоборстве, причем один из них всегда олицетворял собой все положительные качества, а второй – являлся его тенью, трикстером, вредителем и антигероем. Вторая разновидность близнецного мифа обычно предполагает мотив вспыхнувшей между близнецами – братом и сестрой – инцестуальной любви и последующего кровосмесительного брака. Вариант именно этой разновидности мифа использует Голохвастов.

Рожденные в священную для жителей Атлантиды «ночь Геменид¹» близнецы получают избранный статус в сознании обывателей и мудрецов Атлантиды. Жрец связывает их судьбу с судьбой мира, наделяет ответ-

ственностью за его спасение. По его логике, в самом единовременном рождении Царевича и Царевны содержится указание на то, что они должны были родиться единым целым, но в силу несовершенства человеческой природы были разделены на мужскую и женскую половины:

*И общий отблеск их жизни душевной,
При сходстве внешнем, их так проникал,
Что, рядом, были царевич с царевной,
Как лик один в глубине двух зеркал,
Как парный жемчуг в искусном проборе,
Как звук созвучный двух дрогнувших струн,
Как диск луны, отразившийся в море,
Когда он блещет лучами двух лун* [5, с. 263].

Впрочем, ритуал, результатом которого должно было стать создание идеального сверхчеловека-андрогина, оканчивается неудачей, но появившийся вначале опыта призрачный образ приводит Жреца в экстатическое состояние и, возомнив себя подобным Творцу, он провозглашает:

*Именем Жизни строенье вселенское
Внове воздвигну из праха, и с ним
Смертные двое – мужское и женское –
Станут бессмертным Одним* [5, с. 456].

Обуявшая Жреца гордыня обращает на него гнев «Владыки небесных высот», что приводит к разрушительным катаклизмам, в которых гибнет Атлантида. Осознавший роковую ошибку раскаявшийся Жрец взывает к Богу с просьбой покарать его и падший Атлан, но сжалиться над остальным миром. Стихии затихают, и над землей гремит могучий голос:

*«Я был, я есмь, я вовеки пребуду,
Един Бессмертен и целостно-цел!»* [5, с. 465].

Образ андрогина в поэме Г. В. Голохвастова становится олицетворением недоступного человеку божественного единства. Слияние противоположностей, объединение мужского и женского, целостность, завершенность представляются воплощением совершенного, но потому и недостижимого сверхчеловеческого бытия.

Таким образом, художественный мир философско-эзотерической эпической поэмы «Гибель Атлантиды», ориентируясь на воссоздание мифа, в своей художественной ткани объединяет и трансформирует древние мифологические сюжеты в связи с событиями недавнего исторического прошлого России.

¹ Гемениды – светящиеся небесные тела метеорного потока или дождя, происходящего ежегодно 10–12 декабря в третьем зодиакальном созвездии Близнецов (Gemini).

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989.
2. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в 7 т. Т. 7. Статьи о Пушкине. Статьи об армянской литературе. Учителя учителей. – М.: Художественная литература, 1975.
3. Голохвастов Г. В. Гибель Атлантиды. – М.: Водолей Publishers, 2008.
4. Мережковский Д. С. Тайна Запада: Атлантида – Европа. – М.: Русская книга, 1992.
5. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1990.
6. Соловьев В. С. Смысл любви. – М.: Путь, 1996.
7. Хлебников В. Творения. – М.: Советский писатель, 1986.

УДК 82.13

А. В. Останкович, А. Д. Фокина

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНЦЕПТЫ «РУСЬ», «ГОСУДАРСТВО» И «ПРАВИТЕЛЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВЫРАЖЕНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОНЕТЫ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ Г. В. ГОЛОХВASTOVA

Статья посвящена исследованию концептосферы, включающей глубинные основы российской ментальности, в сонетах русского «американца» Г.В. Голохвастова.

Ключевые слова: Голохвастов, сонет, цивилизация, идентичность, нация, концепт, Русь, правитель, государство, композиция.

A. V. Ostankovich, A. D. Fokina

CIVILIZATION CONCEPTS OF «RUSSIA», «STATE» AND «GOVERNOR» IN THE ARTISTIC EXPRESSION OF RUSSIAN NATIONAL IDENTITY: SONNETS BY G. V. GOLOKHVASTOV ON HISTORICAL SUBJECTS

The article is devoted to the sphere of concept which includes deep foundations of Russian mentality in sonnets by Russian «American» G. V. Golokhvastov.

Key words: Golokhvastov, sonnet, civilization, identity, nation, concept, Russia, governor, composition.

Цивилизационная самоидентификация – чрезвычайно важная процессуальная сфера сознания человека, которая сохраняет и деятельно поддерживает в многомерном и постоянно изменяющемся мире культурно-исторические и ментальные ценности народа. Цивилизационная идентичность – это представления о своей принадлежности к той или иной цивилизационной общности (например, к западной, православной, исламской...), те ценности и поведенческие модели, которые формируются на основании отождествления себя с определенным культурным выбором, а также с соответствующими социальными институтами и отношениями [6, с. 29].

Проблеме цивилизационной принадлежности России уже почти 300 лет. Общ-

ность территории, культурное и духовное наследие и другие, субъективные и объективные, факторы позволяют утверждать, что Россия на протяжении длительного времени сохраняет инвариантные свойства своей цивилизационной модели.

Наибольшую популярность и авторитет среди научного сообщества в определении характера национальной идентичности имеют два подхода. Первый признает Россию страной-цивилизацией, и поэтому понятие российской идентичности трактуется как идентичность цивилизационная; второй отождествляет «российскую идентичность» с идентичностью гражданской, что обусловлено противопоставлением России как государства и России как цивилизации [3, с. 82].

В нашем исследовании мы будем придерживаться взгляда, сближающего российскую идентичность с цивилизационной идентичностью, поскольку данный взгляд позволяет обратиться к фундаментальным культурно-историческим основаниям, организующим этнос, нацию, государство.

Главная ценность любого народа, которая сохраняется вне времени и позволяет относить его страну к полноценной цивилизации, – это культурное наследие, представленное, прежде всего, в произведениях искусства, выражающих самосознание и аккумулирующих в себе исторический и социальный опыт нации. Поэтому через анализ и интерпретацию национальных произведений искусства, в нашем случае, сонетов Г. В. Голохвастова, можно приблизиться к пониманию основ российской цивилизационной идентичности как феномена личностного и массового самосознания, представленного в поэтическом культурном коде.

Г. В. Голохвастов, Е. А. Христиани, В. С. Ильяшенко и Д. А. Магула создали поэтическую группу русских «американцев», объединившихся в США в результате первой волны эмиграции. Георгий Голохвастов – самый значительный представитель этой группы и ее неофициальный лидер. Поэзия русских «американцев» тематически, жанрово и стилистически значительно отличается от поэзии их современников. Исторические и социальные условия эмиграции Голохвастова, позволившие избежать личного участия в братоубийственной гражданской войне, способствовали формированию уникального поэтического мировоззрения, выражающего самобытное русское сознание и менталитет.

Для выявления ценностных оснований российской цивилизационной идентичности в сонетах Голохвастова, на наш взгляд, целесообразно использование понятия «концепт». Одним из первых исследованием художественного концепта занялся С. А. Аскольдов-Алексеев, предложив следующее его определение: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода». В статье «Концепт и слово» (1928) Аскольдов-Алексеев признаком концепта называет его символическую природу, следовательно, понимание художествен-

ного концепта находится за пределами любых логических законов, оно ориентировано на образность и потенциальные значения [1, с. 270]. В. Г. Зусман, акцентируя внимание на соединении в концепте индивидуального представления и общности, также сближает концепт с художественным образом [4, с. 163].

Концепт в поэзии всегда обращен не только к отдельно взятой личности, но и к ментальной сфере всей нации, что подчеркивает универсальность художественного опыта, зафиксированного в культурной памяти; именно концепт становится «строительным материалом» для новых художественных смыслов [5, с. 42]. С позиций синтеза научного знания об объекте вообще, он «запускает движение смыслов на стыках разных рядов – исторического, социального, бытового и собственно литературного» [2, с. 75].

Концепт отражает жизненный опыт носителя. Он «не только мыслится, но и переживается» [7, с. 42]. Главный интерес представляет его ценностная составляющая, поскольку она обращена к культурному наследию нации. Для настоящего исследования такая позиция может быть принята в качестве исходной, поскольку точкой отсчета мы считаем факт закреплённости самобытного сознания за отдельно взятой личностью, ошаающей себя частью национально-целого.

Голохвастов, являясь этническим русским, настойчиво реализует в сонетах важнейшие национальные концепты: «Русь», «государство» и «правитель». По общему мнению, они закреплёны в российском культурном коде как цивилизационные символы. Очевидно и то, что поэзия Голохвастова, «переживая» концепты, выражает и личностный опыт. Содержание концепта символично и основано на художественной ассоциативности; эмоциональная содержательность концепта индивидуальна и опирается на субъективный опыт. В произведениях поэта закреплёны определённые ассоцианты, субъективно осмысленные, но существующие на основе его априорного знания. Авторская картина мира находится в единстве с российской цивилизационной картиной мира, реализующейся в эмоциональном компоненте концептной структуры его сонетов.

Центральный, или инвариантный, концепт, системно центрирующий все остальные, «Русь». В силу полного понимания невозмож-

ности возврата к дореволюционному прошлому топоним «Россия» у Голохвастова теряет актуальное значение, поэтому поэт постоянно обращается к концепту «Русь», но не в историческом, географическом или хроникальном (Киевская Русь, Московская Русь, Россия), а в ментальном смысле. Русь – это вся ее история, от первоисточков до современных поэту событий, это богатейшее культурное и историческое наследие, это всеединство проживающих на ее территории народов. В поэтическом творчестве «Русь» становится целостной архетипической единицей, основанной на глубинных родовых и личностных представлениях носителя идентичности.

Находясь в условиях языковой, ментальной и культурной изоляции, Голохвастов остается естественным носителем идентичности и, используя качественные ассоцианты – «мошь», «величие», «слава», «единство», воссоздает картину российской цивилизации в пространстве сонета. Однако «Русь» в плане авторского осмысления концепт неоднозначный. С одной стороны, это безграничное и могущественное государство вне времени и пространства, но с другой – это страна, навсегда потерянная для Голохвастова, невозвратимая, сегодня чуждая и враждебная, отчего лирический герой полон тоски и осознания безысходности:

*Тоска. А за окном унынье пустырей
И стены серые с морщинами известки.
Бежать... Невмочь терпеть. Я вышел¹.*

(«В городе»)

Мотив оторванности от родной земли постоянно повторяется в сонетах, но он не трагичен, хотя лирический герой ощущает себя чужим в условиях североамериканской эмиграции. Отсюда возникают ассоцианты – «тоска», «печаль», «посторонний».

Интересно и характерно, что антиномия двух цивилизационных моделей, чужой и родной, реализуется через антитезу «город – деревня». Нью-Йорк выступает полноценным символом всего западного мира, и лирический герой Голохвастова всегда ощущает непринятость этим миром, для него гораздо ближе покинутый глухой край сел и деревень, чем блестящий Бродвей:

*Все лжет – и рюмок звон, и ропот струн
певучих,*

*И смех раскатистый, и шепот слов летучих:
Нет, эта улица – не добрый Млечный Путь.*

(«Млечный путь»)

Возвращение не просто на территорию своего государства, а именно к Отчизне, к первоисточкам – заветная мечта лирического героя, но она неисполнима, следовательно, образ родной страны выстраивается, прежде всего, в памяти через мысленное обращение ко дням юности, прошедшей на воле, среди полей и проселков: «мне молодости зов мерещится дремотно»; «я жду с минувшим встречи»; «там, в юности <...> я счастлив был, беспечный и ничей». Та Россия, о которой помнит Голохвастов, – это большой дом с приветливым треском печи или песнями из девичьей, это «разливы спелой ржи» и проселочная дорога. Поэт создает образ России деревенской, крестьянской, схожей с есенинской «страной березового ситца».

«Русь» – концепт родовой, организующий цивилизационную модель в сонетном пространстве. Но для Голохвастова российская цивилизация существует только в форме государства и никак иначе – анархия и разобщенность недопустимы, поэтому концепт «государство» сверхценен, и «Русь» становится синонимичной «государству». «Государство» в обязательном порядке предполагает наличие концепта «правитель», образ которого в поэтической трансформации обычно передает наиболее характерные ментальные черты всего народа. Ассоциантами концепта «правитель» являются категории «мудрость», «сила», «величие». «Правитель» – это не человек определенной эпохи, а общий тип, наделенный вполне конкретными качествами, относительно постоянными и неизменными. В поэтическом мире Голохвастова образы некоторых российских правителей обретают сакральное значение.

В цикл сонетов на исторические сюжеты Голохвастова входит сонет «Свидание», событием для которого был избран приезд Киевского князя Святослава к императору Византии Иоанну Цимисхию, тоже знаменитому и отважному воину-полководцу, для обсуждения условий мирного договора после ряда кровопролитных сражений второго Дунайского похода князя:

¹ Здесь и далее цитируется по изданию Георгий Голохвастов. Лебединая песня: Несобранное и неизданное. – М., 2010.

*Верхом, Цимисхий ждет у шумных вод
Дуная,*

*С ним пестрая толпа вельмож, солдат и
слуг;*

*Звенит оружие, бряцает сталь кольчуг,
И ржаньем тишина разбужена степная.*

Под латами царя одежда парча цветная;

Забрало легкое из тонких светлых дуг

*Он поднял, глядя в даль. Там волны режет
струг,*

Упрямую корму в их пену окуная.

С веслом, как все гребцы, причалил Святослав;

*В рубахе с поясом, он прост, но величав, –
К вчерашнему врагу он прибыл безоружен.*

В глазах – фиордов синь, за ней – железный нрав;

*Навис на ухо чуб, и, сажень меж жемчужин,
В серьге рубин горит, на солнце запылав.*

Для сюжета поэт выбирает не эпизод воинской славы князя (присоединение земель вятичей, победы над древлянами, хазарским каганатом, волжскими и дунайскими болгарями, ряд удачных сражений с Византией...), а момент заключения вынужденного договора, по которому Святослав с изрядно поредевшим войском и захваченной ранее добычей был отпущен византийцами восвояси. Голохвастов почтительно оценивает образ князя-воина, несмотря на сложность ситуации сохранившего достоинство и отвагу. Святослав представлен как пример правителя-воина, достойного носителя ценностей национального самосознания и доблести.

Композиция сонета подчеркивают непротиворечивую двойственность князя: он «в рубахе с поясом», «с веслом, как все гребцы», но «сажень меж жемчужин, В серьге рубин горит, на солнце запылав»; он объективно побежден, но полон достоинства. Естественность Святослава оттеняется противоположностью блестящему облику Цимисхия, окруженному войском, но не единому с ним. Звон, бряцание византийского оружия и лат подчеркивают силу «железного нрава» безоружного Святослава и прибывших с ним дружинников. Правитель-полководец-воин в полной мере разделяющий судьбу войска – мифологизированный образец, периодически воскрешаемый в национальном сознании: Дмитрий Донской, Петр I, Ушаков, Суворов, Кутузов и др.

Сходными чертами характера наделен и Петр I в сонете «Король и царь». Он также чужд роскоши и нравам дворца Тюильри, где «камзолы, кружева, и ленты, и алмазы». Русский царь (показательна поэтика именования), взявший на руки малолетнего короля Людовика XV, смутил чопорных маркиз, но при этом не утратил своего достоинства; он идет впереди «обеих чванных свит», как бы символизируя мощь, силу и мужское обаяние своей личности, сливающейся с новой, создаваемой по его воле Россией.

Камзолы, кружева, и ленты, и алмазы.

*Прием торжественный готовит цвет двора
Царю Московскому. На всех устах с утра
О госте северном чудесные рассказы.*

*А там, у лестницы, где мраморные вазы
Белеют с двух сторон багряного ковра,
В кругу советников, Людовик ждет Петра,
В огромном парике ребенок большеглазый.*

*Но дрогнул сонм вельмож... Рванулся...
Клик гремит.*

*Где чопорность маркиз? Их пудренных ланит
Огонь взволнованный пылает беззаконно.*

*По залам, впереди обеих чванных свит,
Смеющийся, несет до самой сени тронной
Малютку Короля могучий Московит.*

Но в данном сонете «Правитель» отделен как от чужих, так и от своих. Он уже император, а не князь-воин Святослав, хотя и ведет себя как человек родовой по отношению к другому императору-ребенку (чем и вызывает симпатию у поэта-соотечественника). Презревший традицию приемов Петр – это и символ «правителя», на которого не распространяются нормы жизни простых смертных и даже правила дипломатического этикета, которому следуют иноземные монархи. Наш «правитель» в массовом сознании всегда исключителен и прав, хотя, возможно, что ребенка Людовика XV так сильно напугал «могучий Московит», что он во все время своего правления оставался последовательным и непримиримым врагом России.

Объяснима мотивация Голохвастова, обратившегося к образу Петра I, создателя могущественной империи и ее столицы, начавшейся с «зиждательного рассадника» на смрадных болотах, а впоследствии олицетворяющей роскошь империи, превзошедшую

европейские столицы. Санкт-Петербург – город-символ российского государства для Голохвастова.

Как Петербург в литературной традиции является городом-загадкой, так не разгадан и Петр: с одной стороны, плотник, матрос и веселый кутила, деятельный представитель нации, а с другой – неограниченный самодержец, деспот и тиран. Именно таким представлен его образ в сонете «Царевна Софья». Но и Царевна Софья далеко не смиренная послушница, в ее сердце горит праведный гнев за насильно отобранную любовь и власть:

*Благоуветливость монашеской светлицы;
Сквозь пеструю слюду играет луч цветной,
Чуть пахнет ладаном... А в сердце гнев
хмельной*

Горит под смирной одеждою черницы.

*Несносен Софье плен. Для этой ли темницы
Разрушила она, смеясь над стариной,
Неволю теремов – вступила в мир иной,
Познала жизнь, любовь, борьбу и власть
царицы.*

*О, только б краткий срок! Вновь кликнуть
удальцов...*

*Как соколы, слетят бойцы со всех концов,
За раскрасавицу Царь-Девку стать горю...*

*Эх, полно! Что зовешь, царевна, мертвецов!
Не за окном ли там, в глумленьи над се-
строю,*

*Повесил страшный Петр ей преданных
стрельцов.*

Софья воплощает берущий начало от княгини Ольги тип сильной женщины, желающей и способной самодержавно править страной. Она, как и Петр, хочет продолжить реформы их отца, царя Алексея Михайловича Тишайшего, но для этого нужно стать царицей. Кроме того, она не желает ограничивать свою личную свободу, не может безропотно принять судьбу заточенных в монастыри и терема цариц и царевен. Но борьба с братьями закончилась поражением. «Повесил страшный Петр ей преданных стрельцов», – строка становится квинтэссенцией всех ужасов и бесчинств петровской эпохи, и в ней весь Петр – всевластный, всесокрушающий. Таков правитель новой империи, который, работая на верфях, вникает во все тонкости корабельного дела, не гнушается есть и пить с матросами, щедро награждает за отвагу, талант и

сметливость, но в то же время он страшный во гневе самодержец, самолично пытающий и рубящий головы, для которого неважно, кто посягнул на его власть – сестра или сын, потому что только полная власть может обеспечить свободу и возможность воплощения замыслов, личную безопасность «правителя» в России.

Сонет «Царевна Софья» в значительной мере обращен к личной судьбе поэта. Мировоззрение Голохвастова таково, что он ощущает себя неотъемлемой частью единой истории как народа, так и государства. Софья – это не только опальная царевна, но и символическое воплощение судьбы тысяч русских людей, насильно «заточенных» в чужих странах.

Осознание необходимости национального единения всегда приходит в переломные и трагические моменты истории народа. Сонет «Победитель и побежденный» воссоздает психологическое восприятие событий Отечественной войны 1812 года, когда враг уже занял разоренную и сожженную Москву, но война продолжается, и «не клонят русские строптивой головы». Москва неслучайно названа «священным городом» – это оплот послемонгольской отечественной истории, город, символизирующий всю Россию; показательно, что Наполеон в сонете ждет ответа на предложения о мире именно в Кремле, в самом сердце Руси и России. В отличие от уже рассмотренных сонетов, образ императора приобретает несколько иные черты – в нем нет ничего от непоколебимой властности Петра I или от легендарной эпической мощи Святослава, но есть чувство поправленного национального достоинства и неотступное желание священной мести, объединяющее императора с народом:

*Не спит и Александр. Ненастный плач Невы;
Долга сомнений ночь. И где ж от дум за-
щита?..*

*«Не дрогнуть, устоять, отмстить за стыд
Тильзита...»*

*Мне заплатить должны Парижем плен-
ным вы».*

Таков новый император – рассудочный и осмотнительный, трезво планирующий ход войны, осторожно принимающий решения и строго взвешивающий каждый шаг; и если образы Святослава, Петра I, царевны Софьи и

Ивана III выписаны в сонетах преимущественно в фольклорном восприятии, то психологический портрет Александра I исполнен в рациональной реалистической манере. Из всех послепетровских монархов Голохвастов неслучайно выбирает Александра I, потому что именно этот император сумел спасти Россию в момент сильнейшей внешней опасности, в то время когда решалась судьба нации.

Последний сонет, в котором представлен образ русского царя, – «Победа». Иван III не просто великий правитель: «Он поднял Русь из праха», и его царствование – это время начала торжества и величия Руси. Характерно, что государя, взявшего от Византии «блеск и мощь размаха» и нарочито распустившего стяг с Двуглавым Орлом, Голохвастов сначала не называет по имени. Иван III – Царь, в «венце и бармах», поэтому Голохвастов использует церковнославянскую форму имени:

*По-за Окой орда раскинула шатры;
За новой данью в Кремль пришел посол со
свитой...*

*И зван он на прием в палате Грановитой,
Где в окна бьют лучи полуденной поры.*

*Над Царским местом сень. Царьградские
ковры;*

*С Орлом Двуглавым стяг распушен нарочито.
Бояре в золотах застыли сановито,
И на плечах у рынд мерцают топоры.*

*В венце и бармах Царь. Он поднял Русь
из праха:*

*От Византии взял он блеск и мощь размаха, –
Татарским данником неместно быть ему.*

*И увидал баскак, затрепетав от страха,
Что Иоанн ступил на ханскую басму...*

А солнце крест зажгло на шапке Мономаха.

Место приема посла неслучайно: посол приходит в Грановитую палату из степи туда, где «над царским местом сень». Как и в сонете «Победитель и побежденный», Кремль символизирует Государство. Монументальность и роскошь дворца олицетворяют силу и могущество Руси, поднимающейся после монгольского владычества. Иван III не только всемогущий монарх, но и хранитель традиции, наследник Василия II, который в 1485 году уже объявил себя государем всея Руси.

Окончательно избавление от данничества оказало огромное влияние на формиро-

вание российской государственности, заложило основы будущей абсолютной монархии, а политика Ивана III (присоединение Тверского, Псковского, Смоленского и Рязанского княжеств) способствовало образованию единого русского государства и формированию великорусской нации. Именно поэтому образ Ивана III можно считать самым величественным и сакрализованным во всем цикле сонетов Голохвастова на историческую тематику.

Для нас несомненным является то, что сонеты Голохвастова содержат художественно разработанные концепты российской цивилизационной идентичности. В этом смысле представляет интерес версификация жанрово-строфической формы, в которой они выразились. Сонет – форма европейской поэзии, имеющая три основных типа – итальянский, французский и английский, которые в русской версификации. Архитектоника рифмосочетаний в субстрофах сонетов Голохвастова на удивление устойчива: **abba abba ccd cdc**. Охватные сквозные рифмы катренов восходят к французской жанровой традиции. Строение же терцетов – черта сонетного идиостиля поэтической индивидуальности. Терцеты на две рифмы свойственны итальянской версификации, но при их равновесном количественном соотношении **3 к 3: cdc dcd**. Смежная рифмовка начальных стихов терцетов характерна для французского типа сонета **ccd eed** или **ccd ede**, также сохраняющего количественную симметрию рифм: **2 – 2 – 2**. Используя французскую схему чередования рифм, Голохвастов меняет их количественное соотношение на асимметричное **4 к 2**. Неординарность и многократная повторяемость решения при несомненной изощренности строфического мышления поэта побуждают разобраться в значении исключительно индивидуального строения терцетов для гармонического целого сонета. Знаком композиционных частей в сонете Голохвастова служит отсутствие и наличие рифменных альтернансов на границах строф. Как знак наличия второго кульминационного центра можно расценить «неправильную» форму терцетов сонета **ccD cDc**. Двустипшие в начале шестистипшной строфы «приводит к ритмическому и интонационному эффекту, сравнимому с решением задачи, ответ которой известен нам наперед... Обычно в шестистипшии (2 + 4) вначале

дается тезис, а затем следует его развитие...» [8, с.194]. Оценка О. И. Федотовым содержательных возможностей формы касается терцетной части на три рифмы ААВ ССВ и ААВ СВС. Но так как в сонетах Голохвастова рифма 11-го стиха транслируется на 13-й стих, то характер развития содержания в терцетной части сонетов частично сходен с композицией традиционных шестистиший. Частично, потому что «меньшая» шестистишная часть сонета состоит из двух субстроф-терцетов и является частью «подвижно-равновесного целого» сонета. Форма в поэзии – всегда содержание, в том числе, и личности автора, в случае Голохвастова – русского «европейца»

и русского «американца», естественно существующего в пространстве всех цивилизаций.

Цивилизационная идентичность – это консолидирующая основа поликультурного социума. Носитель национального самосознания, находясь за пределами родины, стремится сохранить свою идентичность, и, при наличии творческого импульса, воссоздать ее в формах искусства. Голохвастов, пребывающий в условиях североамериканской эмиграции, в своих сонетах создает на основе фундаментальных национальных ценностей полноценный художественный образ российской цивилизации, не изолированной, а диалогизирующей с миром.

Литература

1. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории к структуре текста. Антология – М.: Academia, 1997.
2. Болтонова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (Филология) – 2007. – № 2 (65).
3. Жаде З. А. Цивилизационная идентичность России в глобализирующемся мире // Человек. Сообщество. Управление. – № 1. – 2007.
4. Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. – Нижний Новгород, 2001.
5. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. – 2000. – № 4.
6. Пантин В. И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. – № 3. – 2008.
7. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004.
8. Федотов О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2-х кн. Кн. 2: Строфика. – М.: Флинта: Наука, 2002.

УДК 82.091

Т. К. Черная, Т. В. Бервененко

**АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКИХ ПОИСКОВ ЭПОХИ 1830-Х ГОДОВ В КОНЦЕПЦИИ
РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»**

В данной статье ставится задача показать отражение активного философского поиска эпохи 1830-х годов в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Условия исторической и социальной ситуации начала века актуализировали вопрос о возможностях личности человека в мире, о соотношении сил

человека и судьбы, фатума. Главный герой романа и его личный философский поиск является выражением данных общечеловеческих проблем.

Ключевые слова: проблема фатализма, личность, самопознание, историзм, конфликт, романский сюжет, художественная система.

T. K. Chernaya, T. V. Bervenenko

**SOME ASPECTS OF PHILOSOPHICAL SEARCHES IN THE 1830-s IN THE CONCEPT
OF THE NOVEL BY M. YU. LERMONTOV «A HERO OF OUR TIME»**

The article sets a task to show the reflection of an active philosophical search in the 1830-s in the novel by M. Yu. Lermontov «A hero of our time». The historic and social situation in the early XIX-th century made questions about person`s opportunities in the world, correlation of forces of a person and

destiny as well as fate urgent. The main character of the novel and his personal philosophical search are representation of given human problems.

Key words: fatalism problem, personality, self-search, historicism, conflict, novelistic plot, art system.

Михаил Юрьевич Лермонтов, несомненно, принадлежал своей эпохе. Он вырос в такой культурной атмосфере начала XIX века, где прогрессивные и активные люди жили философскими вопросами, с помощью философии пытались преобразовать мир, постигали действительность и себя в соответствии с философскими идеями, «надеясь через них постигнуть причины роковых сложностей своего времени и понять логику исторического развития страны и ее культуры» [3, с. 347].

В это время общественное сознание активно пыталось постичь объективные законы развития мира, переосмысливалось значение личности человека в мировом процессе. Интеллектуальная жизнь разворачивается вокруг вопросов общечеловеческого характера, важных в любую эпоху, в частности, вопроса о соотношении сил человека и судьбы. Проблема человека в литературе становится художественным вектором, на который ориентируются все философские поиски. При этом актуальнейшее значение приобретает проблема действия человека в исторический момент существования. Ведь социальная ситуация ограничивала активность личности,

а общественное сознание взывало к воле и способностям человека.

В данной статье актуализируется проблема воплощения философских вопросов первой трети XIX века в романе «Герой нашего времени», а именно вопроса о фатализме, назначении человека, его самопознании.

Лермонтов выразил свои философские представления и в романе, и во многих лирических произведениях. Эти представления могут быть рассмотрены как художественная философия автора.

Философские поиски М. Ю. Лермонтова были связаны в том числе и с проблемой фатализма, так как «через нее не может перешагнуть, не дав ответа, ни один человек, стремящийся к осмысленности своего существования» [1, с. 30]. Это был отклик на важнейший вопрос эпохи.

Единство романа определено не просто участием главного героя во всех описанных, таких разных, событиях, а основной проблемой, которая стоит перед героем – испытание способностей и сил человека в конфликте с внешним миром во всем разнообразии его проявления, то есть с тем, что именуется

«судьбой». Именно острая постановка философской проблемы фатализма в романе определяет его суть; эта проблема связывает все главы и является основополагающей. Она обуславливает сюжет и конфликт романа, так как главный герой явно или скрыто занят решением именно этого вопроса. Печорин вступает в противоречие с неведомой силой судьбы и рока.

Находясь внутри события (а в романе это событийные элементы сюжета), герой Лермонтова пытается обнаружить в нем смыслы, адекватные содержанию всего мироздания. Печоринское «мне все мало» [2, с. 483] – свидетельство того факта, что его понимание человеческого предназначения ассоциируется с философской категорией абсолютности. Мир бесконечен в своем развитии и содержательной наполненности. Человек является физической и духовной проекцией мироздания, но, в отличие от мироздания, физически конечен. И эта мысль неоднократно вызывала горестные размышления у Лермонтова-поэта (юношеские «Ночи...», поэма «Мцыри», «Выхожу один я на дорогу» и другие стихотворения). В романе его герой одну за другой попытки преодолеть конечность события и конечность человека. В каждом эпизоде его есть желание обозначить меру идеальной духовности. Его любовь должна соответствовать высокой природе (глава «Бэла»), когда красота кавказских гор представляется порождающей красоту человека (у Бэлы глаза «горной серны» [2, с. 463]) – и эта «мера» красоты должна определять насыщенность любви. Когда этого не происходит, наступает разочарование («любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни» [2, с. 483]).

В эпизодах главы «Тамань» опять сталкиваются романтическое (тяготеющее к абсолютности) предощущение героизма с обычностью «конечного», социального мира «честных контрабандистов». Конфликт этой главы выбран по тому же принципу преодоления духовной ограниченности и снова приводит к разочарованию. С этой точки зрения можно рассмотреть и остальные эпизоды романа – везде тяга к абсолютному духовному совершенству у Печорина (заметим, не выраженная явно, а скрывающаяся зачастую за самоиронией) разбивается об ограниченность социума, и постепенно становится ясно, что Печорин – одновременно социальная и не со-

циальная, то есть философски осмысленная личность.

«Глубинный конфликт романа – не просто конфликт личности («лишнего человека») и общества или внутренний конфликт противоречивой личности (это все имеет место, но еще не составляет сути), а именно конфликт абсолютной, трансцендентной личности (Печорина) с судьбой как сущностью мира» [6, с. 412]. Главы и сюжеты романа призваны показать попытку философствующей личности получить ответ на вопрос о собственной значимости и самостоятельности в мире.

Поэтому становится очевидным, что внешние коллизии в романе связаны с внутренним осмыслением героя себя и своего места в мире и вытекают из проблемы фатализма. Они являются практическим продолжением теоретических размышлений героя, поскольку он пытается самостоятельно моделировать свою судьбу.

Б. Т. Удодов отмечает, что «Лермонтов исходил из своей внутренне диалектической концепции личности – не только как объекта внешних сил и обстоятельств, но и как субъекта, творца этих обстоятельств. Отсюда его стремление познать не только неизбежное и закономерное социально-историческое предопределение судьбы человека, но и его внутреннее свободное определение своих возможностей и назначения, их реализации в пределах исторически уготованной ему участи» [5, с. 64].

Такое богатое философское содержание разных уровней позволяет говорить о том, что философский аспект является ведущим и организующим в романе. Это, очевидно, связано с принципиальной важностью для каждого мыслящего человека (в любую эпоху, но в эпоху 1830–1840-х гг. особенно) попытаться ответить на коренные философские вопросы о смысле жизни и назначении человека.

Необходимо отметить и то, что в художественной картине мира Лермонтова сосуществуют три начала. Высшее начало связано с красотой и гармонией мира, демоническое начало существует в мире, но не как непобедимое и абсолютное, а как содержащее в себе потенциальные возможности к преобразению через сомнения и познание. Человек является потенциальным носителем и того, и другого начала, но в нем к тому же сосредоточены и

переменные показатели бытия: философские, исторические, национальные, нравственные.

Исторический аспект художественной картины мира Лермонтова представляет собой полноценное отражение исторических особенностей действительности. Роман «Герой нашего времени» – это закономерное развитие лермонтовской исторической мысли, проследить которую можно и в лирике автора. Раздумья о будущем и настоящем России являются важным звеном в концепции творчества Лермонтова. «Именно образ современности, «нашего века» стал тем центральным художественным образом, к которому стягивался круг волновавших поэта общественно-исторических проблем. И многое в социально-исторических воззрениях Лермонтова помогает понять соотношение его мыслей и суждений с направлением поисков представителей «мыслящей России» того времени» [3, с. 347].

В романе Лермонтов глубоко и полно осмысляет эпоху, к которой он принадлежит. Этот анализ эпохи не факультативный, а обязательный компонент художественного осмысления действительности, без которого невозможны и другие компоненты.

В. А. Мануйлов отмечает, что «хорошо зная и глубоко понимая историческую сущность окружающей его действительности, двадцатипятилетний Лермонтов создал образ героя своего времени, в котором обобщил большой жизненный материал» [4, с. 7].

«В «Герое нашего времени» суд над современностью, осознание места «нашего времени» как звена в непрерывной цепи исторического развития совершает от имени автора современный герой – «составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии», но одновременно способный на «высшее состояние самопознания», в котором «человек может оценить правосудие божие». Социальный детерминизм в романе неотделим от размышлений об этом правосудии, о смысле и направленности единичного существования и истории в целом» [3, с. 204]. Значение лермонтовского героя, конечно, не исчерпывается только той эпохой, в которой он существует в романе, однако очень важным является тот факт, что он прикреплен к определенной эпохе, несет в себе ее достоинства и недостатки, выражает ее проблематику и идеи. В. Г. Белинский

выражал сомнение в том, что герои Расина и Корнеля существовали в какой-либо эпохе, стране, что кто-то когда-то говорил и думал так, как они, то есть видел некоторую искусственность в самом стиле классицизма. Это принципиальный вопрос, так как с ним критик связывал подлинность искусства. О Печорине велись, конечно, критические споры, но этот образ все же слишком живой и естественный (в том числе, в силу своей историчности), чтобы усомниться в его подлинности. Можно говорить и о типичности образа Печорина (это подчеркивает и сам автор), что тоже показывает его связь с исторической эпохой. Б. Т. Удовод отмечает, что «печоринский тип поистине эпохален» [5, с. 66].

Историческая проблематика романа обусловлена глубокой связью главного героя с исторической действительностью. Искусство типизации показывает героя, как органическое порождение эпохи. Страдания и вопросы века сполна отразились в Печорине. Эпоха осознается автором не как проходящий момент истории, а как важный ее период (период переходный, за которым открывается большое будущее), и именно поэтому такое значение приобретает человеческая личность (конечно, не только личность Печорина). Таким образом, «история души человеческой» достойна такого же внимания и исследования, как, например, история государства. К тому же душа эта особенная, обладающая большим потенциалом, достойная счастья, способная к самопознанию и стремящаяся познать свое предназначение.

Отражение в романе и его главном герое сущности исторического момента было очень важным показателем художественного мастерства автора для В. Г. Белинского: «автор является решителем важных современных вопросов. Его Печорин – как современное лицо – Онегин нашего времени» – подчеркивает критик в одной из статей, посвященных роману [7].

Но не только Печорин является выражением исторических взглядов автора. Его историческая мысль не заканчивается на главном герое, она развивается и в других героях, например, в Максиме Максимыче. «Выдвинутые на первый план повествования два основных героя – Печорин и Максим Максимыч – представители двух полюсов русской жизни: России народной и России европеизирован-

ной. ... Характер Максима Максимыча, по замыслу автора, должен был воплотить в себе положительные задатки, таящиеся в русском народе, не вышедшем из стадии духовного детства» [3, с. 349]. Сопоставление и противопоставление этих героев показывает два уровня самосознания, одинаково важных.

Белинский, поясняя авторский замысел, сказал немало слов похвалы этому доброму национально-русскому типу. Однако, живя в конкретно-исторической эпохе, и сам Лермонтов, и его Печорин слишком ясно, слишком хорошо и быстро разбираются в ней, в ее повседневном содержании. Вокруг них все люди (а в романе это другие герои, в том числе и Максим Максимыч) существуют «согласно» времени, а не «вопреки». Только Печорин едет против течения, но не потому, что он «бунтарь», а потому, что ему надо знать о жизни не только то, что показывает его время, а то, что означает жизнь в целом, человек как носитель идеи жизни в целом. Поэтому во всем, что происходит, Печорину (и автору) видится какая-то загадочность, что-то иное, к чему трудно подобраться, схватить и, тем более, испытать. «Горизонты ожидания» Печорина бесконечны, но он «вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно» [2, с. 585] и остановился перед трагедией выбора – фаталист он или нет?

Воля и силы человека – его духовное богатство, он не желает его потерять, но в то же время наталкивается на невозможность применения. И тогда в нем происходит внутренняя борьба как с миром, который не дает

ему ответа, так и с самим собой, который уже не знает, куда ему направить свои духовные поиски.

Другая философско-историческая идея времени, выраженная в романе, это идея самопознания, которую сполна представляет Печорин. «Жажда самопознания – отпечаток эпохи на облике целого поколения 30-х гг. XIX века» [3, с. 349]. Как художественную задачу Лермонтов ставит раскрытие «истории души человеческой». «Самопознание» героя, очевидно, совершилось, но свою «познанную» личность он не смог до конца реализовать, оставшись на позиции «возможности», толкающей на выбор пути, и на точке вечного выбора, ставшей для него моментом смерти, за которой или «ничего нет» или возникает бессмертие.

Таким образом, выявление философской и общественно-исторической проблематики в романе Лермонтова позволяет утверждать, что Лермонтов был заинтересованным участником философского поиска его эпохи, равно как и всех последующих эпох. Именно конфликт личности и судьбы, как высшей силы, лежит в основе всех коллизий, происходящих с главным героем.

В концепции романа «Герой нашего времени» преломились ведущие идеи времени, в связи с чем роман о современности стал глубоко историчным произведением русской литературы. И одновременно Лермонтов подарил своему герою и своему роману статус бессмертия, показав глубочайший трагизм самой идеи выбора.

Литература

1. Виноградов И. Философский роман Лермонтова // Виноградов И. По живому следу. Духовные искания русской классики (литературно-критические статьи). – М.: Сов. писатель, 1987.
2. Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах / сост. и комм. И. С. Чистовой. – М.: Правда, 1990.
3. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981.
4. Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. – М. – Л.: Просвещение, 1968.
5. Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1989.
6. Черная Т. К. Русская литература XIX века. (Ч.1) Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004.
7. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/bel/bel-205-.htm>. (Дата обращения: 18.06.2015).

УДК 801/820

К. Э. Штайн, Д. И. Петренко

ФИЛОЛОГИЯ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Анализируются принципы дополнительности, относительности, симметрии как основа гармонии художественного текста. Рассматривается, как ученые-физики используют свойства образного языка при формулировании принципов сложных явлений атомной физики. Описываются возможности

применения научной метафоры в современном постнеклассическом знании.

Ключевые слова: филология, естественнонаучное знание, принцип дополнительности, неопределенности, научная метафора, двусмысленный язык.

C. E. Stain, D. I. Petrenko

PHILOLOGY AND NATURAL-SCIENCE KNOWLEDGE

The article analyses the principles of complementarity, relativity, symmetry as a basis of harmony in an art text. It examines the way scientists-physicists use properties of a figurative language while formulating the principles of the difficult phenomena of nuclear physics. Possibilities of application of a scientific metaphor

in modern post-nonclassical knowledge are described.

Key words: philology, natural-science knowledge, principle of complementarity, uncertainty, scientific metaphor, two-digit language.

Филология связана с естественнонаучным знанием. В естественнонаучной сфере ученые постоянно сталкиваются с лингвистическими проблемами, так как пользуются природным языком не только в эмпирическом описании, но и на высоких уровнях абстрагирования. Они сталкиваются с теми же проблемами, что и лингвисты, – в процессе перехода от классического к неклассическому знанию, к разным научным парадигмам: нужно регламентировать соответствие терминов, метаязыка описания того или иного объекта. Физикам пришлось столкнуться с необходимостью учитывать специфическую роль сознания наблюдателя в процессе создания квантовой механики, так как с помощью волновой функции описывается не непосредственно квантовый объект, а состояние нашего знания о нем [4].

Физики серьезно интересуются возможностями языка и искусства. Так, в формулировании принципа дополнительности Н. Бор опирался на особенности литературы, языка художественных произведений. А. В. Ахутин в статье «Вернер Гейзенберг и философия» (1989) приводит диалог В. Гейзенберга и П. Дирака: «Дирак однажды сказал Гейзенбергу: «Бор должен был быть поэтом». – «Почему поэтом?» – удивился Гейзенберг. «Он слишком

заботится о языке, – ответил Дирак, – все время совершенствует язык. Он должен был писать стихи» [2, с. 555].

Н. Бор отмечал, что открытия А. Эйнштейна в равной степени характеризовали «высокая логическая стройность и творческое воображение», благодаря чему ему «удалось перестроить и расширить внушительное здание, фундамент которого был заложен великими работами Ньютона» [4, с. 479]. Это была не только дань гению А. Эйнштейна, на протяжении всей жизни Н. Бор искал способы расширения возможностей мышления. Особенно сложный момент наметился в период создания квантовой теории, когда стало ясно, что две точки зрения на природу физических явлений (свет – волны и частицы) не противоречат друг другу. Ограниченность классической точки зрения (или-или) преодолевается за счет того, что несовместимые понятия рассматриваются как равно необходимые для характеристики явления, они не противоречат, а дополняют друг друга.

Однако наука не выработала особых понятий, такого языка, с помощью которого однозначно можно было бы отобразить данную ситуацию. Но Н. Бор понимал, что такая ситуация давно существует в искусстве: «При

описании нашего душевного состояния использовалось с самого возникновения языков такое описание, которое по существу является дополнительным. Богатая терминология, приспособленная для таких повествований, направлена на то, чтобы указать на взаимно исключающие переживания», – писал Н. Бор и при этом подчеркивал, что здесь он опирается не на опыт повседневной жизни, который допускает «простое причинное объяснение», а на опыт искусства: «Причина, почему искусство может нас обогатить, заключается в его способности напоминать нам о гармониях, недостижимых для систематического анализа» [4, с. 490, 493].

А далее он прибегает к прямым аналогиям ситуаций в искусстве и ситуаций в физике. «Тот факт, что для описания различных, одинаково важных сторон человеческой души приходится применять различные, как бы исключающие друг друга характеристики, в самом деле представляют замечательную аналогию с положением в атомной физике, где определение дополнительных явлений требует применения совсем разных элементарных понятий» [4, с. 491]. Это требование было реализовано, Н. Бор назвал его «*принципом дополнительности*». Он характеризуется тем, что «срезы информации, полученные разными, конкретно отрицающими друг друга способами, как бы дополняют друг друга, относительно независимы, но внутренне связаны, поскольку речь идет о едином объекте, обладающем не механическим набором, а сложным сочетанием взаимообусловленных свойств» [9, с. 51].

Н. Бор в статье «Философия естествознания и культуры народов» писал: «В атомной физике слово «дополнительность» употребляют, чтобы охарактеризовать связь между данными, которые получены при разных условиях опыта и могут быть наглядно истолкованы лишь на основе взаимно исключающих друг друга представлений» [4, с. 287]. «Кажущаяся дисгармония» была устранена за счет *гармонического расширения понятий*, то есть определения объекта на основе соединения взаимоисключающих характеристик, их дополнительности (свет – волна и частица одновременно). Поиски теории, обладающей «внутренним совершенством», объединили науку и искусство в одной концепции, в результате чего в трудах Бора появилось понятие «единства знаний».

Осмысление обыденного языка и предела его применимости в точных науках – постоянная тема Н. Бора: «...каждый естествоиспытатель постоянно сталкивается с проблемой объективного описания опыта; под этим мы подразумеваем однозначный отчет или словесное сообщение. Нашим основным орудием является, конечно, обычный язык, который удовлетворяет нуждам обыденной жизни и общественных отношений. <...> Главное, что нужно себе ясно представить, это то, что всякое новое знание является нам в оболочке старых понятий, приспособленной для объяснения прежнего опыта, и что всякая такая оболочка может оказаться слишком узкой для того, чтобы включить в себя новый опыт» [4, с. 287].

Д. С. Данин в биографическом исследовании «Нильс Бор» (1978) говорит о том, что Н. Бор увидел за квантовыми законами физика, рассуждающего об устройстве человеческого знания, отображение реальности природы, а не произвольные построения нашего ума. Несмотря на обычность слов, объясняющих, что два классически несовместимых образа только вместе дают в микромире желанную полноту отражения реальности (сочетается несочетаемое), описание при этом перестает быть классическим, так как меняется логика научного описания. Ее называют квантовой логикой Н. Бора. В каждой из противоположных частей описания сохраняется макрословарь, то есть словарь классической физики для описания макромира, но микромир требует какой-то иной грамматики. Д. С. Данин, переводя понятия на язык грамматики, определяет: «Грамматика микромира заключается в том, что несовместимым образам разрешено дополнять друг друга. Так устроено наше знание. Уже неклассическое. Но уже и не беспомощное перед странностями глубин материи. Доведенная до крайности беда противоположности превращается в благо дополнительности» [7, с. 249–250]. Знание преобразует мир, а мир – знание.

Принцип дополнительности Н. Бора был направлен на преодоление издержек классической логики, которая во многом основывалась на «законе исключенного третьего». По этому закону, из двух противоречащих высказываний в одно и то же время и в одном и том же отношении одно непременно истинно, то есть из двух противоположных высказываний, направленных на характеристику одного

и того же объекта, одно истинно, другое – ложно, и третьего быть не может. Интересно отметить, что преодоление этого закона классической логики наблюдается и в недрах самой логики. Так, Н. А. Васильев (1880–1940), один из основателей неклассической логики, в свое время выдвинул идею логики без законов противоречия и исключенного третьего, то есть «воображаемую логику», в которой правила сочетания высказываний определяются на основе логики N-измерений, когда взаимоисключающие определения по отношению к одному и тому же объекту верны.

Физики переоткрыли для себя поэтический критерий гармонической полноты описания на основе взаимоисключающих понятий. Но встали трудности терминологического характера. И тут на помощь пришла языковая дополнительность, и уже лингвистическая наука вошла как дополнительная в естественнонаучные теории. По свидетельству самого Н. Бора, а также ученых, работавших с ним, его принцип дополнительности родился под влиянием «идеи о языковой двусмысленности» [8, с. 70]. Целостное явление в знаковой системе может быть отражено на основе взаимоисключающих, или дополнительных классов понятий, выражающихся в системе противоположных классов слов, или терминов. Отсюда, «истинность высшей мудрости» является не абсолютной, а относительной, носит вероятностный характер.

Выдающийся физик В. Гейзенберг, уделявший большое внимание языку и использованию его в обыденной жизни и науке, в одной из статей «Язык и реальность в современной физике» (1960) ссылается на «Фауста» И. В. Гете, приводя слова Мефистофеля из его разговора с учеником: «Фабрика мыслей подобна ткацкому станку, где тысяча нитей приводится в движение одним толчком, где челнок снует туда и сюда, незримо струятся нити и разом завязывается тысяча связей». Жизнь языка описана здесь очень верно, – отмечает В. Гейзенберг, – и если уже в науке нам приходится строить рассуждение, руководствуясь логической структурой языка, то не следует упускать из вида и другие, более богатые его потенции» [5, с. 151].

В более ранней работе «Дискуссия о языке» (1933) В. Гейзенберг так характеризует язык: «...язык, а тем самым косвенно также и мышление, есть такая способность, которая в противоположность всем другим физическим

способностям – развивается не в отдельном индивиде, а межиндивидуально. Мы выучиваем язык только от других людей. Язык есть в каком-то смысле сеть, растянутая между людьми, и мы со своим мышлением, со своей способностью познания висим в этой сети» [5, с. 411].

Первое высказывание о языке соотносимо с его пониманием в структурной лингвистике, когда точные подходы к языку открывали горизонты к его более обширному познанию. Второе соотносится с высказываниями о языке в современной «антропоцентрической» парадигме, когда учитывается то, что не только мы владеем языком, но и язык владеет нами. Но есть и третий параметр в установках на исследование языка у В. Гейзенберга: «...проникновение в новые области природы влечет за собой изменения в языке (здесь и далее курсив наш. – К. Ш., Д. П.) <...> Проникнув с помощью современных технических средств в новые сферы природы, мы узнали, что даже такие простейшие и важнейшие понятия прежней науки, как пространство, время, место, скорость, становятся здесь проблематичными и требуют переосмысления» [5]. Если объединить эти высказывания, то нам придется ориентироваться не на антропоцентрический (во многом односторонний), а на коэволюционный подход – в единстве взаимоотношений человеческого мышления, природы и языка, что скажется и на его описании.

Многие категории лингвистики связаны с категориями естественнонаучного знания (реальность – наблюдаемость, *определенность* – *неопределенность*, причинность – состояние – вероятность и т. д.). Так, фундаментальная категория языка определенность – неопределенность имеет отношение как к лингвистике, так и к философии и физике, она относится к общенаучным понятиям. Интересно отметить, что ученые-физики, занимавшиеся исследованием проблемы *определенности* – *неопределенности* в классической и неклассической физике, много рассуждали о языке (А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг и др.).

Вот, например, замечание Н. Бора в разговоре с В. Гейзенбергом: «Разумеется, у языка есть эти черты своеобразного парения. Мы не знаем в точности, что означает слово, и смысл говоримого нами зависит от связи слов в предложении, от контекста, в котором произносится фраза, и от сопутствующих обстоя-

тельств, которые невозможно даже перечислить полностью. <...> ... при каждом слове, которое мы слышим, главный смысл слова предстает в ярком свете сознания, но помимо него в полумраке проступают другие скользкие значения слова, завязываются связи с другими понятиями, и воздействие слова распространяется вплоть до бессознательного. Так обстоит дело в обычном языке, тем более – в языке поэта. И до известной степени то же относится к языку естествознания. Именно в атомной физике природа снова учит нас, сколь ограниченной может оказаться область применения понятий, которые прежде казались нам совершенно определенными и бесспорными. Достаточно просто вспомнить о таких понятиях, как «место» и «скорость» [5, с. 408].

Этот монолог показателен тем, что проблема *определенности* – *неопределенности* актуальна как для поэта, так и для обычного пользователя языка, а также для ученого: нечто определенное в языке в других контекстах может становиться неопределенным. Важно и то, что воздействие «скользких значений слова» распространяется вплоть до бессознательного. Таким образом, определенное имеет вероятность неопределенного выражения в отображении реальной действительности, и наоборот, неопределенное может стать определенным благодаря ограничению области применения понятия (слова).

Известна современная теория «размытых» множеств, когда установка делается именно не некоторую неопределенность и в точные математические параметры управления техникой вводятся «лингвистические операторы» неопределенности (Л. Заде). Эта теория применима и к филологии, мы используем ее в процессе исследования такой сложной системы, как метапоэтика [18; 19].

Физики всегда мечтали об особом научном языке, который бы точно определял их сложные объекты и понятия. Но в ходе работы над метаязыком описания стало ясно, что надо пользоваться природным языком, только оговаривать пределы его применимости. «Наука... должна основываться на языке как на единственном средстве передачи сообщений...» – писал В. Гейзенберг [6, с. 107]. В качестве примера строгого языка науки, адекватно описывающего объект исследования, Н. Бор называет язык математики, который отличается от языков других областей точного знания, по мнению Н. Бора, тем,

что в нем устранены субъективные факторы: «...необходимая для объективного описания однозначность определений достигается при употреблении математических символов именно благодаря тому, что таким способом избегаются ссылки на сознательный субъект, которыми пронизан повседневный язык» [4, с. 482].

Но язык математики имеет ограниченную применимость даже в физике, поэтому Н. Бор постоянно присматривается к возможностям повседневного языка, которые помогают и простому причинному объяснению фактов, и описанию сложных душевных состояний. В самом языке заложены способы отграничения объективных фактов и оценок субъекта (в науке – наблюдателя): «...в физической науке на ранних ее стадиях можно было опираться на такие стороны событий повседневной жизни, которые допускают простое причинное объяснение, тогда как при описании нашего душевного состояния использовалось с самого возникновения языков такое описание, которое по существу является дополнительным. <...> Эти переживания характеризуются тем, что по-разному проводится граница между содержанием того, что мы узнали и на чем сосредоточено наше внимание, и тем фоном, который обозначается словами «мы сами» [4, с. 490–491].

В процессе становления неклассического знания нужно было обдумать степень применимости языка классической физики в неклассической физике: «В спокойное состояние физики квантовая теория и специальная теория относительности внесли внезапное... изменение основ естествознания. <...> ... проблемой, стоявшей за многими... спорными вопросами, являлся тот факт, что *не существовало никакого языка, на котором можно было бы непротиворечиво говорить о новой ситуации*. Обычный язык основывался на старых понятиях о пространстве и времени, и только этот язык представлял собой средство однозначной передачи сообщений о расположении приборов и результатах измерений. Но одновременно эксперименты показывали, что старые понятия могут быть применены не повсюду» [4, с. 108–109].

В. Гейзенберг говорит о том, что самая трудная проблема в отношении применения языка возникла в квантовой теории. В ней не было направляющих принципов, которые бы позволили связать математические символы с понятиями обычного языка. Оказалось,

что «обычные понятия не могут быть применены к строению атома»: «...понятие *дополнительности*, введенное Бором при истолковании квантовой теории, сделало для физиков более желательным использовать двусмысленный язык вместо однозначного и, следовательно, применять классические понятия *несколько неточным образом, соответствующим соотношению неопределенностей*, попеременно употребляя различные классические понятия. <...> Это применение языка во многих отношениях довольно удовлетворительно, напоминая подобно же употребление языка в повседневной жизни или в *поэтическом творчестве*» [4, с. 111, 112–113].

Для Н. Бора важна дополнительность взаимоисключающих понятий. Проблема, которая интересует В. Гейзенберга, – применимость терминов классического знания к описанию микромира. Термин «неопределенность» он использует для того, чтобы показать, что значения понятий классической физики, таких как «частица», «волна», «излучение», «поле» и др., не определяют точно объектов и явлений квантовой физики, поэтому термины классической физики необходимо использовать в неклассической физике как *метафоры*, слова с «расплывчатым» значением. Он сосредоточивает внимание не на противоположностях, а на той неопределенности, которую рождает соотношение противоположностей.

Н. Бор твердо стоял на позициях того, что классические понятия на новом уровне абстрагирования могут использоваться в неклассическом знании. Он указывал, что «идея *дополнительности* характеризует, во-первых, неделимость квантовых явлений и, во-вторых, особенности постановки задачи об их наблюдении: «Для этого решающим является признание следующего основного положения: как бы далеко ни выходили явления за рамки классического физического объяснения, опытные данные должны описываться при помощи *классических понятий*». Причинами такого положения дел являются, по Бору, два обстоятельства: во-первых, то, что описание любых экспериментальных установок и любых результатов наблюдений должно производиться на *понятном языке*, каковым является только язык классических теорий, а, во-вторых, лингвистическая и практическая обусловленность человеческого познания, определенная потребностями коммуникации» [13, с. 151–152]. Таким

образом, по Бору, любое событие, о котором мы можем осмысленно говорить в физике, то есть любое актуальное или возможное явление или измерение, *должно описываться в классических терминах*.

Физики предлагают разные пути для преодоления противоречий языка науки, в том числе различие в рамках каждой отдельно взятой научной теории так называемых «языковых слоев», в частности различие теоретического и эмпирического уровней описания явлений действительности, и одновременно признание теоретической нагруженности языка наблюдений [13, с. 162–163]. На самом деле так и бывает: глубокое исследование проводится на разных уровнях абстрагирования – от констатации полученных эмпирическим путем фактов и событий к теоретическим и философским обобщениям, при этом, конечно же, меняется и язык описания.

Почему именно идея языковой «двусмысленности» дала толчок к перестройке всего научного мышления и породила новые соотношения в языке науки? Дело в том, что «дополнительность» насквозь пронизывает и сам язык, отражая сущность человеческого мышления. При этом иногда создается такая ситуация: по отношению к некоторым истинам обратное высказывание является не правильным, даже абсурдным. Сущность же «глубоких истин» («deep truths») заключается в том, что «обратное высказывание при более глубоком понимании тоже оказывается истинным» [16, с. 92]. Всякое истинно глубокое явление может быть определено через взаимоисключающие понятия. Качественная особенность соединения этих противоположностей такова, что они сосуществуют, не разрешаясь через противоречие, симметрично уравновешивая друг друга, составляя какое-то третье состояние, в котором противоположности сосуществуют как одновременно истинные, неотделимые друг от друга.

Сущность самого языкового знака – его асимметричный дуализм, в результате чего любой знак – потенциальный синоним и омоним, хорошо отражает дополнительность языка, его динамическую характеристику. То, что высшая единица предшествующего уровня языка является низшей для последующего уровня, также характеризует языковой знак как сущность дополнительную. Вся система взаимодействия языкового знака с его контекстными показателями является также до-

полнительной, дополнительность составляет сущность такого глобального языкового процесса, как транспозиция языковых единиц в область их парадигматических противочленов. Относительным на этом фоне является языковой инвариант, который проявляет себя в многочисленных вариантах; при переходе на более высокие уровни абстрагирования инвариант более низкого порядка может рассматриваться как вариант по отношению к ранее определенному. Дополнительность свойственна такому сквозному языковому явлению, как синкретизм единиц языка.

Но конечно же, не случайно Н. Бор обращался к языку поэтическому, где логический порядок образов часто устанавливается на основе гармонического охвата взаимоисключающих понятий. В.В. Налимову принадлежит мысль о том, что «принцип дополнительности – это, собственно, признание того, что четко логически построенные теории действуют как метафора: они задают модели, которые ведут себя и как внешний мир и не так» [12, с. 103]. Правота «глубокой истины» и в том, что наука и искусство дополнительные, причем каждая из противоположностей соединяет в себе оба начала. Принцип дополнительности родился в недрах гуманитарных наук и искусства в целом, так как художник даже в самом небольшом произведении стремится к глобальным и широким обобщениям.

Так, например, все творчество М. Ю. Лермонтова пронизывает глобальный принцип антитезы. Практически любое достаточно важное состояние своего героя Лермонтов описывает в единстве взаимоисключающих явлений, ситуаций; антитеза то стягивается в оксюморон, то раскладывается в хиазм, построенные на антонимичной основе:

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

(Нет, не тебя так пылко я люблю... 1841)

Дополнительности пронизывают художественное творчество, способствуя созданию гармонической целостности, полноты описания, которая создается при минимуме использованных средств, так как «взятые вместе они (дополнительности. – К. Ш., Д. П.) исчерпывают все сведения об исследуемых объектах» [4, с. 511]. Оскар Клейн считал, что принцип дополнительности «позволяет

познать гармонию без отказа от требований логики, как и опыта» [цит. по: 11, с. 132].

Идея дополнительности – воплощение симметрии. Некоторые ученые, да и сам Бор, рассматривали симметрию и дополнительность в определенных ситуациях как синонимы [11, с. 132]. Действительно, дополнительности антиномичны, они уравнивают друг друга, в них всегда имеются общие основания, несмотря на крайние противоположности, поэтому в языке чаще всего им соответствуют антонимы. В художественных произведениях дополнительные понятия обычно находятся в системе повторяемости и сохраняют общую идею реализации симметрии: инвариант – вариант, несмотря на дуализм понятийного аппарата. Противопоставленные сущности внутренне и внешне всегда взаимозависимы, они усиливают друг друга в структуре художественного текста, поэтому принцип дополнительности позволяет привести к единству широкие понятия, это качественная сторона симметрии. Сама же симметрия – основа гармонической организации художественного текста.

Является ли актуальной проблема языка физики сейчас, в XXI века, в эпоху постнеклассической рациональности, и связана ли она с проблемами филологии? Конечно, да. Еще В. Гейзенберг говорил, что «двухзначный язык» квантовой механики «работает» по модели метафоры. Сейчас эта концепция активно обсуждается в физике, говорится о методологической эффективности метафор в постнеклассической науке [10]. Так, А. А. Меньшиков отмечает, что в современной теоретической физике большое значение имеет «метафора «суперсила», которая обозначает объединенное суперфизическое поле частиц и взаимодействий, действию которого, в конечном счете, подчиняется вся природа» [10, с. 125]. Особый подход к выявлению методологически эффективных познавательных моделей и соответствующих им метафор предложил Ю. В. Чайковский. В работе «Элементы эволюционной диатропики» (1990) он выделяет схоластическую, механическую, статистическую, системную и диатропическую познавательные модели. Им соответствуют дискурсивные метафоры «природа есть текст», «природа есть машина» или «природа есть часы», «природа есть баланс средних величин», «природа есть организм».

«Диатропической познавательной модели, – отмечает А. А. Меньшиков, – сложившейся и развивающейся в рамках современного естествознания, соответствует дискурсивная метафора сада, или ярмарки, которая отражает своеобразие каждой части, включенной в системную целостность. <...> ...в диатропическом подходе Ю. В. Чайковского каждое дерево в саду уникально и не сводимо к другому дереву, хотя все деревья образуют сложное системное единство сада. Отсюда следует, что... диатропическая, метафора моделирует мир как неформально упорядоченное разнообразие. Статистическим идеям усреднения и корреляции она противопоставляет идею обобщения, а системной идее оптимальности – идею плюрализма» [10, с. 126].

Как видим, современная наука нуждается в поиске метафор, адекватно отображающих особенности строения сложных систем, метафоры же – один из важных объектов изучения в филологии. В отличие от механистической образности метафоры в классической физике современная физика акцентирует внимание не столько на частях целого, сколько на самой целостности, на связях, возникающих между частями внутри системы, а также на связях между системой и окружающей ее средой. Как мы знаем, современная лингвистика этим активно занимается [1; 3].

Корреляция естественнонаучного знания и принципов художественного познания связаны не только с принципами дополнительности, но и с принципами симметрии, относительности. Они взаимодействуют друг с другом [подробнее об этом см.: 17]. Филология связана практически со всеми областями человеческого познания, и эти междисциплинарные соответствия, взаимодействие следует изучать и, конечно же, использовать как в процессе исследования, так и преподавания. Говоря о стратегии научного исследования в эпоху постнеклассической науки, В. С. Степени отмечает, что «развитие современной научной картины мира органично включено в процессы формирования нового типа пла-

нетарного мышления, основанного на толерантности и диалоге культур и связанного с поиском выхода из современных глобальных кризисов. Приобретая открытый характер, научная картина мира вносит свой вклад в процессы синтеза различных культур. <...> Наука взаимодействует с различными формами знания, получаемыми в других областях познавательной деятельности – в искусстве, философии, морали, правовом и политическом дискурсе, в сфере обыденного познания и т. д. Такого рода знания можно обозначить как вненаучные, поскольку они не являются результатами собственно научного исследования, генерируются в других областях культуры» [14, с. 373–374].

В то же самое время наука сейчас такова, считает В.С. Степин, что процессы дифференциации все же опережают процессы интеграции. Кроме того, в науку верят меньше, чем верят в технологии, к ним относятся с благоговением. У людей формируется особый тип мышления, который поддерживается средствами массовой информации, обслуживающими потребительское общество. Это так называемое «клиповое сознание», когда мелькает калейдоскоп восприятий, впечатлений, где нет четкой логики, отсутствует рациональное основание. «Клиповое мышление» делает людей восприимчивыми ко всяким чудесам.

Нужно отличать науку от псевдонауки, с осторожностью относиться к разным «девиантным наукам», «паранауке». Здесь помогут подходы, связанные с тем, что научное знание включено в определенные парадигмы, оснащено принципами и методами исследования, оно проверяется в эпистеме – связанной структуре идей, функционирующей в то или иное время. Поэтому методологическая оснащенность, хорошая научная осведомленность, установка на преемственность знания, а также отлаженная система образования, основанная на преподавании фундаментальных наук, могут помочь в преодолении кризиса современной цивилизации.

Литература

1. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. – М.: Высшая школа, 1991.
2. Ахутин А. В. Вернер Гейзенберг и философия // Гейзенберг В. Избранные философские работы. – СПб.: Наука, 2006.
3. Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1.

4. Бор Н. Избранные научные труды: В 2 т. М.: Наука, 1971. – Т. 2.
5. Гейзенберг В. Избранные философские работы. – СПб.: Наука, 2006.
6. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1989.
7. Данин Д. С. Нильс Бор. – М.: Наука, 1978.
8. Дирак П. Многогранность личности Нильса Бора // Нильс Бор. Жизнь и творчество: сборник статей. – М.: Наука, 1967.
9. Корякин В. И. Идея всеобщей взаимосвязи в научном мышлении XIX–XX веков и принцип дополнительности. – М.: Наука, 1976.
10. Меньшиков А. А. Методологическая эффективность метафор постнеклассической науки // Философские науки. – 2007. – № 4.
11. Мороз О. П. В поисках гармонии. – М.: Наука, 1978.
12. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. – М.: Наука, 1979.
13. Панченко А. И. Философия. Физика. Микромир. – М.: Наука, 1988.
14. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. – М.: Гардарики, 2007.
15. Тарасов Л. В. Мир, построенный на вероятности. – М.: Наука, 1984.
16. Фенберг Е. Л. Научное творчество Нильса Бора // Нильс Бор. Жизнь и творчество: Сборник статей. – М.: Наука, 1967.
17. Штайн К. Э. Гармония поэтического текста: Склад. Ткань. Фактура. – Ставрополь: СГУ, 2006.
18. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русская метапоэтика: учебный словарь. – Ставрополь: СГУ, 2006.
19. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Филология: История. Методология. Современные проблемы. – Ставрополь: СГУ, 2006.
20. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: В 4 т. – М.: Наука, 1967. – Т. 4.
21. Янч Э. Самоорганизующаяся Вселенная // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 323.2

Е. В. Галкина

ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XVIII–XIX ВЕКОВ

Статья посвящена анализу основных концепций гражданского общества в трудах европейских и американских исследователей XVIII–XIX столетий. Гражданское общество строилось на таких идеях, как права и свободы человека, общественный договор, конкуренция интересов, частные интересы граждан,

учет общественного мнения, функционирование гражданских институтов и др.

Ключевые слова: гражданское общество, политика, частные интересы, общественный договор, государство, либеральная традиция, политическая власть, интересы граждан, правительство, демократические институты.

E. V. Galkina

THE STUDIES OF CIVIL SOCIETY IN WORKS BY FOREIGN THINKERS IN THE XVIII–XIX CENTURIES

The article is devoted to the analysis of the basic concepts of civil society in the works by European and American researchers in the XVIII–XIX centuries. The civil society was built on ideas such as human rights and liberties, social contract, the competition of interests, private interests of

citizens, taking into account public opinion, the functioning of civil society institutions, etc.

Key words: civil society, politics, private interests, social contract, state, liberal tradition, political power, interests of citizens, government, democratic institutions.

Политические идеи просветителей Нового времени заложили базис современного либерального толкования гражданского общества.

Выдающийся шотландский ученый-обществовед второй половины XVIII в. А. Фергюсон в своей работе «Очерк истории гражданского общества» определяет свободу не справедливостью законов, мудростью правителей и законопослушанием граждан, а «неисчезающими различиями количественных масс». «Конкуренция и противостояние интересов, – по мнению Фергюсона, – служат объединению или дифференциации различных социальных групп и приводят их... к установлению определенных политических форм» [20, р. 196, 204]. Исследование Фергюсона – одна из первых в Новое время попыток социологического анализа гражданского общества [2, с. 375]. А. Фергюсон заложил также и основа-

ния гегелевского и марксистского воззрений на гражданское общество – неотделимость от государства и его институтов, необходимость постоянного политического противостояния между основными группами общества для поддержания силы гражданского духа и взаимоограничения их притязаний [8, с. 33].

А. Смит (1723–1790 гг.), шотландский экономист и философ, крупнейший представитель классической политэкономии. Смит сгустил метафизические тона, в которые была окрашена новая идеологическая конструкция в русле либеральной традиции, введя образ «невидимой руки». Эта пресловутая «невидимая рука», или некий предустановленный «План», не имеет ничего общего ни с божественным Промыслом, ни со свободой воли человека. Индивид не в состоянии постичь свойства и цели «Плана», но, следуя своим желаниям, импульсам, аффектам, – вовсе не

представлениям о благом и должном, – он как бы велением невидимой руки бессознательно содействует осуществлению «Плана». Отметим, что А. Смит в своих исследованиях защищал частнособственнические интересы. Он не приветствовал вмешательство государства в предпринимательство, требовал на предоставлении полной свободы для развития частной инициативы, не желал никакого контроля со стороны государства, признавал индивидуальную экономическую свободу граждан. Тем самым, А. Смит выстраивал прочный экономический фундамент под классическую модель гражданского общества, основными требованиями которого стали частная собственность, рыночная экономика, экономическая независимость людей.

По мнению ряда исследователей, идея «гражданского общества», опирается ли она на позиции «общественного договора» или апеллирует к указанию «невидимой руки», образует основу идеологии либерализма [5].

Дихотомический характер взаимоотношений гражданского общества и государства отмечал в своих работах британский философ – утилитарист, правовед И. Бентам (1748–1832 гг.). Он подчеркивал, что индивиды в гражданском обществе движимы лишь собственными интересами [22]. Бентам полагал, что реализация индивидами своих интересов позитивно отражается на социуме, то есть де-факто признает согласование интересов в гражданском обществе и отсутствие фундаментальных противоречий между правящим меньшинством и «классом производителей» [12, с. 215]. Соответственно, классовой войны не предвидится, так как гражданское общество в целом благоразумно и дальновидно. Два положения концепции Бентама являются важнейшими в теории демократии. Первое – никто не может иметь лучшее представление об интересах индивида, чем он сам. Второе – приоритет самоопределения индивидов детерминирует огромную роль общественного мнения в оценке политики правительства. Утилитаризм И. Бентама – теория демократической этики, которая может быть реализована только посредством создания либерально-демократических институтов, включая институт суда общественного мнения. Именно суда, потому что общественное мнение слишком размытое понятие, само по себе [12, с. 215]. Гражданское общество должно быть бдительным и

реагировать на сообщения свободной прессы о злоупотреблениях властью. Пресса должна быть гласом народа.

Таким образом, И. Бентам признает приоритет гражданского общества над государством и полагает, что властные структуры должны инициировать социальные программы для малообеспеченных подданных, финансировать детские дома и дома престарелых, то есть проводить утилитаристскую политику на благо управляемых [19].

Поиск путей перехода от абсолютизма к демократической организации гражданского общества продолжил Ж.-Ж. Руссо (1712–1778 гг.). Его требования установления свободы и социального равенства отвечает естественной природе человека. Частная собственность, по его мнению, явилась экономической основой гражданского общества или государства. Однако с ее появлением формируется имущественное и политическое неравенство. Свобода гражданина не может существовать без имущественного равенства. Поэтому, Ж.-Ж. Руссо ратовал за мелкую частную собственность, которая обеспечивала бы всем необходимым граждан, ею обладающих.

Ж.-Ж. Руссо выступал за создание политической власти на базе «общественного договора», на основании которого «каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы все вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого» [14, с. 13–14]. Передавая часть своих прав государству, каждый гражданин одновременно является носителем верховной власти. Этим достигается, согласно Руссо, политическое равенство всех граждан. В результате всеобщего добровольного согласия свободных сограждан-патриотов утверждается коллективная и демократическая власть, которая защищает интересы граждан. Власть государства должна принадлежать народу, ибо «общая воля всегда права» [14, с. 26].

Ж.-Ж. Руссо солидарен с идеями Т. Гоббса, выступавшего против принципа разделения власти, что, по его мнению, делает безжизненным государство и не способствует сплоченности гражданского общества. Одновременно Руссо подчеркивал верховенство и полновластие народа в государстве, необходимость участия граждан в управлении общественными делами, необходимость контроля

за выполнением решений со стороны исполнительной власти.

Конституционное законодательство Франции XVIII в. во многом обязано Ж.-Ж. Руссо. В Декларации прав человека и гражданина, Конституции 1791 г., Конституции 1793 г. во Франции есть прямые ссылки на положения, сформулированные Руссо. В XIX в. значение его идей также было существенно. Не без влияния идей Ж.-Ж. Руссо возникли такие новые демократические институты, как референдум, народная законодательная инициатива и т. д.

Наиболее радикальные взгляды на гражданское общество, противостоящее государству, представлены в трудах деятелей Американской революции Б. Франклина [21, р. 239–253], Т. Джефферсона [9], Т. Пейна [13], Дж. Мэдисона и др. [17]. Народ, по их мнению, является верховным обладателем власти. Американские просветители считали, что граждане для осуществления своих прав выбирают правительство, которое функционирует в интересах гражданского общества. Так, Т. Пейн указывал на то, что чем совершеннее гражданское общество, тем оно более саморегулируется и в меньшей степени нуждается в опеке со стороны государства [23, р. 104].

На практике идеи просветителей получили юридическое закрепление в Билле о правах в Англии, Декларации прав человека и гражданина во Франции, Декларации независимости США. Они заложили основы нового политико-государственного устройства и организации гражданского общества в русле демократического развития [1].

Французские и британские концепции оказали большое воздействие на Германию через работы И. Канта, И. Фихте и целого ряда других авторов. Под гражданским обществом Кант понимал общество, основанное на универсальных правах человека, выходящих за рамки любых частных правовых или политических систем. В кантовской философии истории постулировалось некое всеобщее гражданское общество, основанное на принципе господства права. И. Кант выдвинул следующие принципы функционирования гражданского общества: свобода каждого члена общества как человека; равенство его с любым другим членом общества; самостоятельность каждого члена общества как гражданина.

Он утверждал, что в условиях гражданского общества гражданин должен обладать той же возможностью принуждения властвующих к точному и безупречному исполнению закона, которой обладает властвующий в его отношении к гражданину. И. Кант сделал вывод: главный путь сочетания свободы каждого со свободой других – это формирование гражданского общества.

И. Кант и И. Фихте понятие гражданского общества осмысливали в духе французской Декларации 1789 г. как государственно-гражданское общество. В частности, в работах И. Фихте, впервые отмечалось резкое разграничение государства и общества и осмысление самого понятия общества с позиций индивидуализма и универсализма.

Оригинальная трактовка гражданского общества принадлежит немецкому философу, создателю диалектического учения Г. В. Ф. Гегелю. Согласно его концепции, гражданское общество – это не просто сумма индивидов, а связь людей через их потребности, через разделение труда, через правовые учреждения, через внешний порядок.

Философ «встроил» 3 основных элемента в свою теорию гражданского общества, систематизировав, таким образом, его структуру. Во-первых, он заимствовал в традиции естественного права и у И. Канта универсальное определение индивида как носителя прав и субъекта нравственного сознания. Во-вторых, обобщил введенное Просвещением противопоставление государства и гражданского общества, которое, таким образом, предусматривало их взаимопроникновение. В-третьих, у А. Фергюсона и последователей теории политической экономии он позаимствовал разработанный ими подход к гражданскому обществу как к вместилищу, носителю материальной цивилизации.

Гражданское общество, считал Гегель, – это сфера частных интересов. Такое общество состоит из сословий. Сословная принадлежность индивидуумов определяется потребностями, трудом и их культурой [7, с. 208–209].

В принадлежности к сословию индивидуум перестает быть только частным лицом – вот нравственный момент, по мысли философа.

Г. Гегель писал, что «гражданское общество есть разъединение, которое появляется посредине между семьей и государством ...» [6]. Гражданское общество, по Г. Гегелю, основано на частной собственности, социальной дифференциации, многообразии интересов индивидов и социальных групп.

Таким образом, идеальное государство у Г. Гегеля представляет собой не радикальное отрицание естественного состояния вечной войны (Т. Гоббс, Б. Спиноза), не инструмент сохранения и завершения естественного общества (Дж. Локк), не простой механизм администрирования данного природой, автоматически саморегулируемого гражданского общества. Лишь признавая и удерживая гражданское общество в подчиненном положении, государство может обеспечить его свободу.

Наиболее важное открытие Гегеля состоит в установлении им того, что гражданское общество строится по принципу добровольной ассоциации и предполагает новые формы солидарности, равноправного участия, членства и нравственности. Именно ассоциации гражданского общества (корпорации, сословия) служат той почвой, на которой складываются новые формы солидарности и коллективной идентичности.

К. Маркс и Ф. Энгельс продолжили создавать модель гражданского общества, разработанную Гегелем. Но, в отличие от него, основоположники марксизма акцентировали внимание на первоочередной роли в истории человечества именно гражданского общества, а не государства. К. Маркс отмечал, что гражданское общество выступает движущей силой, аренной всей истории. И отношения между гражданским обществом и государством не что иное, как отношения между публичной властью и индивидуальной свободой. Он подчеркивал, что неразвитость институтов гражданского общества, отсутствие правового разграничения его функций и государственных могут отбросить общество в прошлое и привести к диктатуре. В неразвитом обществе «государство опутывает, направляет, держит под своим контролем и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни... не дает, наконец, гражданскому обществу создать свои соб-

ственные, независимые от государственной власти органы» [11, с. 157–158].

В целом, К. Маркс упростил крайне сложную структуру гегелевской модели гражданского общества, сведя последнее фактически к сфере труда, производства и обмена. Для марксизма гражданское общество составляет форму, в которой осуществляется экономическое развитие. В. И. Ленин, следуя логике К. Маркса, отказался даже от самого термина «гражданское общество», а «общественную формацию» трактовал в основном как совокупность производственных отношений.

В экстраординарной способности индивидов к объединению, причем, не только в частной жизни, видел ключ к пониманию гражданского общества известный французский исследователь Америки, политик, социолог, историк, писатель А. де Токвиль (1805–1859 гг.) [16]. Его концепция восходит к М-концепции Ш.-Л. Монтескье. Он характеризовал гражданское общество как внегосударственную форму социума. Большое внимание Токвиль отводил добровольным ассоциациям граждан, нередко противостоящих государству и защищающих от него гражданские свободы. В узком понимании, гражданское общество оценивалось им как набор независимых от государства гражданских ассоциаций.

Самым знаменательным явлением эпохи А. де Токвиль считал демократию, сердцевиной которой является принцип равенства. Основным пунктом мирозерцания Токвиля являлась свобода личности.

Разделяя либеральные взгляды и отстаивая веру в спасительность принципа «laissez faire, laissez passer» (свободы от вмешательства) в экономических отношениях, А. де Токвиль видел, однако, другие ее недостатки и понимал, что в обеспечении свободы главную роль играет вековое воспитание народа, что одни конституционные учреждения по образцу английских еще недостаточны для этой цели. Государственная власть расширяется и проникает все глубже в жизнь общества; личность попадает все в большую зависимость. Местное самоуправление уничтожается и заменяется административной централизацией. Устанавливается всемогущая, абсолютная тирания народного большинства. Процесс этот идет еще скорее, если демократии приходится вести войны, которые особенно опасны для

свободы, так как требуют сосредоточения всех сил государства. А от тирании большинства до единоличного деспотизма – один только шаг.

Еще в 1835 г. А. де Токвиль в своем труде «Демократия в Америке» утверждал, что как ни существенен для стабильного функционирования демократического политического устройства богатый набор гражданских институтов, важно, что сами они должны быть иерархичны и недемократичны по своей внутренней структуре. Соответственно этому, католическую церковь и патриархальную семью он считал функциональными демократическими институтами отчасти по причине их внутренне недемократичного характера [16, с. 25–30].

В Новое время на Востоке можно отметить бесспорную роль взаимосвязанных общественных сил «религиозные институты – государство – гражданское общество». Конечно же, у каждой особая природа, различные сферы человеческого духа, практики и общежития. Ибо в деятельности религиозных институтов на первый план выступает устремленность людей к духовным ценностям, в деятельности государства, стремление к четкой и формализованной институализации межчеловеческих связей, а в практике гражданского общества – тяготение к непринужденным формам повседневной самодеятельности и самовыражения людей. Но автономия этих трех важнейших измерений жизни предполагает и принцип их взаимного уважения и взаимной соотнесенности [4].

Весь второй период Нового времени (1683–1918 гг.) проходил под знаком бесспорного интеллектуального, военно-технического, культурного и политического превосходства Запада. Его социально-политические и духовные ценности приобрели всеобщее значение, став образцовой моделью «цивилизации», своего рода эталоном, на который начали равняться во всех частях земного шара.

Основы современного понимания гражданского общества на Западе заложили М. Вебер [3], П. Сорокин [15], С. Франк [18], А. Грамши [9] и другие мыслители первой половины XX столетия.

Так, последний из крупных итальянских мыслителей марксистской ориентации А. Грамши (1891–1937 гг.) в своей работе «Тюремные тетради» дал определение гражданского общества как «прочной цепи крепостей и казематов», принимающей на себя удар революционного натиска, когда первая линия обороны – государство – оказывается прорванной [9, с. 200]. Эта, ставшая хрестоматийной, формула гражданского общества предвосхищает ту проблему, которая окажется в центре дискуссий о гражданском обществе к концу XX столетия. Дискуссию можно выразить так: кого и от кого защищает гражданское общество – государство от граждан или граждан от государства? В целом ряде случаев А. Грамши прямо противопоставляет «гражданское общество» – «политическому» [9, с. 245–246], но одновременно указывает на неизбежность «смешения гражданского общества и общества политического», объясняя это тем, что «в общее понятие государства входят элементы, которые должны быть отнесены к понятию гражданского общества». Поэтому, его позиция в самом общем виде сводится к формуле: «государство = политическое общество + гражданское общество» [9, с. 247].

Для сравнения, Дж. Локк наоборот, отождествлял «гражданское общество» и «политическое общество». Естественно, А. Грамши пошел намного дальше, не смешивая эти два понятия. Итальянский ученый утверждал, что гражданское общество является достаточно цельным образованием, которое в определенных исторических условиях может взять на себя функции государства и «поглотить» его. Однако, такой подход не получил должного развития в марксистской историко-политической мысли.

Таким образом, преимущественно либеральные идеи XVIII–XIX вв. оказали огромное влияние на развитие гражданского общества и его институтов, что воплотилось позднее в строительстве социального, правового и демократического государства.

Литература

1. Американские просветители. Избранные произведения: В 2 т. – Т.1 / сост. Н. М. Гольдберг. – М: Мысль, 1968.
2. Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика / пер. с англ. и под ред. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, Cato Institute, 2004.

3. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990.
4. Галкина Е. В. Концептуальный анализ современных моделей гражданского общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 8.
5. Галкина Е. В., Герман Р. Э. О политическом менеджменте: институциональный подход // Гуманитарные и юридические исследования. – 2014. – № 3.
6. Гегель Г. В. Ф. Общество и государство // Антология мировой философии: В 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1971.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
8. Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И. И. Кальной. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2000.
9. Грамши А. Избранные произведения: пер. с ит. / под общ. ред. И. В. Григорьевой. – М.: Политиздат, 1980.
10. Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. – Л.: Наука, 1990.
11. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1963. – Т. 8.
12. Остроумов М. В. Концепция гражданского общества Дж. Бентама: классическое либеральное наследие и постсоветская Россия // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект: Материалы XVII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16–17 мая 2005 г.: В 2 ч./ Под ред. С.Н. Полторака. – СПб.: Изд-во «Нестор», 2005. – Ч. 1.
13. Пейн Т. Избранные сочинения. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
14. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. – М.: Кучково поле, 1998.
15. Сорокин П. А. Социологические теории современности. – М.: ИНИОН, 1992.
16. Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992.
17. Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Д. Мэдисона и Д. Джея. – М.: Литера, 1994.
18. Франк С. Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.
19. Bentham: Moral, Political, and Legal Philosophy / Ed. by G.J. Postema. – Aldershot, 2002. In 2 Vols. – Vol. 1.
20. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. – Dublin: Printed by Boulter Grierson, Printer to the King's most Excellent Majesty, MDCCLXVII. [1767].
21. Franklin B. Revolutionary Writings (1766-1787) // The Autobiography and Other Writings by Benjamin Franklin. / Ed. by P. Shay. – N.Y.: Bantam Books, 1989.
22. The Classical Utilitarians: Bentham and Mill / Ed. by J. Troyer. – Indianapolis: Hackett Publishing Company, Inc., 2003.
23. The Complete Writings of Thomas Paine. – In 2 Vols. – N.Y.: Citadel Press, 1945.

УДК 323.21

С. Ю. Иванова

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ

В статье рассматриваются политические ценности современной российской молодежи, их динамика и специфика применительно к региону Северного Кавказа. Анализируются причины этнизации политики и политизации этнического фактора. Обосновывается необходимость укрепления полити-

ческой нации в России и смещения этнических маркеров из области политического в область культуры.

Ключевые слова: молодежь, гражданская идентичность, политика, ценности, культура, этничность.

S. U. Ivanova

CIVIC IDENTITY AND POLITICAL VALUES OF THE YOUTH OF RUSSIA

The article discusses the political values of modern Russian youth, their dynamics and specifics in relation to the North Caucasus region. It analyzes the causes of ethnicising of politics and politicization of an ethnic factor. The author corroborates the necessity of strengthening the

political nation in Russia and shifting ethnic markers from the political sphere to the area of culture.

Key words: youth, civic identity, politics, values, culture, ethnicity.

Политическая культура молодежи представляет собой важный ресурс социального согласия и демократического развития. Молодежь наиболее восприимчива к процессам трансформации социальных норм и традиций, так как в силу специфики своего возраста и отношения к жизни именно она быстрее других усваивает новые ценности и более других нуждается в гражданской идентичности, «встроенности» человека в некое политическое и правовое пространство.

Современная молодежь зачастую уже не принимает ценностную архаику вчерашнего дня, а новая ценностная система в силу своей аморфности и противоречивости молодыми людьми еще не осознана. В результате, можно наблюдать кризисные явления в процессах самоидентификации молодежи, следствием которых, в первую очередь, является снижение рейтинга ценностей социального должностования, что существенно ослабляет субъектную активность человека в структуре общественных взаимодействий. Утрата в современной российской социальной практике общинного взаимодействия молодежи, которое в советское время реализовывалось в

деятельности комсомола, не была восполнена на уровне обыденности, что вызывает определенную неудовлетворенность и поиск новых форм коллективности, зачастую девиантного характера.

В структуре ценностей современной российской молодежи наряду с преобладанием ценностей материального благополучия, утилитарных, гедонистических установок, лидирующее положение занимает семья. В области труда происходит снижение ориентаций молодежи на интересную работу и общественную деятельность, труд из терминальной ценности превращается в инструментальное средство для заработка и карьерного роста. Ослабление позиций армии в современном российском обществе за последнее время, утрата прежней мировоззренческой позиции и несформированность новой привели к утрате молодыми людьми целей и смысла самоотверженного служения Родине.

Особенностями политической культуры современной молодежи РФ является фрагментированность и аморфность. Низкая оценка деятельности ряда политических организаций экстраполируется на деятельность го-

сударства. Но самым тревожным симптомом является низкая личная активность в непосредственном участии в акциях и молодежных общественных организациях. Налицо противоречие между желанием перемен и низким уровнем самоорганизации при отстаивании своих прав и реализации потребностей.

Для устойчивой национальной идентичности важны прошлое, настоящее и будущее, так как прошлое является исторической основой формирования гражданской идентичности человека, не менее значим положительный образ настоящего и будущего. Позитивная гражданская идентичность молодежи предполагает, в целом, непротиворечивость и развитость политической картины мира, положительную эмоциональную окраску в представлениях о власти, стране, государстве. Важным является ощущение сопричастности к общественной и политической деятельности, активная гражданская позиция.

Сознание нового поколения складывалось в сложный исторический период, характеризующийся трансформацией аксиологических основ, разрушением разделяемого всеми образа прошлого, идеологической неопределенностью. И если у старших поколений имела место сложившаяся иерархия ценностей, идеалы, убеждения, то молодежь путь становления прошла без четких ориентиров, политических и идеологических установок, не имея четкого образа будущего и представлений о его достижении.

Перестроечный период характеризовался отсутствием интереса к молодежи со стороны власти. В последнее десятилетие ситуация кардинальным образом изменилась. Власть видит в молодежи основной субъект социально-экономических преобразований. Возникло и обрело политический вес множество молодежных общественных и политических организаций. Возродилось студенческое самоуправление. Во многих регионах созданы «молодежные парламенты», «молодежные правительства. Практически все субъекты РФ создали управленческий резерв из числа молодежных активистов и талантливых молодых людей. Однако исследования показывают, что сделанного недостаточно. Непосредственно в политической жизни страны активно принимают участие 3 % молодежи, 27,5 % внимательно следят за политической жизнью, около 41 % нерегулярно интересуются политикой,

а почти 28 % вообще не проявляют никакой заинтересованности в политике [3, с. 99]. Самой известной молодежной организацией, согласно исследованию Фонда общественного мнения является «Молодая гвардия Единой России» (ее отметили 25 % опрошенных респондентов), за ней идут движения «Наши» (15 %), «Россия молодая» (15 %), а также национал-большевики (10 %). Как показал социологический опрос, молодежь Ставрополя достаточно неоднозначно относится к молодежным движениям. Положительное отношение к ним проявляют – 48 %. Эти данные свидетельствуют о необходимости повышения продуктивности и эффективности в деятельности молодежных организаций [6, с. 56].

Одной из причин невысокого интереса к политической реальности со стороны молодежи являются известные возрастные особенности, неустойчивость идеологических приоритетов их аморфность и поверхностность. Кроме того, на поведение молодежи влияют и западные стандарты жизни и поведения, особенно индивидуалистические принципы, вытеснившие в постперестроечный период коллективистские принципы советского периода.

Об аморфности гражданской позиции и политических ценностей свидетельствует то обстоятельство, что внутри одной социальной группы молодежи могут быть представлены диаметрально противоположные политические предпочтения. Следовательно, можно предположить, что на формирование идеологии и политических установок большее, чем социальные факторы, накладывают отпечаток культурные, досуговые, этнические факторы. Не следует забывать и о таком факторе, нередко определяющем вектор политических предпочтений молодежи, как социальная мода. Все вышеперечисленные факторы отчасти объясняют причины неустойчивости политических ценностей и политического поведения молодых людей.

Следует заметить, что очень немного молодежных организаций создано молодежью самостоятельно, большая часть политического молодежного спектра представлена организациями, созданными «сверху». Большинство объединений представляют собой либо молодежные отделения различных «политических партий, либо политические проекты, созданные старшим поколением для

решения каких-то конкретных политических задач» [2, с. 58].

Атомизация и распад общественных связей приводят к поиску групп, дающих поддержку, ощущение защищенности и стабильности. Вариантами ответа на эту потребность чаще всего становятся этнические и религиозные сообщества [1, с. 194]. Современные исследователи все больше склоняются к позиции, что идентичность россиян начала приобретать черты всеобщей этнизации, которая теперь затрагивает также и русское население, еще недавно не придававших особой роли этнической принадлежности и идентифицировавших себя, прежде всего, с государством. Хотя русские в своем большинстве не стали националистами, сегодня они гораздо более чувствительны к этнической проблематике, чем раньше. Преобладание этнической идентичности над гражданственностью можно наблюдать и у северокавказской молодежи, что в значительной степени является компенсацией диффузии гражданско-политического начала как ценностно-смысловой конструкции.

В то же время жизнеспособность и эффективное развитие государства и общества предполагает формирование устойчивой гражданской нации, объединенной общими символами, ценностями, интересами и целями, чего пока нет в современной России. Верхушечные же декларации и договоренности еще не являются достаточным основанием для создания единого государства-нации. Наметившаяся тенденция массового сознания в сторону этнизации является реакцией на кризис строительства государства-нации [5]. Сегодня все более углубляются процессы, наносящие вред гражданскому единству и очерчивающие границы между этническими группами. Многие российские исследователи отмечают повышение политизации этничности и этнизации политики. Политизация этничности – «это привнесение «современных», «искусственных», «рефлексивных» политических отношений в «традиционные», «естественные», «спонтанные» этнические связи. Это преобразование уз, связующих традиционные общества, в «коллективную личность» современного государства». Этнизация политики – «это обратное влияние традиционного социума на «вторгшуюся» в него политику. Это привнесение в сферу идеологической борьбы и государственного строительства матрицы этнического мышления с присущим ему духом органической общно-

сти, кодом различения «своих» и «чужих» [4]. Дж. Ротшильд рассматривает политизированную этничность, как определенную реакцию этнической группы на структурные изменения, вызванные трансформацией процессов макроуровня [7, с. 90].

Этнизация политики делает ставку на различия, а не на единство, что деформирует идею гражданства и делает невозможным нормальное функционирование демократических институтов. Всю совокупность этнических организаций можно подразделить на этнонационалистические и этнокультурные. Отличия их состоят в том, что если этнокультурная организация занимается в основном вопросами культуры и языка, то этнонационалистическая организация противопоставляет интересы своего народа гражданским интересам. Проблема состоит в том, что нередко этнокультурные организации, по сути, выступают как этнонационалистические, не ограничиваясь только сферой этнической культуры, и расширяя свою деятельность на другие области, прежде всего политику. Выступая от имени «своего народа», такие организации вовсе не обязательно отражают их интересы. За действиями таких организаций, как показывает практика, скрывается борьба за допуск к власти и иным ресурсам, о чем свидетельствует наличие нескольких организаций одного и того же этноса, которые конкурируют между собой. Распространение различных этнонационалистических организаций и их политизация приводит к нарастанию различных видов ксенофобий этнического характера – не только среди русских, но и среди представителей различных этнических групп.

Итак, распад идентичности «советского народа» привел к всеобъемлющему кризису политической идентификации. Вследствие этого произошла сегментация жителей России на множество этнических элементов, самоопределяющихся посредством категорий «свои-чужие». Ошибкой советской политики было то, что стремление сформировать «советскую идентичность» осуществлялось наряду с идеей автономности и неделимости этносов, наделенных определенными политическими правами. После устранения советского режима, страна оказалась в идеологическом вакууме. Стремление на скорую руку сконструировать политическую нацию «россиян» не принесло быстрых результатов, данная конструктивистская идентичность не смогла стать ведущей в

сознании жителей России и сплотить население в политическую нацию.

Гражданское равенство как главный признак демократического государства сегодня начинает подвергаться трансформации, вызывая политическую асимметрию, и выражая претензии на политические привилегии тех или иных этнических элит. Происходит перенос политических прав с отдельных граждан, как индивидуальных субъектов, на этносы, как коллективные субъекты. В России ситуация осложняется еще тем, что здесь существует смешанный принцип регионального деления – этнический и территориальный, что зачастую вызывает властную асимметрию, политическое неравенство, привилегии этнотерриториальных субъектов.

Важно отметить, что этнизация политики провоцирует этнические конфликты, подрывая гражданское единство. Стимулом социальной активности часто становятся именно этнические, а не гражданские факторы, что, в частности демонстрирует постсоветская история Северного Кавказа. Политизированная этничность, пытаясь обосновывать приоритеты для своего этноса и необходимость легитимизации отдельной этнической группы как субъекта права, нередко использует этнонационализм в качестве средства мобилизации для достижения определенных политических и экономических целей.

Доминирование «этнического подхода» в политике провоцирует участие все большего количества этнических игроков, в то время как демократические и гражданские институты укореняются весьма слабо, особенно на Северном Кавказе. Политические субъекты (партии, общественные организа-

ции) в такой ситуации заменяются дополитическими – этносами, кланами, землячествами, консолидациями «союза племен». Все это фрагментирует социально-политическое пространство на этнические сегменты.

Поэтому для успешного построения нации-государства необходима деполитизация этничности и деэтнизация политики. Цель интеграционной политики состоит в том, чтобы создать государственный национализм, который имеет политическую основу единства, т. е. разделяемое чувство гражданства. Для функционирования этнической группы достаточно наличия самосознания. Для сознания же нации необходимым является государственность и объединение людей на основе признаваемых и разделяемых национальных интересов.

Таким образом, политическое сознание молодежи, с одной стороны, формируется в результате целенаправленного процесса воспитания и обучения политическим знаниям, нормам, принципам, требованиям и идеалов. С другой стороны оно является отражением социально-политической ситуации современности и положением молодежи в этом обществе. Противоречивость и размытость политических отношений и политического пространства, «действия не столько реальных политических сил, сколько их симулякров», возникающих, распадающихся и объединяющихся, создавая впечатление политической борьбы, доминирование не столько идейных позиций, сколько узко корпоративных интересов – не позволяет укрепиться идентичностям в политическом сознании современной молодежи, порождая состояние неопределенности.

Литература

1. Жаковска М. Эволюция российской молодежной культуры // История и современность. – 2011. – № 2.
2. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. – М.: Институт социологии РАН, 2007.
3. Молодежь Ставрополя. – Ставрополь. 2010.
4. Ремизов М. Введение в национализм. Часть 1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.apn.ru/publications/article17695.htm> (Дата обращения: 05.04.15).
5. Соловей В. Д. Революция русской этничности. // Нева. – 2005. – № 6. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2008/6/so7.html> (Дата обращения: 04.04.15)
6. Сунцов Е. А. Социально-правовой аспект развития гражданственности молодежи // Власть. – 2012. – № 9.
7. Чагилов В. Р. Феномен политизированной этничности и конфликт в контексте процессов глобализации // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.

РЕЦЕНЗИИ

Убушаев В. Б. «Всех калмыков переселить» ... в Сибирь. (О депортации калмыцкого народа в сибирские регионы: 1943–1957 гг.). Элиста; ЗАО «НПП «Джангар», 2014. – 656 с.

Тема депортации народов долгие годы являлась одной из самых идеологизированных и одновременно наиболее табуированных в истории СССР. Обособленной подтемой в историографии вопроса массовых репрессий стоят события Великой Отечественной войны, когда, следуя официальной доктрине фашистской Германии на разжигание национальной розни, немецкие власти прилагали максимальные усилия для развития явлений коллаборационизма на оккупированных советских территориях. Массовое дезертирство, сотрудничество с оккупантами и активная антисоветская вооруженная борьба части отдельных народов в годы войны были объявлены советской властью причинами депортации. Принудительному переселению была подвергнута большая часть «неблагонадежных» народов, вопреки тому, что представители этих народов трудились в тылу, сражались в рядах Красной Армии и принимали участие в партизанском движении.

С начала 1990-х годов исследователям стали доступны многие документы, находившие под грифом «совершенно секретно», тема депортации вошла в число наиболее обсуждаемых. Началось становление историографии по каждому из подвергшихся депортации народов.

Одним из первых ученых-историков России, приступивших к исследованию документов и материалов по депортации и репатриации репрессированных народов, является доктор исторических наук, профессор Калмыцкого государственного университета Убушаев Владимир Бадахаевич – заслуженный деятель науки России и Калмыкии, руководитель Научного центра «Репрессированные народы России: история и современность». В 2014 году историографическая база вопроса депортации народов пополнилась еще одной работой проф. Убушаева В. Б. «Всех калмыков переселить...» в Сибирь. (О депортации калмыцкого народа в сибирские регио-

Ubushaev V. B. «All Kalmyk's people have to be resettled» ... in Siberia. (The deportation of the Kalmyk's people in the Siberian region: 1943–1957). Elista; ZAO «NPP» Dzhangar», 2014. – 656 p.

ны: 1943–1957 гг.), научным редактором которой выступил академик РАН, заслуженный деятель науки РФ Г. А. Куманев.

Эта работа – результат многолетних исследований по системному представлению национальной трагедии калмыков, оказавшихся в 13-летней ссылке. Работа, объемом в 41 п. л., имеет четыре раздела. В первом разделе представлен подробный анализ источниковой и историографической базы исследования по проблеме депортации народов, второй раздел посвящен вкладу калмыков в Победу (на фронтах войны, в тылу и партизанском движении), третий – обвинениям, которые вменялись народу, четвертый – операции «Улусы» по высылке калмыков и нахождению их в ссылке. Работа содержит приложения в виде официальных нормативно-правовых документов по проведению спецоперации НКВД в Калмыкии (указы, приказы, донесения, рапорты, инструкции) и фотоальбома. Автор также представляет позицию по рассматриваемой проблеме профессоров КГУ Салаева Б. К., Борликова Г. М. и др.

Безусловно, достоинством работы, является стремление автора объективно рассказать историю так называемого «Калмыцкого кавалерийского корпуса» (ККК), сформированного гитлеровским военным командованием летом 1943 года и послужившего одним из главных обвинений целого народа.

В процессе исследования автором введен в научный оборот ряд неопубликованных ранее документов, в том числе докладные отчеты отдела спецпоселений УНКВД-УМВД по отдельным областям Сибири и Дальнего Востока. Используются разнообразные эпистолярные источники. В работе рассмотрен механизм репрессий по национальному признаку, анализируется правомерность и последовательность мероприятий государственных властей по насильственной депортации народов и упразднению Калмыцкой АССР, представлены обобщенные статистические

данные о численности высланных калмыков, исследован вопрос о географии их расселения, смертности при переселении и общих демографических потерях калмыцкого народа в результате депортации. Приведены примеры сокрытия количества погибших калмыков в ходе транспортировки к месту ссылки и на местах поселений. Работа содержит большой фактический материал. Автор анализирует тюремно-концентрационный режим в спецпоселениях, бытовые и морально-психологические проблемы, с которыми столкнулись калмыки, их трудовую деятельность, открытые и пассивные формы протеста, стратегии выживания народа.

Работа выполнена на основе системного подхода и позволяет составить целостную картину причинно-следственных связей депортации народов, и калмыков в частности. По мнению автора, исходя из аргументации власти геостратегического, военно-политического, военно-экономического характера народы Северного Кавказа были принесены в качестве жертвы на алтарь Победы. Насильственная депортация народов и с правовой и с моральной точки зрения была бесчеловечной и незаконной акцией. Сравнительный анализ

процессов депортации разных народов показывает, что калмыцкий народ понес наибольшие демографические потери: численность калмыков за период между переписями населения 1939 и 1959 гг. сократилась на 1/3. Кроме того, народу, дисперсно расселенному по областям и краям Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, сложно было сохранять язык, религию, культуру, сильно было подорвано здоровье этноса.

Исследование профессора Убушаева В. Б. – яркий пример того, что современный этап историографии проблемы репрессий по национальному признаку характеризуется использованием новых подходов, обращением к макро- и микроуровню исследований, как через призму геозамыслов государства, так и конкретных человеческих судеб, расширением круга источников, в том числе источников личного происхождения. Перспективная стратегия профессора Убушаева В. Б. в изучении проблемы депортации народов нацелена на проведение междисциплинарных исследований, с объединением усилий историков, юристов, социологов, экономистов и демографов.

Г. Н. Каменева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бервененко Татьяна Викторовна – магистр факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / bervenenko.tanya@yandex.ru

Галкина Елена Вячеславовна – доктор политических наук, профессор кафедры общей социологии и политологии Института социальных наук и образования Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / galkina_e@rambler.ru

Заплетнюк Ольга Андреевна – аспирантка Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Киев, Украина) / dgadefra@mail.ru

Золоева Зарина Тамерлановна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (г. Владикавказ) / 4noiabria@mail.ru

Иванов Вадим Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры дизайна Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / vanoff.vad@yandex.ru

Иванова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ivanovairinna@mail.ru

Иванова Светлана Юрьевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / isu-socf@yandex.ru

Каменева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь) / KamenevaGN@mail.ru

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета (г. Владикавказ) / koibaevbg@mail.ru

Краснова Ирина Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / gorward_@mail.ru

Кучугурова Варвара Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры русской речи Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / varvara-11@ya.ru

Останкович Анатолий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ost_av@mail.ru

Петренко Денис Иванович – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / petrenko2045@yandex.ru

Пикалов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и искусств Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / swaromir@mail.ru

Польская Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / polskaya-sa@yandex.ru

Пономаренко Елена Николаевна – магистр факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ln-pn@yandex.ru

Сазонова Анастасия Сергеевна – магистр факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / sazonova.nastya88@mail.ru

Сафарова Камилла Рустамовна – студентка факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / safarova_kamilla@mail.ru

Скиррипа Пино – профессор Отделения Истории, Культур, Религий (Dipartimento di Storia, Culture, Religioni) Университета La Sapienza (г. Рим, Италия), директор Представительства итальянской этнологии в Тиграи – Эфиопии Представительства итальянской этнологии в Гане / pino.schirripa@uniroma1.it

Смагина Светлана Михайловна – кандидат исторических наук, профессор кафедры исторической политологии Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) / decanat@hist.sfedu.ru

Стрекалова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / strekalova-lena@yandex.ru

Сумской Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института, первый проректор Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / DSumskoy@ncfu.ru

Тимченко Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / doomer10@ya.ru

Фокина Анастасия Дмитриевна – магистр факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / nastasya140@rambler.ru

Черная Татьяна Карповна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / tatyana_chernaya@mail.ru

Чернов Михаил Сергеевич – заместитель директора МБОУ лицей № 16 по воспитательной работе (г. Ставрополь) / maikl.chernov@mail.ru

Штайн Клара Эрновна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / textus@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bervenko T. V. – Master Student of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / bervenenko.tanya@yandex.ru

Galkina E. V. – Dr. of Political Science, Professor of Chair of General Sociology and Political Sciences of Institute of Education and Social Sciences of North-Caucasian Federal University (Stavropol) / galkina_e@rambler.ru

Zapletniuk O. A. – Post Graduate of Taras Shevchenko Kiev National University (Kyiv, Ukraine) / dgadefra@mail.ru

Zoloeva Z. T. – Senior Teacher of Chair of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / 4noiabria@mail.ru

Ivanov V. V. – PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor of Chair of Design of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / vanoff.vad@yandex.ru

Ivanova I. N. – Dr. of Philology Sciences, Professor of Chair of National and World Literature of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / ivanovairinna@mail.ru

Ivanova S. U. – Dr. of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Social Philosophy and Ethnology of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / isu-socf@yandex.ru

Kameneva G. N. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / KamenevaGN@mail.ru

Koibaev B. G. – Dr. of Political Sciences, Professor of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / koibaevbg@mail.ru

Krasnova I. A. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Archaeology and General History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / gorward_@mail.ru

Kuchugurova V. M. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Culture of Russian speech of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / varvara-11@ya.ru

Ostankovich A. V. – Dr. of Philology Sciences, Professor of Chair of National and World Literature of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / ost_av@mail.ru

Petrenko D. I. – Dr. of Philology Sciences, Associate Professor of Chair of Russian language of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / petrenko2045@yandex.ru

Picalov D. V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Culturology and Arts of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / swaromir@mail.ru

Polskaya S. A. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Archaeology and General History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / polskaya-sa@yandex.ru

Ponomarenko E. N. – Master Student of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / In-pn@yandex.ru

Sazonova A. S. – Master Student of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / sazonova.nastya88@mail.ru

Safarova K. R. – Student of Faculty of Philology, Journalism and Intercultural Communication of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / safarova_kamilla@mail.ru

Schirripa P. – Professor of Department of History, Culture, Religion of La Sapienza University (Rome, Italy), Director of Italian office of Ethnology in Tigray - Ethiopia of Italian office of Ethnology in Ghana / pino.schirripa@uniroma1.it

Smagina S. M. – PhD in Historical Sciences, Professor of Chair of Historical Political Science of Institute of History and Foreign Relations of South Federal University (Rostov-on-Don) / decanat@hist.sfedu.ru

Strecalova E. N. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / strecalova-lena@yandex.ru

Sumskoy D. A. – Dr. of Law, Professor of Chair of Civil Law and Civil Procedure of Institute of Law, First Pro-Rector of North Caucasus Federal University (Stavropol) / DSumskoy@ncfu.ru

Timchenko V. V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor Chair of Archaeology and General History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / doomer10@ya.ru

Fokina A. D. – Master Student of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / nastasya140@rambler.ru

Chernaya T. K. – Dr. of Philology Sciences, Professor of Chair of National and World Literature of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / tatyana_chernaya@mail.ru

Chernov M. S. – Deputy Director on Educational Work of the Lyceum № 16 (Stavropol) / maikl.chernov@mail.ru

Stain C. E. – Dr. of Philology Sciences, Professor of Chair of Russian language of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / textus@mail.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2015. № 2 (6)

Редакторы, технические редакторы:
Л. Г. Ерицяи, Н. Б. Копнина, А. Р. Хасанова, К. А. Лавренюк
Компьютерная верстка Н. П. Чивиджева
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 28.07.2015

Формат 60x84 1/8

Усл. п. л. 14,18

Уч.-изд. л. 13,76

Бумага офсетная

Заказ 237

Тираж 100 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.